ПИСЬМА

ВЛАДИМІРА СЕРГѢЕВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

Томъ I.

Подъ редакціей **Э. Л. Радлова.**

Чистый доходъ предназначается ка стипендію имени Вл. С. Соловьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, д. 39.
1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ прошломъ году, въ кружкѣ лицъ, знавшихъ Вл. С. Соловьева, возникла мысль объ изданіи его писемъ. Однако, не всѣ лица, къ которымъ я обратился съ просьбой о содѣйствіи при собираніи матерьяловъ, отнеслись одинаково сочувственно къ этому дѣлу; нѣкоторые высказали сомнѣніе относительно своевременности изданія писемъ. Такое сомнѣніе естественно можетъ закрасться и въ душу читателя, когда онъ ознакомится съ содержаніемъ этого тома, въ которомъ талантъ философа обнаруживается въ сферѣ, имѣющей мало общаго съ философіей. Сомнѣніе, конечно, возникало и у меня, и тѣмъ не менѣе я рѣшился выпустить въ свѣтъ этотъ сборникъ, руководствуясь главнымъ образомъ двумя соображеніями: во-первыхъ, я вполнѣ увѣренъ, что эти письма, несмотря на ихъ иногда нѣсколько легкій тонъ и интимный характеръ, не только не послужатъ во вредъ памяти философа, но привлекутъ къ нему многія сердца, которымъ мечты и мысли философа недоступны или даже мало симпатичны. Незлобивыя шутки и насмѣшки Соловьева надъ пріятелями и самимъ собой не вызовутъ тягостнаго чувства; читатель, я увѣренъ, оцѣнитъ не только остроуміе и юморъ стихотвореній, но и чисто дѣтскую веселость [1]) ихъ, и придетъ къ тому же выводу, къ какому пришелъ знаменитый епископъ Штроссмайеръ на основаніи продолжительнаго общенія съ Соловьевымъ: „Soloviev anima candida, pia ac vere sancta est“. Да, по истинѣ, эта была чистая благочестивая, и святая душа! Дѣтская веселость, которой отличался Соловьевъ,

[1]) Эта черта характера Соловьева отмѣчена въ воспоминаніяхъ М. С. Безобразовой, сестры покойнаго философа, напечатанныхъ въ майской книжкѣ „Минувшихъ годовъ“ за 1908 годъ.

была свойственна многимъ знаменитымъ мистикамъ, и она весьма понятна въ душѣ, полной божественнаго вдохновенія. Соловьевъ очень хорошо опредѣлилъ роль, которую игралъ въ его жизни смѣхъ, а именно, въ посвященіи къ неизданной комедіи („Бѣлая Лилія“), мы читаемъ:

Не жди ты пѣсенъ стройныхъ и прекрасныхъ,
У темной осени цвѣтовъ ты не проси;
Не зналъ я дней сіяющихъ и ясныхъ,
А сколько призраковъ недвижныхъ и безгласныхъ
Покинуто на сумрачномъ пути.
Таковъ законъ: все лучшее въ туманѣ,
А ясное иль больно, иль смѣшно.
Не миновать намъ двойственной сей грани:
Изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій
Созвучіе вселенной создано.
Звучи же, смѣхъ, свободною волною
И хоть на мигъ рыданье заглуши.
Ты, муза бѣдная! Надъ темною стезею
Явись хотъ разъ съ улыбкой молодою
И злую жизнь насмѣшкою незлою
На мигъ обезоружь и укроти [1]).

Второе соображеніе, которымъ я руководствовался, имѣетъ характеръ практическій: *теперь* собрать письма Соловьева, когда многіе изъ его друзей еще живы, представляется дѣломъ не особенно труднымъ; но съ теченіемъ времени оно будетъ, конечно, становиться все болѣе и болѣе затруднительнымъ, и это заставило меня поторопиться съ дѣломъ собиранія и изданія писемъ.

Письма, помѣщенныя въ этомъ томѣ, имѣютъ главнымъ образомъ біографическое значеніе (въ виду этого помѣщены даже самыя незначительныя по содержанію записки), но они не лишены и литературнаго; ибо и въ нихъ обнаруживается въ полномъ блескѣ мастерство, съ которымъ владѣлъ Соловьевъ труднѣйшимъ изъ искусствъ, а именно искусствомъ художественнаго выраженія мыслей словами.

---

[1]) Это стихотвореніе отпечатано въ 4-омъ изданіи „Стихотвореній“ Вл. Соловьева, стр. 19. Мы печатаемъ его въ нѣсколько иной редакціи.

Теоретическое значеніе имѣютъ нѣкоторыя письма къ Н. Н. Страхову и записка о соединеніи церквей, представленная епископу Штроссмайеру.

Соловьевъ въ своихъ письмахъ упоминаетъ о многихъ лицахъ, еще не сошедшихъ съ житейской сцены, затрагиваетъ многіе вопросы и отношенія, не принадлежащіе еще всецѣло прошлому; въ виду этого издателю поневолѣ пришлось дѣлать легкія измѣненія текста, а именно: нѣкоторыя имена обозначены начальными буквами или скрыты подъ буквою N, нѣкоторыя фразы совершенно выкинуты; къ послѣднему издатель впрочемъ прибѣгалъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, такъ что все выпущенное, будучи напечатаннымъ, заняло бы не болѣе одной страницы.

И. И. Матченко. К. Я. Гроту, М. М. Стасюлевичу, И. В. Ягичу, Д. Д. Муретову, Л. А. Севу, А. К. Грефе, Н. А. Котляревскому, М. Н. Чернышевскому и другимъ, любезно предоставившимъ для напечатанія письма, находящіяся въ ихъ владѣніи, издатель приноситъ искреннѣйшую признательность и полагаетъ, что поступитъ согласно ихъ желанію, если направитъ весь чистый доходъ съ этого изданія на стипендію имени Вл. С. Соловьева лицу, оставленному при университетѣ съ цѣлью приготовленія къ каѳедрѣ философіи. Особую благодарность издатель считаетъ своимъ долгомъ выразить П. А. Кулаковскому, Г. Э. Зенгеру и С. М. Лукьянову, безъ постояннаго содѣйствія котораго это изданіе вообще не могло бы осуществиться.

Во второй томъ, который мы надѣемся выпустить въ теченіе 1909 года, войдутъ, во-первыхъ, нѣкоторыя письма, еще недоставленныя, но обѣщанныя, во-вторыхъ, всѣ письма, уже напечатанныя и разбросанныя по различнымъ повременнымъ изданіямъ, и, наконецъ, нѣкоторыя статьи, не вошедшія въ „Собраніе сочиненій“ Вл. С. Соловьева.

Э. Радловъ.

I.

Письма къ Н. Н. Страхову.

(1877—1881.) [1])

1.

Многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Я забылъ вчера сказать Вамъ о слѣдующемъ моемъ безцеремонномъ поступкѣ съ Вами. Я долженъ получить изъ Москвы пачку книгъ, и такъ какъ я сегодня уѣзжаю, то я заблагоразсудилъ, не спросясь Васъ, адресовать ихъ Вамъ. Ее должны доставить Вамъ на домъ. Въ случаѣ же, если пришлютъ Вамъ лишь повѣстку, то Вы, разумѣется, сами добывать посылку не будете, а Вамъ нужно только написать на повѣсткѣ довѣренность на мое имя, которую Вамъ въ понедѣльникъ засвидѣтельствуютъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, а когда я пріѣду въ Петербургъ, Вы мнѣ ее дадите. Простите, что я такъ Вами злоупотребляю, но въ Петербургѣ Вы для меня самый интимный человѣкъ, и я на Васъ смотрю какъ на родного дядюшку.

Хотя вчера и не состоялась желанная для меня бесѣда съ Н. Я. Данилевскимъ, но зато я пріобрѣлъ нѣсколько надеждъ для моего бѣднаго Еврея. А пока придется самому брать у него уроки еврейскаго языка.

Будьте здоровы. До свиданья.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Въ скобкахъ поставлены цифры годовъ на недатированныхъ письмахъ Влад. Соловьева. *Прим. ред.*

2.

Многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Послѣ того какъ мы видѣлись съ Вами у Кутузова, я опять захворалъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ отложить и свой отъѣздъ; а эти дни безвыходно сидѣлъ за дописываніемъ 3-ей своей статьи, которую окончу сегодня вечеромъ и сегодня же вечеромъ прочту ее на Милліонной. Если Вамъ возможно, заѣзжайте туда не ранѣе 11 часовъ (потому что сегодня концертъ)— доставили бы мнѣ и другимъ большое удовольствіе. Еслибы Вамъ пришлось пріѣхать раньше хозяекъ, то входите, не сомнѣваясь. Сегодня я не успѣю къ Вамъ заѣхать, но до отъѣзда буду у Васъ *непремѣнно*. До свиданія.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

3.

Буду у Васъ сегодня вечеромъ, дорогой Николай Николаевичъ, а теперь, пожалуйста, пришлите съ посланнымъ мое облаченіе.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

*

4.

Дорогой Николай Николаевичъ!

Ольга Алексѣевна Новикова (О. К.), желающая поговорить съ Вами объ одномъ дѣлѣ по порученію А. Ѳ. Аксаковой, проситъ Васъ очень пріѣхать къ ней въ субботу въ 1 ч. дня (Троицкій переулокъ, д. 38).

Будьте здоровы. До свиданія черезъ недѣлю.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

5.

Я нахожусь, многоуважаемый Николай Николаевичъ, въ довольно плачевномъ состояніи, вслѣдствіе сильной простуды. Не могу придти ни къ Вамъ, ни къ Мещерскому. Будьте такъ добры, зайдите ко мнѣ съ Вашей статьей, и если свирѣпость погоды лишитъ Васъ желанія отправляться въ страны болѣе отдаленныя, то проведемъ вмѣстѣ вечеръ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннею преданностью Вашъ

Вл. Соловьевъ.

6.

Дорогой Николай Николаевичъ!

Нѣкоторыя таинственныя обстоятельства принуждаютъ меня весь нынѣшній день сидѣть дома безвыходно. Если Вы свободны, не посѣтите ли меня? Если не можете, то пришлите съ посланнымъ Oeuvres posthumes de Saint-Martin.

Завтра я уѣзжаю въ Царское Село къ брату, а послѣ завтра въ Пустыньку къ графинѣ Толстой. Очень хотѣлъ бы Васъ видѣть. Вашъ

Влад. Соловьевъ.

Европейская, гост. № 119—121.

7.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Здравствуйте! и до скораго свиданья. Въ четвергъ или около того буду въ Петербургѣ Спасибо Вамъ большое за квартиру—жилъ въ ней прекрасно; только большое искушеніе отъ многокнижія—въ немъ же нѣсть спасенія.

Не писалъ Вамъ за-границу не столько по своей безчувственности, сколько по Вашему непостоянству: только соберусь написать, а Вы переѣзжаете въ другое мѣсто!

До свиданья. Еще спасибо.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

8.

Спасибо, дорогой Николай Николаевичъ, за доброе письмо. Относительно портрета отвѣчу въ непродолжительномъ времени.

Раньше половины января я не собираюсь въ Петербургъ и завтра посылаю просьбу объ отпускѣ. На-дняхъ хочу опять приняться за свои занятія — оканчивать диссертацію, которая выходитъ очень длинная и которую я думаю защищать въ февралѣ или мартѣ. Впрочемъ, у меня нервы сильно разстроены, такъ что пожалуй дѣло затянется.

Будьте здоровы, кланяйтесь общимъ пріятелямъ.

Истинно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

9.

26 янв. 79, Москва.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Пишу Вамъ съ одра болѣзни — страдаю лихорадкой и еще чѣмъ-то. Конечно, я и безъ того не пріѣхалъ бы въ Петербургъ, тѣмъ болѣе воздержусь отъ этого теперь. Впрочемъ, не подумайте, что я предаюсь „безумству, лѣни и страстямъ“— напротивъ того, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи часы моего уединенія освѣщаются лампадою Эпиктета.

Извините, что я пишу вздоръ, но у меня жаръ.

Что вы подѣлываете и что въ Петербургѣ? Напишите, если будетъ досугъ.

Въ началѣ марта, вѣроятно, мы увидимся, а до тѣхъ поръ будьте столь добры—получите по прилагаемой довѣренности мою синекуру и пришлите ее по слѣдующему адресу:—Въ Москву, Ея Пр — ству Поликсенѣ Владиміровнѣ Соловьевой, Денежный переулокъ, домъ Дворцовой конторы—весьма обяжете.

Я приготовилъ для Васъ нѣсколько стихотвореній и цѣлую мистерію,—но боюсь, что пропадутъ на почтѣ.

Будьте здоровы. Кланяйтесь кому попало. Всегда Вашъ

Вл. Соловьевъ.

10.

Многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Я пріѣхалъ не надолго въ Москву и потомъ думаю заѣхать на нѣсколько дней къ Льву Николаевичу. Не съѣдемся ли мы у него? А до тѣхъ поръ у меня есть къ Вамъ маленькая просьба. Я послалъ въ Департаментъ просьбу объ отпускѣ. Не будете ли Вы такъ добры (предполагаю, что Вы въ Петербургѣ) узнать, получено ли разрѣшеніе министра, и сообщить тамъ адресъ, по которому должны мнѣ прислать свидѣтельство, а именно: Николаевская жел. дор., станція Химки, Вл. Сер. Соловьеву.

Я потому обременяю Васъ этою просьбою, что никого въ Департаментѣ не знаю по имени, а безлично писать неловко.

Что Вы подѣлываете. Я пишу большую книгу: „Теорія міровой жизни“ и маленькую статью о расколѣ и свободѣ исповѣданія. Кромѣ Л. Н., думаю побывать этимъ лѣтомъ у Фета, и тутъ можно было бы намъ вмѣстѣ. Напишите, пожалуйста, нѣсколько словъ по вышеданному адресу.

Читалъ Ваше письмо о нигилизмѣ съ большимъ удовольствіемъ, какъ и все, что Вы пишете. Будьте здоровы и не забывайте меня.

Искренно Васъ уважающій

Вл. Соловьевъ.

11.

25 фев. 1881 г.

Дорогой Николай Николаевичъ!

Не будете ли Вы столь добры взять въ Департаментѣ мое жалованье раньше 1-го числа, чтобы его не возвращали въ общее казначейство.

Я пріѣду въ серединѣ будущей недѣли.

До скораго свиданья.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Довѣряю Коллежскому Совѣтнику Николаю Николаевичу Страхову получить вмѣсто меня слѣдующее мнѣ за февраль мѣсяцъ сего года содержаніе по должности члена Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Коллежскій Совѣтникъ

Влад. Соловьевъ.

12.

Многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я хотя и существую, но законнаго основанія бытію своему не имѣю, ибо Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія никакихъ документовъ мнѣ не присылаетъ. Если это означаетъ, что моя отставка еще не состоялась, то отсутствіе формальной причины (causa formalis) моего существованія будетъ до нѣкорой степени вознаграждено наличностью причины матеріальной (causa materialis), на каковой случай я и даю Вамъ прилагаемую при семъ довѣренность.

Впрочемъ получаемое „содержаніе“, хотя бы и за цѣлыхъ два мѣсяца, не составляетъ содержанія жизни. Что касается до сего послѣдняго, то я довольно ревностно и даже съ одушевленіемъ пишу свою большую книгу. „Архіерейское письмо“ Вы, вѣроятно, видѣли въ „Руси“. Кажется, оно измѣнено къ лучшему. Изъ общихъ знакомыхъ видаюсь съ Л. Толстымъ, отъ котораго Вы, конечно, имѣете извѣстія, съ Аксаковымъ, съ Фетомъ, который печатаетъ своего „Фауста“, и иногда очень пріятно и забавно бесѣдуемъ, съ Н. Ѳ. Ѳедоровымъ, который меня совершенно очаровалъ, такъ что я даже думаю, что и его странныя идеи недалеки отъ истины. А относительно „праха“ это была аллегорія.

Я совершенно надѣюсь и заранѣе радуюсь Вашему пріѣзду на Рождество въ Москву. Vous me manquez, какъ говорятъ по-французски люди, имѣющіе эту привычку.

Будьте здоровы и пріѣзжайте скорѣе. Буду сердечно Вамъ радъ, даже если Вы и не привезете мнѣ никакого содержанія, кромѣ содержанія Вашей умной бесѣды.

Истинно Васъ уважающій

Влад. Соловьевъ.

Если моя отставка состоялась, пожалуйста, заставьте Георгіевскаго распорядиться скорѣйшей высылкой мнѣ документовъ въ Москву—Пречистенка, домъ Лихутина.

13.

(1883.)

Сердечное Вамъ спасибо, многоуважаемый и добрый Николай Николаевичъ, за Ваше сердечное письмо. Буду отвѣчать на него черезъ нѣсколько дней, а теперь спѣшу отправить Вамъ пояснительную замѣтку къ моей статьѣ и прошу напечатать непремѣнно въ мартовскомъ № „Извѣстій“ [1]). Она очень маленькая (много зачеркнуто), такъ что если даже № ужь набранъ, то все таки можно напечатать. Я просилъ Кирѣева также послать поправку въ „Новое Время“, гдѣ кто то (должно быть Кояловичъ) безстыдно навралъ на меня. Но Кирѣевъ уѣзжаетъ за-границу и, вѣроятно, передалъ это Вамъ. Статьи о спиритизмѣ еще не получилъ, а также не получилъ и оттисковъ своей статьи. Если нельзя, то пришлите нѣсколько экземпляровъ „Извѣстій“.

Будьте здоровы.

До слѣдующаго письма. Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) т. е. „Славянскихъ Извѣстій“. *Прим. ред.*

14.

18 февр. 1883.

Заѣзжалъ къ Вамъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, чтобы звать Васъ сегодня вечеромъ на Милліонную 30, гдѣ во-1-хъ будетъ Фетъ, а во 2-хъ я, можетъ-бытъ, прочту свою испугавшую Аксакова статью о католичествѣ. Надѣюсь, что Вы будете свободны. Во всякомъ случаѣ до скораго свиданія.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

15.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Я ужъ давно собирался писать Вамъ, чтобы поблагодарить за Вашу прекрасную книжку. Прочелъ ее съ наслажденіемъ и съ двумя пріятелями. Особенно понравилась намъ статья о Дарвинѣ. Одинъ изъ сказанныхъ пріятелей обѣщался мнѣ помочь въ исхищеніи отъ Юрьева статьи о физіологіи.

Представьте себѣ, воскресной заутрени въ Кремлѣ въ этомъ году какъ-бы совсѣмъ не было. Кремль не освѣтили, къ соборамъ никого не пускали,—очевидно, московскимъ властямъ теперь ужъ не до Христа.

Вы одобряете мои статьи, а я такъ каюсь, что впутался въ журнальное дѣло — такъ мнѣ все это кажется ненужно и неважно. Впрочемъ, по инерціи продолжаю; пишу теперь статью: „Христіанство и Гуманизмъ, въ защиту Достоевскаго отъ Леонтьева и самого Леонтьева“.

А Вы такъ и не написали ничего о Фетѣ—очень жаль, неужели его оцѣнитъ одинъ Буренинъ? Если увидите Кутузова, скажите, чтобы хоть онъ написалъ, а то, право, стыдно.

Изъ Вашего письма я заключаю, что мы увидимся нескоро. Это грустно. Я Васъ очень люблю и мнѣ всегда бываетъ хорошо съ Вами.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

16.

1884 г. Январь 13

Многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Примите мою запоздалую благодарность за присланную книжку, а также (какъ отъ читателя) за двѣ Ваши прекрасныя статейки о Тургеневѣ и о „Вечернихъ огняхъ“. Что касается біографіи, то самъ я Васъ за нее бранить не буду, такъ какъ прочелъ ее въ одну ночь съ большимъ удовольствіемъ, но слышалъ, что многіе ею недовольны якобы за сухость. Я этого не нахожу. Вообще же мнѣ кажется несправедливымъ хватать людей за горло и требовать отъ нихъ того, чего они вовсе не имѣютъ въ виду давать. Еслибы Вы хотѣли свободно на досугѣ написать полную всесторонюю біографію Достоевскаго, тогда можно было бы отъ Васъ требовать, чтобы Вы соблюдали должную пропорцію между внѣшнею жизнью и внутреннимъ значеніемъ Достоевскаго въ исторіи русской мысли и словесности, которое у Васъ дѣйствительно не выступаетъ съ достаточной рельефностью. Но Вы хотѣли только собрать личныя литературно-житейскія воспоминанія (и должны были ихъ собрать поскорѣе, къ сроку)—съ этой точки зрѣнія я Васъ и читалъ и оставался доволенъ. Къ тому же въ полномъ изданіи Ваши воспоминанія сопровождаются письмами самого Д., которыхъ я не читалъ, но которыя навѣрно много восполняютъ Вашъ очеркъ.

Слышалъ, что Вы пишете о спиритизмѣ, и обѣщаю себѣ новое удовольствіе. Статью Вашу о физіологіи я прочелъ послѣ тифа еще больной и съ слабыми мозгами, а потомъ не видалъ „Русской Мысли“ и не могъ перечесть. Если у Васъ есть оттискъ,—пришлите, пожалуйста.

Я отправилъ Кирѣеву статью о призваніи Варяговъ для редактируемаго Вами журнала. Онъ у меня настоятельно просилъ этой статьи, но рѣшится ли напечатать—не знаю.

Будьте здоровы и насъ не забывайте.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

17.

Мартъ 2 1884.

Многоуважаемый и дорогой Николай Николаевичъ!

Прежде всего о дрязгахъ. Таковъ порядокъ—міра и нашей жизни—inter feces et urinas nascimur! — sed, прибавляю я отъ себя, illic morari nefas. Кирѣевъ телеграфировалъ мнѣ обращаться къ Вамъ. Итакъ, не можете ли послать въ „Новое Время“ отъ редакціи „Славянскихъ Извѣстій“ поправку къ статьѣ обо мнѣ (въ 2870 №, отъ 24 февр.) (P. S. А можетъ быть *не стоитъ*? Рѣшите сами.), что я не имѣю никакихъ разрушительныхъ замысловъ противъ нашего духовенства—однимъ словомъ, извлеченіе фактическое изъ посланной Вамъ моей замѣтки. Что касается до сей послѣдней, то въ ней прошу Васъ исправить два выраженія. А именно въ серединѣ, ближе къ концу, у меня говорится: „И наша мѣстная русская церковь, давно лишенная каноническаго управленія и никѣмъ *законно* не представляемая“ и т. д. Вмѣсто *законно* слѣдуетъ поставить *іерархически*. И вслѣдъ затѣмъ написано: „Итакъ, если праведное рѣшеніе церковнаго вопроса не дано намъ путемъ власти, то мы должны искать его путемъ свободы. „Вмѣсто *путемъ власти* слѣдуетъ поставить *путемъ авторитета*. Будьте такъ добры—сдѣлайте эти поправки. Нужно было еще что-то поправить, но я ужъ забылъ. Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть оттиски своей статьи, и если ихъ нѣтъ, то будьте такъ добры распорядиться, чтобы прислали нѣсколько экземпляровъ февральскихъ „Извѣстій“.

Письмо Ваше о спиритизмѣ не получаю, да и только. Кстати о спиритизмѣ. Позвольте предложить Вамъ одинъ вопросъ, который Вы вполнѣ компетентны разрѣшить, ибо Вы 1) зоологъ, 2) литературный критикъ и 3) занимаетесь послѣднее время спиритизмомъ. Итакъ, скажите мнѣ, почему Горацій называетъ медіума ибисомъ, да еще безопаснѣйшимъ:

Medio tutissimus ibis.

Въ точномъ переводѣ:

Медіумъ, о! безопаснѣйшій ибисъ.

Вы желаете знать о моихъ занятіяхъ. Печатаю двѣ книжки: 1) о Достоевскомъ, часть которой вновь написана, и 2) „О религіозныхъ основахъ жизни“ — объ остальныхъ своихъ трудахъ умолчу, такъ какъ они еще лежатъ въ портфелѣ съ позолоченной надписью: сборникъ неоконченнаго (d'inachevé).

Съ тѣмъ, что Вы пишете о Достоевскомъ и Л. Н. Толстомъ, я *рѣшительно несогласенъ*. Нѣкоторая непрямота или неискренность (такъ сказать, сугубость) была въ Достоевскомъ лишь той шелухой, о которой Вы прекрасно говорите, но онъ былъ способенъ разбивать и отбрасывать эту шелуху, и тогда оказывалось много настоящаго и хорошаго. А у Л. Н. Толстого непрямота и неискренность болѣе глубокія,—но я не желаю объ этомъ распространяться: во 1-хъ, въ виду Вашихъ чувствъ къ нему, во 2-хъ, въ виду Великаго поста и въ 3-хъ, въ виду заповѣди: не судите, которую я продолжаю понимать въ нравственномъ, а не въ юридическомъ смыслѣ.—Впрочемъ, помимо личностей, я долженъ нѣсколько дополнить Ваше общее положеніе, что все дѣло въ томъ, чтобы мысль была проведена въ жизнь, воплощена въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, нужно еще знать, *достойна ли* мысль воплощенія? А то если мнѣ придетъ въ голову мысль пройтись колесомъ передъ мало знакомымъ обществомъ, или хватать ноги танцующихъ дамъ, то я прекрасно сдѣлаю, если воздержусь отъ воплощенія такой мысли. Вотъ и Вы, напримѣръ, теперь меня навѣрно ругаете за вздоръ, который я Вамъ пишу, а вѣдь я это пишу совершенно искренно. Простите, будьте здоровы и до скораго свиданія непремѣнно.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

18.

19 октября 1884 г.

Дорогой, многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Можетъ-быть, мой Манзи и Аѳанасій Великій [1]) соскучились по мнѣ, а потому я прошу Васъ сказать имъ, что я собираюсь въ Петербургъ и чтобъ они лежали спокойно. Я съ своей стороны соскучился и по нихъ, и по Васъ. Въ концѣ этой или началѣ будущей недѣли, Богъ дастъ, увидимся.

Я пишу и печатаю. Печатное привезу, а изъ писаннаго сообщу Вамъ здѣсь нѣчто, а именно стихи, внушенные Аѳанасіемъ — не Александрійскимъ, а Воробьевскимъ и Плющихинскимъ. Это стихотвореніе мнѣ самому, а также и другимъ показалось удачнымъ, и если Вы, столь строгій (ко мнѣ) критикъ, также одобрите сіи стихи, то я долженъ буду согласиться съ мнѣніемъ Фета, что ихъ „хоть сейчасъ въ хрестоматію“.

Сегодня у того же Аѳанасія Аѳанасьевича видѣлся съ Л. Н. Толстымъ, который, ссылаясь на одного нѣмца, а также и на основаніи собственныхъ соображеній, доказывалъ, что земля не вращается вокругъ солнца, а стоитъ неподвижно и есть единственное намъ извѣстное „твердое“ (sic) тѣло, солнце же и прочія свѣтила суть лишь куски свѣта, летающіе надъ землею по той причинѣ, что свѣтъ не имѣетъ вѣса.

Я въ принципѣ ничего противъ этого не имѣю, но относительно основаній сомнѣваюсь и совѣтовалъ ему обратиться къ Бредихину (астроному), а также написать Вамъ, но онъ возражалъ, что Вы слишкомъ влюблены въ науку и будете спорить. Я также думаю, что хотя Вы въ него влюблены не менѣе, чѣмъ въ науку, но все таки не окажетесь такимъ довѣрчивымъ, какъ тотъ мѣщанинъ, которому о различныхъ научныхъ открытіяхъ „вѣрный человѣкъ изъ Таганрога писалъ“. До скораго свиданія, дорогой Николай Николаевичъ.

А. А. Фету.

Перелетѣвъ на крыльяхъ лебединыхъ... [2])

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о книгахъ, которыя В. С. читалъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ Юридическомъ Отдѣленіи, которымъ завѣдывалъ Н. Н. Страховъ. *Прим. ред.*

[2]) См. Стихотвореніе В. Соловьева А. А. Фету. *Прим. ред.*

*

19.

(1884.)

Вотъ я и о себѣ Вамъ пишу, многоуважаемый Николай Николаевичъ, да еще и съ просьбой. Я получилъ письмо отъ Анны Григорьевны, которая настоятельно проситъ меня участвовать въ литературномъ вечерѣ въ память Ѳ. М. Я ей телеграфировалъ условное согласіе, но боюсь, что она пойметъ мою телеграмму въ смыслѣ согласія безусловнаго; а между, тѣмъ когда мнѣ напомнили и я осуществилъ въ своемъ воображеніи и фракъ, и залу Кредитнаго общества, и „благосклонную“ публику, я рѣшилъ *окончательно* на вечерѣ не читать и въ Петербургъ не ѣхать: не чувствую ужъ я себя довольно молодымъ для этого рода публичности. Но эта субъективная причина моего рѣшенія для А. Г. будетъ недостаточна, нужно указать на внѣшнюю причину. И въ самомъ дѣлѣ отлучаться изъ Москвы мнѣ теперь неудобно, когда у меня здѣсь больные (незабывайте, что я *докторъ философіи*). На эту тему я и напишу А. Г. дней черезъ десять, а Васъ я прошу тогда при свиданіи съ нею поддержать и развить *отъ себя* мои доводы.

Получилъ я первый томъ и въ концѣ его, къ немалому огорченію, увидалъ и свое надгробное слово. Огорченіе относится здѣсь собственно къ ужасной опечаткѣ: вмѣсто *родъ Божій* поставлено *рабы Божіи*, отчего теряется весь смыслъ. Это конечно пустяки, но я до сихъ поръ еще никакъ не могу пріучить себя къ ректорскимъ злодѣяніямъ.

Для нѣкотораго утѣшенія А. Г., а также и по другимъ соображеніямъ собираюсь соединить въ дополненномъ и исправленномъ видѣ все, что за эти три года пришлось мнѣ сказать *по поводу* Достоевскаго, и напечатать это въ видѣ отдѣльной книжки. Разумѣется, и въ совокупности это будетъ только „по поводу“,

ибо для настоящей и полной оцѣнки Достоевскаго необходимо, помимо всего прочаго, быть и литературнымъ критикомъ, а мнѣ Богъ этого не далъ, и ужъ если Вы, первѣйшій литературный критикъ, ограничились только „воспоминаніями“, то моя законная доля—„взглядъ и нѣчто“.

Намѣреніе Ваше воздерживаться отъ присяжнаго сотрудничества въ „Руси“ я вполнѣ одобряю. Ибо если Вы станете журналистомъ, то кто же будетъ писателемъ? По поводу мнѣнія Менделѣева, что литературный періодъ теперь кончился, Вы спрашиваете: какой же періодъ начался? Мнѣ кажется отвѣтъ очевиденъ: если кончился періодъ литературный или словесный, то начался періодъ безсловесный. Разумѣется, эта безсловесность далеко не означаетъ того „безмолвнаго житія“, о которомъ молится Побѣдоносцевъ. Напротивъ, всякихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, и воя, и визгу, и реву весьма довольно. Нѣтъ только яснаго и свободнаго человѣческаго слова, собой владѣющаго, себя сознающаго.

На-дняхъ прочелъ Толстого „Въ чемъ моя вѣра“. Ревetъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ?—Вчера получилъ только что вышедшее собраніе сочиненій Козьмы Пруткова, съ портретомъ и факсимиле автора.

Будьте здоровы, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевичъ, и не унывайте. Право, не все кончается здѣшнею дрянью.

Только не прельщайтесь безсловесной религіей — вѣдь это еще хуже, чѣмъ безсловесная литература.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

20.

Теперь пора, многоуважаемый Николай Николаевичъ, извѣстить Анну Григорьевну о моемъ отказѣ отъ чтенія.

Пишу ей сегодня, что по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ не могу отлучиться изъ Москвы. А Вы, если можете, заѣзжайте къ ней и *отъ себя* разскажите опредѣленнѣе о болѣзни (невритъ) и проч., какъ я просилъ Васъ въ прошломъ письмѣ.

Ну, Николай Николаевичъ, прочелъ я весь первый томъ. Ахъ! Ну гдѣ же та реальная фигура, о которой Вы говорите? Я вижу только чье-то грязное бѣлье. Но развѣ моя фигура опредѣляется моимъ бѣльемъ? Вѣдь я, можетъ-быть, купилъ готовую рубашку на удачу въ плохомъ магазинѣ! Вѣдь мнѣ, можетъ-быть, двоюродный дядюшка подарилъ свои старые кальсоны! При чемъ же тутъ моя собственная фигура? Да вѣдь главное то и не фигура, а *лицо*, а его и по самому лучшему бѣлью никакъ не угадаешь. А я то думалъ, что собраніе писемъ дополнитъ Ваши „воспоминанія“! А вышло наоборотъ: что и было у Васъ интереснаго совсѣмъ потонуло въ этомъ морѣ ненужныхъ дрязгъ. Говорю съ Вами совершенно откровенно, потому что уважаю и люблю Васъ.

Получилъ январскій № „Славянскихъ Извѣстій“. Ахъ! Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ объявилъ себя исповѣдникомъ. Надѣюсь, что это правда и что наступающимъ великимъ постомъ онъ будетъ исповѣдываться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и что милосердный Господь проститъ его. Простимъ и мы ему по-христіански.

Но все это суета. А есть у меня и серьезная мысль: пріѣзжайте-ка Вы, Николай Николаевичъ, на Пасху въ Москву.

Вѣдь Вы ужъ давно хотѣли быть въ Кремлѣ на заутрени, и, кажется, еще не исполнили этого желанія. Пасха этотъ годъ не ранняя, 8 Апрѣля. Все благопріятствуетъ. Кромѣ Ивана Великаго, Вы, вѣроятно, найдете въ Москвѣ и Льва Толстого. Будутъ и dii minorum gentium. Фетъ остается здѣсь на Святой, чтобы не христосоваться со своими мужичками. Итакъ, до недалекаго свиданія. Не правда ли?

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Передайте мой поклонъ съ благодарностью Д. И. Стахѣеву, а также одну изъ двухъ книжекъ, которыя передастъ Вамъ А. А. Кирѣевъ; другая—для Васъ.

21.

(1885).

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ, сердечное Вамъ спасибо за прекрасную редакцію моего отвѣта Дан.

Я сегодня уѣзжаю на нѣсколько дней во Владиміръ и по возвращеніи буду Васъ ждать, а потомъ, можетъ-быть, отправимся вмѣстѣ къ Фету или съѣдемся тамъ. Въ твердой надеждѣ скораго свиданія не распространяюсь ни о чемъ.

Будьте здоровы, кланяйтесь Радлову, Стахѣеву и всѣмъ добрымъ знакомымъ.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

22.

(1885).

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Какое неожиданное огорченіе смерть Н. Я. Данилевскаго! И неоконченный „Дарвинизмъ“, и только что начатой споръ о соединеніи церквей! А для Васъ, конечно, болѣе всего этого личная незамѣнимая потеря.

Не сообщите ли мнѣ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ? хотѣлось бы написать для „Православнаго Обозрѣнія“ — тамъ, кромѣ меня, никто не напишетъ. Я прежде всего о Васъ подумалъ, когда прочелъ извѣстіе. Напишите, пожалуйста, и о себѣ— я очень по Васъ соскучился. Большое Вамъ спасибо за книгу. Два письма Косицы—верхъ совершенства. Повторяю это потому, что не увѣренъ, получили ли Вы мое предъидущее письмо, которое я послалъ не заказнымъ.

Кромѣ того, что я Вамъ писалъ въ немъ по поводу предисловія, еще могъ бы кой о чемъ поспорить, но теперь не хочу. Отлагаю до свиданія. Когда именно—не знаю, но во всякомъ случаѣ, если не умру, то въ теченіе зимы.

Я печатаю и пишу — кромѣ частей своего теократическаго Левіаѳана—еще нѣсколько статей противъ Левіаѳана на Страстномъ бульварѣ.

Выйдутъ, вѣроятно, лучше первой, потому что дольше зрѣютъ и чужды всякаго раздраженія.

Видаюсь довольно часто съ Аксаковымъ, съ Фетомъ.

Поздравляю Васъ съ „братоубійственной войной“, которая успѣшно замѣняетъ „турецкія звѣрства“ и „болгарскіе ужасы“.

Да, исторія идетъ быстро, особенно при помощи такихъ „историческихъ“ народовъ, какъ Сербы и Болгары, которымъ бы и знаменитый „историческій“ человѣкъ—Ноздревъ могъ позавидовать.

Будьте здоровы, дорогой Николай Николаевичъ, и не забывайте душевно

Вамъ преданнаго

Влад. Соловьева.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

23.

Сергіевъ посадъ. 11 янв. 87.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Такъ какъ теперь окончательно, повидимому, опредѣлилось, что я въ этомъ году въ Петербургъ вовсе не пріѣду, то и пишу Вамъ, изъ чего Вы ясно усмотрѣть можете, что молчаніе мое происходило не отъ недостатка дружбы, а лишь отъ избытка надежды на скорое свиданіе.

Пишу Вамъ изъ Троицы, гдѣ проводилъ всѣ, такъ называемые, праздники (беззаконіе и празднованіе, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ пророкъ), дабы провести ихъ по возможности непраздно, что̀ мнѣ и удалось. Въ эти три недѣли я испыталъ или началъ испытывать одиночество душевное со всѣми его выгодами и невыгодами.

Ахъ, далеко за снѣжнымъ Гималаемъ *)
Живетъ мой другъ,
А я одинъ и лишь сабачьимъ лаемъ **)
[Варіантъ: Горячимъ чаемъ, холоднымъ]
Свой тѣшу слухъ,
[Варіантъ: нѣжу духъ]
Да сквозь вѣка̀ монаховъ изступленныхъ
Жестокій споръ
И житіе мошенниковъ священныхъ
Слѣдитъ мой взоръ.
Но лишь засну—къ Тибетскимъ плоскогорьямъ
Душа, лети!

---

*) Не слѣдуетъ разумѣть буквально.
**) Слѣдуетъ разумѣть болѣе чѣмъ буквально, кромѣ собакъ дворовыхъ, имѣя въ виду и собакъ духовно-литературныхъ.

И всѣмъ попамъ, Кирилламъ и Несторьямъ,
Скажи: прости!
Увы! Блаженство кратко въ сновидѣньи!
Исчезло вдругъ,
И лишь вопросъ о прѐдопредѣленьи
Томитъ мой духъ.

Впрочемъ, кромѣ монаховъ допотопныхъ, мнѣ приходится имѣть дѣло и съ живыми, которые весьма за мною ухаживаютъ, желая, повидимому, купить меня по дешевой цѣнѣ, но я и за дорогую не продамся.

Тѣмъ не менѣе, увлекаемый благоразуміемъ, я рѣшился исключить изъ 1-го тома моей „Исторіи теократіи“ вопросъ о приматѣ Петра, дабы отнять приличный поводъ къ запрещенію этого 1-го тома, который въ недолгомъ времени долженъ появиться. A propos: попросите, пожалуйста, Вашего друга Вышнеградскаго поскорѣе поправить нашъ курсъ, а то мнѣ приходится платить въ заграничную типографію очень невыгодно.

Послѣ завтра возвращаюсь въ Москву, куда и прошу написать мнѣ (Пречистенка, д. Лихутина).

Спасибо Вамъ за книжку, которую прочелъ съ услажденіемъ. Въ концѣ отмѣтилъ нѣчто не совсѣмъ для меня ясное, о чемъ спрошу при свиданіи. Когда? Не у Фета ли въ Воробьевкѣ весною?

Кланяюсь очень Д. И. Стахѣеву съ супругой и всѣмъ добрымъ знакомымъ. Гр. Кутузову писалъ.

О предпріятіи Грота ничего не говорю, такъ какъ Вы, вѣроятно, слышали отъ него самого.

Будьте здоровы и благополучны. Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

24.

19 янв. 87 г.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Вернувшись отъ Троицы (откуда писалъ Вамъ), нашелъ и Ваше письмо. Вы уже знаете, что предположеніе Ваше невѣрно, и что я до конца и съ величайшимъ одобреніемъ прочелъ Вашу книжку, что̀ и намѣренъ доказать при свиданіи (каковое состоится же когда и гдѣ-нибудь?).

О моемъ состояніи, а отчасти и о родѣ занятій, Вамъ достаточно повѣдали нескладно импровизованныя вирши, посланныя мною отъ Троицы, а теперь я хочу говорить о чужомъ дѣлѣ. Вы знаете по имени моего пріятеля ***. У него есть старшій братъ, также мой большой пріятель (извѣстный и Л. Н. Толстому). Онъ былъ 5 лѣтъ участковымъ мировымъ судьей, а затѣмъ и до сего дня—*податнымъ инспекторомъ* при Московской Казенной Палатѣ въ двухъ уѣздахъ — Клинскомъ и Волоколамскомъ. Нынѣ онъ имѣетъ вполнѣ законное и скромное желаніе перейти на мѣсто *члена-оцѣнщика въ Московскомъ Дворянскомъ банкѣ*, или же *предсѣдателя крестьянскаго земельнаго банка* въ одномъ изъ южныхъ городовъ: *Кіевѣ*, *Харьковѣ*, *Полтавѣ* и въ особенности *Симферополѣ*. Онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ (по юридическому факультету), имѣетъ 32 года. Занимаемое имъ теперь мѣсто податного инспектора (II-го класса) соотвѣтствуетъ классу искомой должности. Всего желательнѣе было бы ему получить мѣсто члена - оцѣнщика въ *Москвѣ*.

Еслибы И. А. Вышнеградскій исполнилъ эту, впрочемъ, совершенно законную и ничуть не притязательную просьбу, то я съ своей стороны согласенъ не настаивать на немедленномъ исправленіи всероссійскихъ финансовъ, какъ бы сіе ни было необходимо для меня лично. Жертвую собственными пользами для пользы

ближняго. Я замѣчалъ, что безкорыстныя ходатайства всегда успѣшны. Постарайтесь, дорогой Николай Николаевичъ, чтобы и въ семъ случаѣ не посрамилось столь утѣшительное, съ логической точки зрѣнія, убѣжденіе.

Семейство * * * имѣетъ наилучшую репутацію въ Москвѣ, отецъ его предсѣдатель въ Московской судебной палатѣ, былъ большимъ пріятелемъ покойнаго Аксакова; а мой пріятель, о коемъ ходатайствую, — не только вполнѣ честный, но и весьма способный человѣкъ. Вотъ сколько основаній для удовлетворенія моей просьбы.

Хотѣлъ написать Вамъ нѣчто о новыхъ стихахъ Фета, но ужъ четвертый часъ ночи или утра, и я немножко усталъ. Итакъ, до слѣдующаго письма.

Будьте здоровы. Сердечно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

25.

Москва. Пречистенка, д. Лихутина. 30 янв. 87.

Это письмо, дорогой Николай Николаевичъ, передастъ Вамъ * * *—тотъ самый мой пріятель, о которомъ я Вамъ писалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Надѣюсь, что Вы получаете мои письма—надежда тѣмъ болѣе основательная, что я ихъ отправляю заказными.

Если И. А. Вышнеградскій не возгордился чрезмѣрно и бываетъ у Васъ иногда по середамъ, то * * * могъ бы съ нимъ встрѣтиться, что̀ избавило бы Васъ отъ лишнихъ объясненій.

Сегодня прочелъ я новую драму Толстого и безусловно согласенъ съ тѣмъ Вашимъ отзывомъ, который я прочелъ въ письмѣ Вашемъ къ А. А. — Радуюсь однако, что нѣкоторымъ наивысочайшимъ лицамъ эта драма понравилась — авось, хоть этимъ косвеннымъ путемъ будутъ сколько нибудь укрощены неистово-подавительныя стремленія, отъ которыхъ, конечно, не Толстому, а, напримѣръ, мнѣ приходится совсѣмъ не въ моготу. Кстати: Вы находитесь, такъ сказать, въ самомъ центрѣ цензуры; правда ли, что (какъ я узналъ изъ книжныхъ магазиновъ) недавно вышелъ циркуляръ, въ силу коего всѣ сочиненія на русскомъ языкѣ, печатанныя за-границей, подлежатъ безусловному запрещенію, даже не подвергаясь никакой цензурѣ?

Я послѣднее время провожу въ физическихъ и моральныхъ страданіяхъ, и если Вы на три мои письма не отвѣтите ни однимъ, то я буду думать, что Вы на меня за что-то сердитесь или совсѣмъ меня забыли, что̀ прибавитъ лишнюю долю къ симъ страданіямъ. Впрочемъ, абсолютное страданіе едва ли возможно, а потому и я не только страдаю, но и дѣйствую, а именно по просьбѣ Леруа-Болье, желающаго въ своемъ III томѣ l'Empire des Tzars изложить, между прочимъ, le système religieux et philosophique de M. Solovieff — пишу для него (по совершенной неспособ-

ности излагать самого себя) новое маленькое сочиненіе на французскомъ языкѣ—Philosophie de l'Eglise Universelle.—Это *подъ большимъ секретомъ* пока. Надѣюсь увидѣться съ Вами въ Воробьевкѣ, гдѣ думаю провести нѣсколько мѣсяцевъ, если ничего не измѣнится. Очень, очень жажду Вашей незамѣнимо-умной бесѣды, и если бы не крайне-важныя для меня обстоятельства, пріѣхалъ бы для нея въ Петербургъ. Однако не привязаны же Вы къ Петербургу. Вспомните, что Вы родились въ Курской губерніи, и пріѣзжайте въ Воробьевку.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

26.

Москва. Пречистенка, д. Лихутина, 9 марта 87 г.

Не виноватъ, дорогой Николай Николаевичъ, въ запоздалости и краткости этого отзыва на Вашъ спиритизмъ. Все возобновляющаяся болѣзнь (весьма жестокая невралгія) и много за разъ сошедшихся спѣшныхъ и неотложныхъ дѣлъ не даютъ мнѣ „положить на бумагу“ сложившіяся въ головѣ мысли и возраженія. Черезъ три недѣли моя душа будетъ отпущена на покаяніе загребскою типографіей, московскою филантропіей и проч., и тогда Вы, можетъ-быть, получите цѣлый трактатецъ. А пока извольте получить и „нѣмую похвалу“, и нѣмой протестъ. Онъ не только *нѣмой*, но и *не мой*, ибо не я одинъ восклицаю по Вашему адресу: „*не мой* матеріализма тонкимъ мыломъ діалектики, — кромѣ пѣны, ничего не выйдетъ“. Такого же мнѣнія держатся между прочимъ два мои пріятеля, философы Лопатинъ и Гротъ, и мы даже собираемся написать Вамъ соборне. Однако, *не мая* же мѣсяца дожидаться, а потому вотъ Вамъ сейчасъ нѣмая похвала: я безусловно согласенъ и одобряю главный тезисъ Вашего вступленія, а именно, что путемъ спиритизма религіозной истины добыть нельзя.

Также одобряю я и общія Ваши положенія о существованіи вѣчныхъ истинъ противъ Вагнера. Доселѣ хвала. Что же касается до полемики съ Бутлеровымъ, то Ваша аргументація противъ спиритическихъ чудесъ имѣетъ силу (если имѣетъ) также и противъ *всякихъ* чудесъ и противъ самого существованія невидимыхъ духовныхъ дѣятелей,—т. е. противъ всякой религіи: ибо хотя, говорятъ, есть религія безъ Бога (буддизмъ), но религіи безъ ангеловъ и чертей не бывало и быть не можетъ. Государство безъ царя еще возможно (французская республика), но государство безъ чиновниковъ и воровъ абсолютно немыслимо.

Будьте здоровы и ради старой дружбы не сердитесь за то, что я не хочу уступить Вамъ ни небесную іерархію, ни діавола и аггеловъ его.

Весь Вашъ

Влад. Соловьевъ.

27.

12 апр. 87.

Клянусь Вамъ физикою, дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ, что, упрекая Васъ въ лукавствѣ, я имѣлъ въ виду единственно только то, въ чемъ Вы и сами признаетесь въ своемъ послѣднемъ письмѣ, т. е. соединеніе извѣстныхъ умолчаній съ употребленіемъ (безъ оговорокъ) обычныхъ религіозныхъ выраженій для мыслей иного рода. Вотъ и все—ни плюи, ни моень. Поэтому я былъ справедливо огорченъ Вашимъ несправедливымъ огорченіемъ. Ждалъ, для отвѣта, возвѣщеннаго Вами Кутузова, но не дождался, и отвѣчаю наканунѣ своего отъѣзда въ Воробьевку.

Вы хорошо знаете, что Вы лично для меня милѣе всѣхъ спиритическихъ quasi чертей и медіумовъ, перемноженныхъ другъ на друга и возведенныхъ въ степень безграмотности проф. Вагнера. Поэтому Вы не примете за личную обиду, если я сочту себя вправѣ отнестись къ Вашей анти-спиритуалистической аргументаціи такъ же, какъ Вы отнеслись къ доводамъ Вашихъ противниковъ. Спириты говорятъ: спорьте съ нами на нашей почвѣ, на почвѣ медіумическихъ фактовъ. Но Вы находите эту почву нетвердою и отказываетесь на нее вступить. Вѣдь это, конечно, не значитъ, что Вы вообще отрицаете факты, если отвергаете всякую эмпирію: вы только находите, что *тѣ* факты, на которые ссылаются спириты, должны быть признаны *заранѣе* недостовѣрными, потому что они противорѣчатъ истинамъ высшаго порядка, истинамъ сверхъ-эмпирическимъ. Подобнымъ же образомъ и я не хочу идти на Вашу почву механической физики не потому, чтобы вообще отрицалъ физику, или отвергалъ всякое значеніе у механической стороны міроздапія, а лишь потому, что утвержденія Ваши на этой почвѣ (напр., вѣчность матеріи) должны быть заранѣе признаны недостовѣрными, потому что проти-

ворѣчатъ истинамъ высшаго порядка, истинамъ сверхъ-физическимъ. Вы обусловливаете достовѣрность факта сообразностью его съ механическою системой міра, а я эту систему могу допустить лишь настолько, насколько она уживается съ высшими истинами религіозно-метафизическими. Вы спорите не противъ опыта или наблюденія, а противъ того, чтобы всѣ вопросы рѣшались безаппелляціонно опытомъ или наблюденіемъ. Я спорю не противъ математики и физики, а противъ законности ихъ примѣненія въ извѣстныхъ случаяхъ. Вы знаете, что вольнодумцы IV и V вѣка, за ними французскіе энциклопедисты прошлаго столѣтія, а наконецъ и нашъ непремѣнный Колумбъ всѣхъ открытыхъ Америкъ Л. Н. Толстой, оспаривали догматъ Троицы на основаніи ариѳметики: одинъ не три, и три не одинъ. Не въ обиду Вамъ будь сказано, когда во имя физики Вы отрицаете чудеса, напр., безвредное паденіе человѣка съ большой высоты, то Вы разсуждаете почти такъ же плохо, какъ Л. Н. Толстой. Я вполнѣ понимаю, что, уважая Бутлерова, какъ хорошаго ученаго-эмпирика, Вы однако считаете его спиритическіе опыты не настоящими, а призрачными. Позвольте и мнѣ, признавая Васъ превосходнымъ мыслителемъ, отнести Ваши аргументы противъ чудесъ не къ настоящей, а къ призрачной логикѣ. Находить, что извѣстный мыслитель или ученый вслѣдствіе односторонней точки зрѣнія впадаетъ въ ошибочныя заключенія — въ этомъ нѣтъ обиды. Но когда мнѣ ставятъ такую дилемму: или отрекись отъ всего сверхъестественнаго въ пользу профессора Вагнера, или признай себя ему подобнымъ и въ порывѣ необразованія отвергай ариѳметику—тогда я прежде всего кричу: караулъ! И если, не ограничившись симъ восклицаніемъ, присоединяю къ нему длинный комментарій, то это есть уже явный знакъ особой любви и уваженія.

Вы упрекаете меня за обращеніе къ авторитетамъ. Я никогда не ссылался на нихъ (даже на авторитетъ Н. Я. Грота), какъ на окончательную инстанцію. Не могу, однако, скрыть своего удивленія, что Вы столь рѣшительно признаете невѣждами или дураками многочисленныхъ лицъ какъ богословскаго, такъ и философскаго сословія, коимъ свѣтъ современной науки отнюдь не препятствуетъ искренне вѣрить въ предметы чудесные и супранатуральные. Если Вы внѣшнему авторитету предпочитаете внутренній, то обопрусь и на самого себя. Я не только вѣрю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только въ это и вѣрю. Клянусь четой и нечетой, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ мыслить, тяготѣющая надъ

нами вещественность всегда представлялась мнѣ не иначе, какъ нѣкій кошмаръ соннаго человѣчества, котораго давитъ домовой.— Однако, дабы не предаваться паренію ума, обратимся къ текущему. Такъ какъ Вы не написали мнѣ о себѣ, то я сдѣлаю это вмѣсто Васъ, т. е. напишу Вамъ о себѣ (каламбуры прямо изъ „Логики“ Гегеля). Я прочелъ двѣ публичныхъ лекціи „Славянофильство и русская идея“, чѣмъ доставилъ 2000 р. студентамъ и большое неудовольствіе московской публикѣ. Самъ же я, хотя по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ читалъ плохо, однако доволенъ и тѣмъ, что пришлось въ Москвѣ, „семъ сердцѣ Россіи“, заявить свою идею, а также и тѣмъ, что ей ничего не могли противопоставить, кромѣ голаго неудовольствія,—признакъ, что будущее за нею.

Первый томъ моей „Теократіи“ напечатанъ, и если Вы въ маѣ будете въ Петербургѣ, то получите его.

Будьте здоровы и malgré tout вѣрьте въ дружескую любовь и уваженіе душевно преданнаго Вамъ

В. Соловьева.

28.

20 мая 87. Воробьевка.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Уже одинъ видъ почерка Вашего на конвертѣ преисполнилъ меня радостью какъ свидѣтельство, что Вы на меня болѣе не сердитесь. То же подтвердило и содержаніе Вашего письма. Высокомѣрная Ваша фраза о вѣрѣ въ чудеса наводитъ меня на мысль, что, пожалуй, къ ежедневнымъ молитвамъ моимъ придется прибавить особое прошеніе о вразумленіи и обращеніи на путь истины заблуждающагося старшаго брата моего Николая. Вотъ если бы Вы мистическимъ дѣйствіемъ такой молитвы въ одно прекрасное утро проснулись съ вѣрой въ чудеса, тогда эта Ваша субъективная вѣра была бы вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ ихъ объективной дѣйствительности.

А затѣмъ увѣряю Васъ всѣмъ священнымъ, что я непремѣнно написалъ бы подробный разборъ Вашего антиспиритизма (разумѣется съ своей точки зрѣнія), если бы глупая неволя нашей печати не налагала на подобный разборъ un faux air de s. s. А я достаточно испыталъ въ послѣдніе годы преднамѣренное с.-с-во россійскихъ критиковъ и рецензентовъ, чтобы остерегаться впасть и въ нечаянное: Non ignarus mali miseris non laedere disco.

Что касается до моихъ приватныхъ попаденій на Вашъ анти-супранатурализмъ, то при всей ихъ искренности они имѣли и нѣкоторую затаенную цѣль: поставить Васъ въ необходимость хвалить мою теократію, дабы я Васъ не заподозрилъ въ приверженности къ ветхозавѣтному правилу: око за око. Говоря безъ шутокъ, Вамъ, вѣроятно, не придется ни хвалить, ни бранить вышедшій первый томъ, такъ какъ я самую интересную и жгучую его часть—о приматѣ Петра—перенесъ во второй томъ изъ цензурныхъ соображеній.

То, что осталось—чистая невинность, и грѣхъ будетъ А. Н.

Майкову, если онъ отправитъ его въ духовную цензуру, которая, разумѣется, запретитъ не читая. Я писалъ А. Н. и какъ цензору, и какъ доброму человѣку—не знаю, какое дѣйствіе произвело мое письмо. Неполученіе Вами книги до 12 мая меня нѣсколько безпокоитъ: она вышла еще въ апрѣлѣ.

Теперь я занятъ составленіемъ своей Philosophie de l'Eglise Universelle, а сверхъ того перевожу съ Аѳанасіемъ Аѳанасьевичемъ „Энеиду“. Я считаю „отца Энея“ вмѣстѣ съ „отцомъ вѣрующихъ“ Авраамомъ настоящими родоначальниками Христіанства, которое (исторически говоря) явилось лишь синтезомъ этихъ двухъ parentali'й.

Прочтя сію неожиданность объ Авраамѣ и Энеѣ, Вы, вѣроятно, вспомнили басню: „Пастухъ несъ въ поле молоко“—Вы правы, и чтобы не зайти ужасно далеко, возвращаюсь къ вопросамъ жизненнымъ. Я совершенно понимаю, что Вамъ не хочется разставаться съ просторнымъ уединеніемъ Вашей петербургской обители, но разъ Вамъ все таки придется съ нимъ разстаться, то я совершенно уже не понимаю, что Вы скупитесь на дни Вашего пребыванія въ Воробьевкѣ. Мы съ Вами не видались болѣе года, да и впредь когда увидимся—неизвѣстно, ибо, дойдя до полной нищеты (никакихъ доходовъ и болѣе 1000 р. долгу), я утратилъ свободу движеній и слѣдующую зиму, вѣроятно, проведу безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ живу на счетъ матери. Не примите этихъ словъ за жалобу на судьбу. Хотя мое обнищаніе совпало съ окончательнымъ крушеніемъ и всѣхъ прочихъ надеждъ на личное благополучіе, но именно по этой причинѣ я и могу быть довольно равнодушнымъ къ своему матерьяльному положенію. Развѣ только книги не на что будетъ печатать, но ужъ объ этомъ Господь Богъ позаботится. Впрочемъ, я о своихъ обстоятельствахъ заговорилъ только для того, чтобы побудить Васъ, дорогой, хотя и ложно о чудесахъ разсуждающій, другъ, при невѣрности дальнѣйшихъ свиданій продлить дни предстоящаго.

Гр. Кутузовъ обрадовалъ меня довольно обширнымъ письмомъ съ прелестнымъ осьмистишіемъ Фету. И я, и А. А. отвѣчаемъ сегодня Вашему и моему другу. Спрашиваю я его между прочимъ о Суворинѣ. Можетъ-быть, и Вы его видаете. Тогда напишите, что̀ онъ. Я былъ пораженъ очень этимъ безобразнымъ происшествіемъ, а еще гораздо болѣе другимъ, о которомъ Вы догадаетесь. Фуй, фуй, фуй!! Я, ничего еще не зная, какъ нарочно послалъ въ „Историческій Вѣстникъ“ начало статьи подъ заглавіемъ: „За-

вѣты русской исторіи“, гдѣ по поводу Св. Владиміра и его знаменитаго „боюсь грѣха“ ненамѣренно высказалъ кое-что, оказавшееся ad hoc. Полагаю, что статья не была напечатана. Если случится гдѣ нибудь услышать—сообщите. Будьте здоровы, дорогой Николай Николаевичъ, если можно пріѣзжайте раньше и прикиньте нѣсколько дней для сердечной дружбы и, быть можетъ, для мозговой брани.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

28.

6 сент. 87. Воробьевк

Привѣтствую Васъ, дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ, среди Вашихъ домашнихъ идоловъ (разумѣю Ваши книги) Аѳ. Аѳ. почему то причисляетъ Васъ къ огнепоклонникамъ, утверждая, что лампа составляетъ главный предметъ Вашего культа).

Благодарю Васъ за доброе письмо.

Дѣловая часть его была предварена полученнымъ передъ тѣмъ письмомъ Цертелева ко мнѣ, такъ что 7 стихотвореній Аѳанасія Аѳанасьевича были уже посланы въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, а я съ своей стороны могу предложить только 3 книги „Энеиды“ съ согласія Аѳ. Аѳ.—Моя цѣль при этомъ—получить деньги, а цѣль моего друга редактора—доставить мнѣ оныя. О мемуарахъ и пр. Аѳ. Аѳ. переговоритъ съ Цертелевымъ при свиданіи.

Относительно Московской жизни (безсмыслица тожъ) Вы чрезвычайно мѣтко опредѣлили ея существо, но совсѣмъ не различили ѵпостасей. Не могу же я однако себѣ представить, что Цертелевъ и Николай Ѳедоровичъ, что Ашиновъ и Иванцовъ-Платоновъ суть одно и то же. Итакъ, если не хотите подвергнуться справедливому обвиненію въ Савелліевой ереси, то напишите мнѣ хотя бы въ краткихъ чертахъ содержаніе Вашей бесѣды съ двумя означенными ѵпостасями. Не забывайте въ виду проблематичности нашихъ дальнѣйшихъ свиданій, что письма, не дополняемыя устными сообщеніями, должны быть обстоятельны. Не могу показать Вамъ примѣра, потому что послѣ отъѣзда Вашего, кромѣ незнакомаго Вамъ кіевскаго профессора Кулаковскаго, никакихъ новыхъ лицъ не видалъ, и у насъ все по-старому. Получилъ извѣстіе изъ-за границы, что нѣкій abbé Tilloy печатаетъ цѣлую книгу по поводу меня. Мое французское сочиненіе подвигается быстро, а судьба русской книги все еще не рѣшена. Не можете ли узнать у Ѳеоктистова, хотя бы черезъ Леон. Н. Майкова. Я Ѳеоктистову писалъ обстоятельно. Кирѣевъ прислалъ еще письмо, гдѣ отождествляетъ меня съ принцемъ Фердинандомъ Кобургскимъ; я воздержался отъ отвѣта.

Что Кутузовъ? Кланяюсь ему очень. Такъ же Радлову. Будьте здоровы, дорогой другъ, и не забывайте душевно Вамъ преданнаго

Влад. Соловьева.

P. S. Не забудьте спросить Леон. Майкова насчетъ Персія.

29.

26 окт. 87.

Я въ деревнѣ, но писать мнѣ слѣдуетъ въ Москву—Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Еще до полученія Вашего послѣдняго письма, я написалъ Вамъ черезъ Цертелева, но онъ пробирался въ Петербургъ недѣли двѣ, и не знаю, собрался ли по сю пору. Вы предварили нѣкоторые мои вопросы. О новомъ изданіи „Россіи и Европы“ я желалъ знать потому, что, перечтя эту книгу (послѣднее время въ Воробьевкѣ), задумалъ написать ея разборъ. Разумѣется, могу начать его хоть сейчасъ, но печатать нужно будетъ лишь по выходѣ 4-го изданія и по его поводу.

До 19 сего мѣсяца (когда уѣхалъ въ деревню) я не получалъ Вашихъ книгъ, надѣюсь, что это замедленіе, а не пропажа. О судьбѣ моей заграничной книги послѣ сообщеннаго Вами не имѣлъ никакого извѣстія. Распорядился, чтобы разослали ее въ Германіи и Франціи. Второй томъ получаетъ форму въ головѣ (матерія же готова и на бумагѣ). Французская книга близится къ концу и съ помощью знатоковъ сего языка принимаетъ вполнѣ приличный видъ.

Радуюсь хорошимъ извѣстіямъ о Вашемъ здоровьѣ. Мое такъ-же нѣсколько стало получше, и изслѣдовавшій меня медикъ нашелъ всѣ органы въ полной исправности. Итакъ, успѣемъ и три тома теократіи написать, и много еще другого.

Васъ печалитъ „Гражданинъ“, а меня такъ веселитъ. Правда, я видѣлъ только 2 №№, но какія же прелести! Замѣтили Вы новое опредѣленіе церкви: „Россія въ смыслѣ народа спокойно *сидитъ на* своей основѣ, которая есть церковь“, т. е. церковь

есть то, на чемъ сидитъ русскій народъ. Писалъ это нашъ другъ Т., котораго я считалъ неглупымъ и грамотнымъ человѣкомъ. Предостереженіе Вамъ, Николай Николаевичъ! Пожалѣли ли Вы Гилярова? Для меня смерть его имѣетъ нѣкоторое значеніе. Онъ оставался единственнымъ изъ нашихъ писателей, который могъ бы при случаѣ—если не съ силой, то съ нѣкоторымъ подобіемъ силы—выступить противъ меня по церковному вопросу. Самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ ни во что не вѣрующій, съ значительнымъ умомъ и безъ всякаго разума. Нравственной стороны не касаюсь. Миръ его праху! — Московскіе назадняки передрались между собою, а Ц., кажется, намѣренъ благоразумно удалиться. All right!

Есть еще кой что сообщить Вамъ, но за позднимъ часомъ отлагаю до другого раза. Продолжайте быть здоровымъ и не забывайте душевно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

30.

Москва. Пречистенка, д. Лихутина. 10 ноября 87.

Дорогой, уважаемый и безцѣнный Николай Николаевичъ!

Спасибо за книги и за милое сплетничаніе. Во-первыхъ, приношу въ жертву на алтарь старой дружбы своихъ новыхъ пріятелей, или просто выдаю Вамъ головой О. и К. Люблю ихъ лично (особенно К.), но, какъ писатели, поддерживающіе „добрыя начала“ въ „Гражданинѣ“ и въ „Вѣрѣ и Разумѣ“, они для меня внѣ закона. По настоящему времени я признаю только одно *доброе начало*—всѣхъ петербургскихъ мракобѣсовъ удалить просто въ видѣ санитарнаго мѣропріятія, для очищенія воздуха. Вотъ это было бы настоящее доброе начало!

Переходя отъ общаго къ частному, замѣчу Вамъ о Вышеградскомъ, что онъ обманулъ мое довѣріе: за цѣлый годъ, вмѣсто обѣщаннаго поправленія, курсъ еще понизился. Легко сваливать все на предмѣстниковъ. Если они такъ непоправимо напортили, то не слѣдовало и браться за дѣло.—Впрочемъ, патріотизмъ прежде всего!

Кончаю сентиментальную часть сего письма и перехожу къ дѣловой. Никакого извѣстія отъ Ѳеоктистова я не получалъ, кромѣ одного давнишняго письма, чрезвычайно любезнаго, но писаннаго еще до свиданія съ Побѣдоносцевымъ. Между тѣмъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, кромѣ теократіи, я спрашивалъ еще Ѳеоктистова, могу ли я безъ риска печатать третье изданіе „Религіозныхъ основъ“ и второе изданіе „Національнаго Вопроса“ (ибо прежнія изданія разошлись), и вотъ на этотъ то странный, но необходимый вопросъ я тщетно жду отвѣта. Желалъ бы знать, совралъ ли Ѳеоктистовъ Майкову, или его письмо пропало. Не найдете ли Вы возможнымъ это выяснить? Невозможность новыхъ изданій ввергла бы меня въ полное безденежье.

Изъ умолчанія Вашего о „Россіи и Европѣ“ заключаю (быть можетъ, ошибочно), что мой разборъ этой книги не представляется Вамъ особенно желательнымъ. Я съ своей точки зрѣнія считаю его нужнымъ, не настолько однакожъ, чтобы пренебрегать дружескимъ взглядомъ.

Но войдите въ мое положеніе съ другой стороны. Духовные журналы для меня закрыты окончательно и безусловно. Всякое положительное развитіе моихъ мыслей сводится на проповѣдь Вселенской Церкви и примиренія съ папствомъ, чего ни одинъ свѣтскій журналъ, ни назадняческій ни напредняческій, допустить не можетъ, не говоря уже о цензурѣ. Остается, слѣдовательно, излагать отрицательную или критическую сторону своихъ мыслей. Но, помимо запретной духовной сферы, что̀ же могу я взять объектомъ своей критики? Мракобѣсіе? Но относительно его я не пойду дальше упомянутаго „добраго начала“. Значитъ, кромѣ славянофильства вообще и Данилевскаго въ частности, никакой пищи для моей критики не найдется. Если бы Вы въ „Борьбѣ съ Западомъ“ противупоставили сему западу что нибудь опредѣленно-восточное, то я вмѣсто Данилевскаго посвятилъ бы статью Вамъ; теперь же придется говорить о Вашей книгѣ только въ связи съ „Россіей и Европой“. Разумѣется, Вы по тонкости и широтѣ ума неизмѣримо выше своего покойнаго друга (такъ-же какъ и живого божка, что̀ на Дѣвичьемъ полѣ), но онъ (покойный) соорудилъ нѣкоторое неуклюжее зданіе, которое стоитъ на моей дорогѣ. Тѣмъ не менѣе я не сталъ бы писать отдѣльной статьи, если бы могъ писать или издавать что нибудь другое.—Вотъ Вамъ мое объясненіе по сему предмету. Быть можетъ, оно было излишнее. Во всякомъ случаѣ „примите его съ такимъ же чистосердечіемъ, съ какимъ оно написано“, и не забывайте истинно любящаго Васъ

Влад. Соловьева.

31.

5 дек. 87.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Во-первыхъ, поздравляю Васъ сердечно съ именинами и желаю Вамъ по сему случаю всего, что достижимо на землѣ, какъ-то: поменьше болѣзней, поменьше свиданій съ Г. и Ѳ. Н. Б. (о М. по причинѣ постнаго дня не упоминаю), побольше душевнаго спокойствія и досуга.

Во-вторыхъ, сообщаю Вамъ, что Аѳ. Аѳ. нисколько на Васъ не сердится и хотѣлъ завтра же написать Вамъ. Разумѣется, о поводѣ къ Вашему предположенію (отзывъ о его стихахъ) я ему ничего не сказалъ.

Спасибо за присланную замѣтку о „Россіи и Европѣ“. О значеніи Данилевскаго по отношенію къ прежнимъ славянофиламъ я говорю въ сущности то же, что и Вы. Первая моя статья (ихъ будетъ двѣ или три) готова и посылается завтра. Если цензурный терроръ, или тонкая политика С. не воспрещаютъ, то Вы на-дняхъ получите корректуру. А въ какомъ положеніи печатаніе 3-го изданія?—Письмо мое, данное Цертелеву, было эфемернаго содержанія. И Вы о немъ не безпокойтесь. А я немножко безпокоюсь о N., какъ бы его не подбили къ какому нибудь „полному плану“. Душевно жаль мнѣ его, но рѣшительно не могу себѣ представить, на чемъ бы онъ могъ успокоиться.

О себѣ не скажу Вамъ ничего дурного. Я поздоровѣлъ, сплю лучше и смотрю на міръ безпощадно кроткимъ взоромъ. Я знаю, что „все, что было прекраснаго“, провалится къ чорту (какъ уже провалилось крѣпостное право—эта первая основа всякой красоты), и такая увѣренность наполняетъ мою душу почти райскою безмятежностью. Мелкія текущія событія, напр., закрытіе университета, служатъ пищей моему настроенію. Сообщу Вамъ кстати нѣкоторыя подробности.

Послѣ того, какъ попечитель пробовалъ трижды усмирить студентовъ силою одного краснорѣчія, называя ихъ разбойниками и баранами, они обратились къ ректору (Иванову) съ жалобой на это попечительское краснорѣчіе. Тотъ сталъ убѣждать студентовъ быть снисходительными: „Вы знаете, вѣдь онъ графъ, вѣроятно, по-графски съ Вами и говорилъ. Я—человѣкъ, свѣтской жизни непричастный, и не знаю, какія собственно слова въ этомъ кругу употребляются. Но изъ римской исторіи припоминаю, что лица высокаго происхожденія иногда не стѣснялись въ выраженіяхъ. Такъ, Сципіонъ Африканскій,—который, впрочемъ, имѣлъ ту заслугу, что взялъ Карѳагенъ“...

Но тутъ рѣчь была прервана всеобщимъ хохотомъ, и студенты, вѣроятно, успокоились бы, если бы въ тотъ же день не произошло побоище съ ранеными и убитыми. Теперь по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ около 200 человѣкъ отправлено *по этапу* на мѣста жительства (для распространенія благонамѣренности въ провинціи), а нѣсколько человѣкъ пропало безъ вѣсти. — Тотъ же ректоръ во время самаго разгара бунта, среди страшнаго шума и гама, стоялъ неподвижно, слегка склонивъ голову, и, время отъ времени поглядывая на попечителя, произносилъ тихимъ и скорбнымъ голосомъ: „Полное нарушеніе дисциплины! Очевидное несоблюденіе всѣхъ правилъ!“

. Однако я заболтался и чуть было не забылъ сообщить Вамъ важное извѣстіе: я вполнѣ примирился съ Л. Н. Толстымъ; онъ пришелъ ко мнѣ объяснить нѣкоторые свои странные поступки, а затѣмъ я у него провелъ цѣлый вечеръ съ большимъ удовольствіемъ, и если онъ всегда будетъ такой, то буду посѣщать его.

До свиданія (письменнаго), дорогой Николай Николаевичъ.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

32.

6 дек. 1887. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Маленькое недоразумѣніе относительно „Россіи и Европы“ произошло по Вашей обмолвкѣ. Я помню несомнѣнно, что Вы говорили о четвертомъ изданіи, причемъ я недоумѣвалъ: когда же было третье?—Впрочемъ, можетъ-быть, это окажется предзнаменованіемъ, и моей статьѣ придется въ самомъ дѣлѣ ждать 4-го изданія. Какъ знать?

Всѣ мы подъ цензурой ходимъ! Вотъ и Аѳанасій Аѳанасьевичъ попался. Третій выпускъ „Вечернихъ Огней“ задержали. Черезъ три недѣли Аѳанасій Аѳанасьевичъ поѣхалъ въ цензурный комитетъ; тамъ ему показываютъ фразу въ предисловіи: „послѣдніе годы я пересталъ печатать свои стихи и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ по несогласію съ редакціей въ *эстетическихъ* взглядахъ“. Потребовали зачеркнуть эту фразу, какъ бросающую тѣнь на память Каткова. Я, кажется, Вамъ писалъ, что на выставкѣ рафаэлевскихъ картоновъ была снята картина, изображающая Христа, дающаго ключи апостолу Петру.

Что у Васъ въ университетѣ? У насъ все благополучно. Третьяго дня въ публичномъ концертѣ студенты побили главнаго субъ-инспектора Б., а вчера въ самомъ университетѣ выгнали попечителя и избили полицейскихъ. Сегодня университетъ оцѣпленъ войсками.

Возвращаясь къ моему разбору „Россіи и Европы“, я долженъ возразить на Ваши предварительныя замѣчанія. Національность есть фактъ, который никѣмъ не игнорируется. Но въ славянофильскихъ теоріяхъ мы имѣемъ дѣло не съ національностью, а съ націонализмомъ. Это, пожалуй, тоже фактъ—на манеръ чумы или сифилиса. Смертоносность сего факта особенно стала чувствительна въ

настоящее время, и противодѣйствіе ему вполнѣ своевременно и умѣстно. Какъ я уже Вамъ писалъ, мнѣ поневолѣ придется ограничиться отрицательною критикой, такъ какъ положительная сторона дѣла н нецензурна, и нелиберальна; впрочемъ, я излагаю ее довольно полно въ оканчиваемой теперь французской книгѣ La Russie et l'Eglise Universelle.

Само собою разумѣется, что ничего оскорбительнаго для памяти Н. Я. Данилевскаго (въ родѣ глупой брани Тимирязева) въ моемъ разборѣ не будетъ, а изъ дружбы къ Вамъ постараюсь исключить или смягчить все рѣзкое относительно самихъ идей и воззрѣній, излагаемыхъ въ „Россіи и Европѣ“. Очень буду Вамъ благодаренъ, если пришлете свою статью, я за послѣдніе два года не получалъ „Славянскихъ Извѣстій“.—Если хотите, въ случаѣ печатанія моего разбора въ „Вѣстникѣ Европы“, я распоряжусь, чтобы Вамъ присылали корректуры и предоставлю Вамъ исправлять все для Васъ прямо непріятное по отношенію къ памяти Н. Я. Не сомнѣваюсь, что Вы сдѣлаете подобныя исправленія или смягченія такъ добросовѣстно и умѣло, что моя статья отъ этого только выиграетъ.

Что сказать Вамъ о себѣ? Во-первыхъ, я такъ ужасно простудился, что представляю въ одномъ лицѣ и Осипа, и Архипа. Сижу дома и однако работаю не такъ много, какъ желалъ бы: гости, переписка непрерывная, а также и болѣзненное состояніе мѣшаютъ налечь на дѣло, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, кончаю „La Russie“, начинаю „Россію и Европу“, а время отъ времени балуюсь со вторымъ томомъ „Теократіи“.

Провелъ цѣлый день съ Кутузовымъ. Вы, вѣроятно, его уже видѣли—что касается до другого нашего пріятеля, то Ваше изображеніе его имѣетъ высоко-художественное достоинство, но въ немъ (т. е. въ Вашемъ изображеніи) есть нѣкоторый несправедливый постулатъ. Вы говорите между прочимъ о „полу-мысляхъ“ и „полу-планахъ“, ставя одинаково въ упрекъ, и то и другое. А мнѣ кажется ясно, что если уже у человѣка нѣтъ полныхъ мыслей (что̀ не отъ его воли зависитъ), то полу-планы составляютъ для него большое счастіе и единственное спасеніе. А то если бы при полу-мысляхъ да полные планы, что-жъ бы изъ этого вышло?

Приводить ли печальные примѣры? Нѣкто, имѣя полу-мысль о чернилахъ какъ только о жидкости, составилъ полный планъ этою жидкостью умыться—и превратился въ арапа. Другой нѣкто, имѣя полу-мысль о бракѣ, составилъ и осуществилъ полный планъ же-

нитьбы, вслѣдствіе чего и удавился, оставивъ осиротѣвшую жену и младенца.—Однако я, кажется, впадаю въ allotria. Припишите это лихорадочному состоянію.

Будьте здоровы и вѣрьте въ мою искреннюю и неизмѣнную привязанность къ Вамъ.

Влад. Соловьевъ.

33.

Съ 25 дек. по 15 янв. мой адресъ: Сергіевъ Посадъ (Моск. губ.), Вознесенская площадь, церковный домъ, кварт. Анны Ѳедоровны Аксаковой.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Въ прошлое воскресенье зашелъ ко мнѣ вторично Л. Н. Толстой и съ восторгомъ говорилъ о Вашей статьѣ противъ дарвинизма.

Относительно сдѣланныхъ имъ изъ нея заключеній (что дарвинизмъ есть такая глупость, которая не стоитъ опроверженія, что увлеченіе этою теоріей было невольнымъ сумасшествіемъ и т. п.) je reserve mon opinion, но самую статью Вашу, конечно, прочту не съ меньшимъ восхищеніемъ, чѣмъ онъ. Если есть лишній оттискъ, пришлите, пожалуйста, а то достану „Русскій Вѣстникъ“ у Ѳанасія Ѳанасьевича, который, вѣроятно, на-дняхъ вернется изъ Петербурга. Сей неугомонный поборникъ помѣщичьей правды противъ крестьянскихъ злодѣяній навѣрное очень удивилъ Васъ своимъ появленіемъ. Дай только Богъ, чтобы эта поѣздка не очень отразилась на его здоровьѣ. Бѣдная Марья Петровна ѣздитъ по морозу каждый день къ Иверской молиться, чтобы Ѳанасія Ѳанасьевича не занесло снѣгомъ и чтобы петербургскіе чиновники не свели его съ ума. Впрочемъ, кромѣ снѣжныхъ заносовъ и петербургской бюрократіи существуетъ еще Ѳ. Н. Б., который уже успѣлъ „по недоразумѣнію“ нанести нашему старому другу матеріальный ущербъ въ размѣрѣ 50 рублей.

А я еще не получилъ никакого извѣстія о своей статьѣ, посланной еще 7 декабря. При всегдашней аккуратности и любезности Стасюлевича это меня нѣсколько удивляетъ. Вѣроятно, гадаютъ: что сей сонъ значитъ, и не будетъ ли дальше какой нибудь анти-

либеральной загвоздки.—Если пришлютъ Вамъ корректуру,—пожалуйста, черкайте все для Васъ непріятное: право, я вовсе не расположенъ обижать безъ высшей необходимости даже своихъ враговъ, а тѣмъ менѣе друзей.

Но выходку противъ *рыночнаго* патріотизма (не имѣющаго ничего общаго ни съ поэтическимъ націонализмомъ прежнихъ славянофиловъ, ни съ наукообразнымъ націонализмомъ Данилевскаго)—эту выходку Вы оставьте; она, кажется, забавна и ни къ кому лично не относится.

Будьте здоровы. Кланяюсь и поздравляю съ новымъ годомъ Э. Л. Радлова, Д. И. Стахѣева и всѣхъ общихъ пріятелей.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

34.

30 янв. 88, Москва.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ, во-первыхъ, поздравляю Васъ, или—лучше сказать—себя, съ благополучнымъ воскресеніемъ почтеннѣйшаго Дмитрія Ивановича Стахѣева, котораго я съ искреннимъ прискорбіемъ оплакалъ, введенный въ заблужденіе тождествомъ имени и мѣста. По примѣтѣ это ему къ долгой жизни.

Во-вторыхъ, долженъ извѣстить Васъ (простите, что немного съ этимъ запоздалъ,—впрочемъ, дѣло неважное), что Стасюлевичъ проявилъ редакторское самолюбіе, отказавши допустить между авторомъ и редакторомъ третье лицо. Очевидно, онъ смотритъ на эту литературную связь гораздо строже, чѣмъ иные мужья на союзъ брачный, къ которому законъ исключеннаго третьяго не всегда примѣняется.

Итакъ, я самъ держалъ корректуру своей статьи, но при этомъ старался производить на самого себя „мысленное внушеніе“ отъ Вашего лица. Кстати: мой пріятель Лопатинъ усиленно занимается гипнотизмомъ, думая этимъ путемъ доказать бытіе Божіе и безсмертіе души. Я же ему доказываю, что это есть не что иное, какъ худшій видъ содоміи. На-дняхъ былъ у меня другой философъ, Гротъ, и съ большимъ аффектомъ передавалъ, что нѣкто г. Лесевичъ въ „Русской Мысли“ разнесъ всѣхъ русскихъ философскихъ писателей послѣдняго времени. Во главу угла онъ, по словамъ Грота, поставилъ меня, затѣмъ досталось Вамъ, въ особенности же ему, Гроту.

Я былъ радъ, что эта новость, столь волновавшая моего пріятеля, оставила меня абсолютно безстрастнымъ, такъ что я даже не полюбопытствовалъ видѣть эту статью. Впрочемъ, на-дняхъ по-

явится въ „Вѣстникѣ Европы“ мое краткое слово о русской философіи,—конечно, гораздо болѣе радикальное, чѣмъ все то, что могъ наговорить г. Лесевичъ.

Время идетъ немилосердно быстро. Феты уже говорятъ о Воробьевкѣ, а я собираюсь за границу для печатанія французской книжки и 2-го тома „Теократіи“. Проѣздомъ буду непремѣнно въ Петербургѣ.

Впрочемъ, моя заграничная поѣздка имѣетъ въ себѣ фантастичный элементъ, но все-таки мнѣ кажется, что поѣду.

Будьте здоровы.

Влад. Соловьевъ.

Кутузову пишу.

35.

6 сент. 88.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Мнѣ писали, что Вы на меня ужасно негодуете. Не зная причинъ такого аффекта, не могу вступить съ Вами въ объясненіе по сему предмету. Но негодованіе—негодованіемъ, а дружба—дружбой. Разумѣю (относительно Васъ) дружбу объективную, такъ сказать, и философичную. Я вполнѣ цѣню родственную субъективно-сердечную заботливость обо мнѣ Владиміра Павловича Безобразова, вслѣдствіе которой онъ отказался раздавать общимъ знакомымъ мою брошюру „L'Idée russe“. Но suum cuique. Вы мнѣ не родственникъ, а только старый пріятель, и къ тому же философъ стоико-эпикурейской школы. Итакъ, прошу Васъ стать на точку зрѣнія вполнѣ объективную и поступить со мною на точномъ основаніи общечеловѣческихъ правъ. Мнѣ 35 лѣтъ, я нахожусь въ здравомъ умѣ и твердой памяти и издаю брошюру о высокихъ матеріяхъ, въ которой нѣтъ ничего противнаго религіи, общественному порядку и добрымъ нравамъ. Эту брошюру я во всякомъ случаѣ буду распространять въ Россіи между людьми, читающими по-французски. Но если бы Вы отказались мнѣ въ этомъ содѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ, то причинили бы мнѣ тѣмъ лишнія и безполезныя хлопоты. Повторяю, что Владиміръ Павловичъ Вамъ не примѣръ: у него свои основанія, которыхъ у Васъ быть не можетъ. Да вотъ, хоть бы, напримѣръ, помимо всего прочаго: онъ не одобряетъ того, что я говорю о Польшѣ, но Вы—авторъ „*Рокового вопроса*“—со мною въ этомъ пунктѣ вполнѣ солидарны. Это я только между прочимъ, а главное то, что я требую отъ Васъ полной объективности.

Затѣмъ имѣю сообщить Вамъ свой вѣроятный маршрутъ—изъ Парижа, около 15-го сентября (ст. ст.), черезъ Ліонъ, Швейцарію, Вѣну въ Загребъ, оттуда черезъ Краковъ въ Москву, а изъ Москвы на Востокъ, къ предѣламъ Пермскимъ и Колыванскимъ.

Когда же и гдѣ мы увидимся? Отъ всей души желаю Вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія.

Искренно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

36.

2 окт. 88, Viroflay (Seine-et-Oise).

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

В. П. Безобразовъ извѣстилъ меня, что исполнилъ мое порученіе относительно Васъ. А я между тѣмъ раскаялся въ своей безцеремонности. Если Вамъ непріятно будетъ раздавать мою брошюру общимъ знакомымъ, то *отправьте ее М. М. Стасюлевичу (Галерная, 20)*.

Я уже второй мѣсяцъ живу въ полномъ уединеніи на дачѣ около Версаля, занимаясь окончательною обработкой послѣднихъ главъ моей книги „La Russie et l'Eglise universelle“. Какъ только совсѣмъ покончу и сдамъ въ печать, такъ сейчасъ двинусь черезъ Австрію домой, но не въ Москву, какъ писалъ Вамъ прошлый разъ, а прямо въ Петербургъ. Путешествіемъ своимъ я въ концѣ концовъ доволенъ. Не ропщу и въ настоящую минуту, хотя нахожусь въ крайне жалкомъ положеніи, изнемогая отъ обилія истекающей крови и скудости притекающихъ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ геморроидальный припадокъ въ небывалыхъ размѣрахъ ужъ шестой день, а утѣшенія никакого: французы тароваты только на печатные комплименты. Тѣмъ не менѣе, „тараканъ не ропщетъ“. Не будетъ роптать и тогда, когда придетъ Никифоръ, бла-а-ароднѣйшій старикъ, и выплеснетъ его въ Вятку или въ Нахичевань. Лишь бы только не въ Соловки.

Не распространяюсь въ виду вѣроятнаго свиданія. Очень хочется обнять Васъ и отъ души посмѣяться вдвоемъ.

Будьте здоровы, кланяйтесь общимъ пріятелямъ и вѣрьте въ неизмѣнную дружбу

искренно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

37.

Загребъ, 12—24 нояб. 88.

Безцѣнный и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и какъ тщательно Вы ни скрывали свою запоздалую вытечку (извините сей полонизмъ) противъ меня, а я все-таки о ней узналъ.

Хотя я располагаю быть въ Петербургѣ недѣли черезъ двѣ, но, зная по многократному опыту, что двѣ недѣли незамѣтно вырастаютъ въ четыре и пять, я очень бы желалъ, не откладывая, познакомиться съ Вашимъ стратегическимъ кунстштюкомъ. Итакъ, не будетъ·ли Вашей милости прислать мнѣ его сюда: Загребъ (Аграмъ), Австро-Венгрія. Agram (Autriche-Hongrie). M-r le Chanoine Dr. Racki. *13, Kaptol, Zagreb.*

А если не хотите признать свою военную хитрость, то хоть напишите что-нибудь. Вотъ уже третье письмо посылаю Вамъ изъ-за границы, а объ Васъ имѣю только постороннія извѣстія.

Пожалуйста, кланяйтесь очень общимъ пріятелямъ, а въ частности: гр. Кутузову, Радлову и Стахѣеву. Я благополучно развязался наконецъ со своимъ заграничнымъ дѣломъ, т. е. нашелъ удобнаго для меня издателя французской моей книги „La Russie et l'Eglise Universelle“, которая уже печатается и выйдетъ въ серединѣ зимы.

Эта французская книга замѣнитъ пока продолженіе „Теократіи“, съ которымъ торопиться не буду. Не вижу особой пользы въ изданіи русскихъ книгъ, неизбѣжно запрещаемыхъ въ Россіи. Впрочемъ, имѣю надежду, что цензурныя условія скоро измѣнятся. Будьте здоровы и до свиданія.

Истинно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

38.

8—20 дек. 88, Загребъ.

Безцѣнный и досточтимѣйшій Николай Николаевичъ!

Изъ письма Вашего явствуетъ, что Вы разсчитываете не только на глупость публики, но также и на мою. А изъ этого я вывожу и нѣчто для Васъ похвальное, а именно, что одно, по крайней мѣрѣ, мѣсто въ Вашей статьѣ написано искренно: разумѣю то, гдѣ Вы указываете на мою „чрезвычайную наивность“; это Ваше мнѣніе не только искренно, но отчасти и справедливо, однако не въ той мѣрѣ, какъ Вы думаете. Но если я не такъ наивенъ, чтобы принять Ваши обходы и подходы, умолчанія и измышленія за дѣйствительное опроверженіе моихъ доводовъ, которыхъ Вы собственно даже и не коснулись,— то, съ другой стороны, я гораздо великодушнѣе, нежели Вы себѣ представляете. Вы спрашиваете: на чемъ мы помиримся? Да ни на чемъ,— я не признаю вовсе, чтобы мы ссорились. Печатная брань не въ счетъ. Вѣдь мы разстались съ Вами по-пріятельски послѣ обѣихъ моихъ статей. Съ тѣхъ поръ я Васъ ничѣмъ не обидѣлъ, а если Вы меня обидѣли, то я Васъ великодушно прощаю и посылаю Вамъ свое благословеніе, навѣки нерушимое.

Въ Парижѣ я говорилъ французамъ, къ большому ихъ удовольствію, про новаго нѣмецкаго императора: il est pieux pour être désagréable à sa mère. Подобнымъ образомъ хочу я и Васъ утѣшить, чтобы бремя моего великодушія не подавило Васъ окончательно. Знайте, что одинъ изъ мотивовъ (я говорю *одинъ изъ*— ибо не нужно ничего преувеличивать)— одинъ изъ мотивовъ моего миролюбія есть нежеланіе доставить торжество моему брату Всеволоду, который держалъ со мною пари, что я съ Вами поссорюсь.

Завтра выѣзжаю изъ Загреба и около Рождества надѣюсь

Васъ лицезрѣть. В. П. Безобразову не писалъ послѣднее время, такъ какъ считалъ его странствующимъ по Россіи. Кутузову долженъ былъ даже нѣчто послать, но не увѣренъ въ неизмѣнности его адреса, а теперь уже и не стоитъ. Кланяюсь сердечно ему и всѣмъ общимъ пріятелямъ.

Будьте здоровы.

Повѣрьте, что отдѣлить литературу отъ дружбы гораздо легче, нежели вещество отъ духа. Впрочемъ, Вы вѣрите даже (или притворяетесь, что вѣрите) жалкимъ глупостямъ Декарта и Лейбница.

До скораго свиданія.

Истинно Васъ любящій

Влад. Соловьевъ.

39.

1839.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ!

Сопоставляя въ письмѣ Вашемъ выраженія добрыхъ чувствъ съ упорнымъ и недостаточно (на мой взглядъ) мотивированнымъ отказомъ сколько-нибудь продлить или ускорить наше свиданіе, я прихожу къ заключенію, что у Васъ чувства имѣютъ бытіе an und für sich, не требуя никакого дальнѣйшаго проявленія въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ. По свойственной мнѣ склонности къ обобщенію и связыванію разнородныхъ явленій, я нахожу, что указанный характеръ Вашихъ чувствъ вполнѣ гармонируетъ съ Вашимъ религіознымъ міросозерцаніемъ, допускающимъ только неподвижнаго и бездѣйственнаго Бога, который можетъ быть предметомъ частью отвлеченной мысли, частью неопредѣленныхъ чувствованій, но съ которымъ никогда не связано никакихъ практическихъ императивовъ и никакихъ положительныхъ цѣлей. Говорю все это никакъ не въ укоръ или обличеніе Вамъ. Ставить такой характеръ Вамъ въ вину значило бы почти то же самое, что упрекать Рафаэля Санціо за то, что онъ не открылъ Америку, или ругать митрополита Филарета за то, что онъ не штурмовалъ Ташкента и Самарканда. Для такой игры ума найдется достаточно охотниковъ и помимо меня. Я же, чѣмъ болѣе сѣтую на трансцендентный характеръ Вашей дружбы, мѣшающій мнѣ ею пользоваться, тѣмъ болѣе доказываю этимъ, что Вами самими я доволенъ такимъ, каковы Вы есть. Ибо если бы Вы мнѣ не нравились, то могъ ли бы я сердиться на Ваше отсутствіе?

Благодарю Васъ за то, что признаете во мнѣ либерализмъ (въ смыслѣ широкой терпимости къ чужимъ мыслямъ и чувствамъ). Чтобы не потерять въ Вашемъ мнѣніи, не буду бранить нѣкото-

рыхъ Вашихъ сослуживцевъ, которые не захотѣли оказать относительно меня ни малѣйшаго либерализма.

Но, оставляя въ сторонѣ оцѣнку лицъ и дѣйствій, я хотѣлъ бы ради цѣлей практическихъ знать въ точности, при какихъ обстоятельствахъ моя книга попала въ духовную цензуру. Вы пишете: она совершенно миновала Майкова. Но сіе невозможно, а потому сего и не было (Вы видите, что у насъ логика одна и та же). Ни я, ни типографія не посылали и не могли послать книгу въ духовную цензуру. Она была адресована въ комитетъ для цензуры „иностранныхъ книгъ“. Нельзя же допустить, что посылки съ такимъ адресомъ разсматриваются не Майковымъ, а Ѳеоктистовымъ, и что сей послѣдній, *не спросившись Майкова*, послалъ мою книгу въ духовную цензуру. Но если даже сдѣлать такое невѣроятное и обидное для Майкова предположеніе, то все-таки мое письмо пришло раньше книги, и, слѣдовательно, онъ могъ сдѣлать предварительное распоряженіе, чтобы книга не миновала его рукъ. Къ тому же, помимо экземпляровъ, посланныхъ прямо по адресу иностранной цензуры, задержаны также всѣ экземпляры, посланные частнымъ лицамъ. Между тѣмъ всѣ, приходящія изъ-за границы, книги почта отправляетъ никакъ не въ духовную, а непремѣнно въ иностранную цензуру. Значитъ, и эта задержка не могла произойти помимо Майкова.

Очень буду Вамъ признателенъ, если Вы сообщите что-нибудь точное и опредѣленное на этотъ счетъ.

Не увидите-ли Вы Кирѣева? Освѣдомьтесь, пожалуйста, получилъ-ли онъ мое письмо въ отвѣтъ на его извѣстія и требованія. Жду отъ Кутузова отвѣтъ на мое длиннѣйшее письмо.

Прощайте, давно ужъ звали пить вечерній чай.

Житіе мое Аѳанасій Аѳанасьевичъ передалъ Вамъ въ чертахъ преувеличенныхъ. Въ сущности, я живу хорошо и благодушествую, несмотря на всѣ превратности судьбы. Мелкая же хворь сопровождаетъ меня съ колыбели и, вѣроятно, сопроводитъ до могилы. Богъ съ Вами. Мало ужъ надѣюсь на свиданіе, коварный другъ, но сердцу милый.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

40.

Красный Рогъ, 23 авг. 90.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Я хотѣлъ и не успѣлъ передъ Вашимъ отъѣздомъ сказать Вамъ о своей полемической статьѣ, которая на этихъ дняхъ должна появиться (или уже появилась) въ „Русскоїі Мысли“, если только не вмѣшалась цензура. Хотя мнѣ пришлось многое у Васъ одобрить, а за кое-что и горячо похвалить, но въ общемъ, конечно, Вы будете недовольны. Что-жъ дѣлать? Въ этомъ споръ изъ-за Россіи и Европы послѣднее слово во всякомъ случаѣ должно остаться за мной—такъ написано на звѣздахъ. Не сердитесь, голубчикъ Николай Николаевичъ, и прочтите внимательно слѣдующее объясненіе.

Книга Данилевскаго всегда была для меня ungeniessbar, и во всякомъ случаѣ ея прославленіе Вами и Бестужевымъ кажется мнѣ непомѣрнымъ и намѣреннымъ преувеличеніемъ. Но это, конечно, не причина для меня нападать на нее, и Вы, можетъ быть, помните, что въ прежнее время я изъ дружбы къ Вамъ даже похваливалъ мимоходомъ эту книгу,—разумѣется, лишь въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Но вотъ эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предметъ непонятной слабости Николая Николаевича Страхова, а чрезъ то бывшая и мнѣ до нѣкоторої степени любезною, — вдругъ становится спеціальнымъ кораномъ всѣхъ мерзавцевъ и глупцовъ, хотящихъ погубить Россію и уготовить путь грядущему антихристу. Когда въ какомъ-нибудь лѣсу засѣлъ непріятель, то вопросъ не въ томъ, хорошъ или дуренъ етотъ лѣсъ, а въ томъ, какъ бы его получше поджечь. Вы можете удивляться ошибочности моего взгляда, но убѣдить меня въ ней не можете уже потому, что самая точка зрѣнія, съ которої

я въ этомъ случаѣ сужу, для Васъ совершенно чужда. Вы смотрите на исторію, какъ китаецъ-буддистъ, и для Васъ не имѣетъ никакого смысла мой еврейско-христіанскій вопросъ: полезно или вредно данное умственное явленіе для богочеловѣческаго *дѣла* на землѣ *въ данную историческую минуту?* А кстати: какъ объяснить по теоріи Данилевскаго, что наша съ Вами общая чисторусская (ибо поповская) національная культура не мѣшаетъ Вамъ быть китайцемъ, а мнѣ—евреемъ?

Если это объясненіе и не удовлетворитъ Васъ, то, надѣюсь, Вы мнѣ повѣрите на-слово, что поддерживать свою позицію въ этомъ спорѣ есть для меня обязанность.

На дняхъ ѣду къ Фету, а что дальше—не знаю. Думаю быть въ Петербургѣ въ началѣ зимы, а можетъ быть и раньше. Будьте здоровы и не сердитесь на душевно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

Письма къ Н. Я. Гроту.

1.

(1889).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Вотъ 8 страницъ (моихъ), въ Москвѣ мнѣ рѣшительно заниматься, даже переводомъ, невозможно. Вчера весь день отняли неожиданные визиты. Сегодня ѣду въ Тамбовскую деревню и тамъ въ одинъ день *навѣрное* окончу Anhang и пришлю Вамъ немедленно.

Очень жалѣю, что не могу проститься съ Вами. Впрочемъ можетъ быть еще застану Васъ въ Москвѣ по возвращеніи.

Мое почтеніе Наталіи Николаевнѣ.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

2.

28 апр. 89. Спасскъ, Тамбовской губ., у кн. Д. Н. Цертелева, с. Липяги.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Вотъ Вамъ Anhang, можете не сличать,—пропусковъ нѣтъ. Что касается до привѣтствія итальянскому комитету [1]), то Ваше молчаніе на счетъ этого въ послѣдней запискѣ я истолковалъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ, т. е. что Вы снимаете съ меня сіе порученіе. Если же я сверхъ ожиданія въ этомъ ошибся, то вотъ Вамъ мой мотивированный отказъ: то *условное* сочувствіе, какое я могу имѣть къ этому дѣлу, принадлежитъ мнѣ одному (между членами Психологическаго Общ.), ибо нѣкоторые *вовсе* не сочувствуютъ (напр., Цертелевъ), а другіе (большинство) сочувствуютъ *безусловно* и моихъ оговорокъ относительно антивативанскаго направленія бруновской агитаціи нисколько не раздѣляютъ. Въ виду этого мнѣ было бы очень странно являться представителемъ Общества въ этомъ дѣлѣ.

Я весьма доволенъ, что укрылся подъ сѣнь струй; здѣсь можно въ двѣ недѣли сдѣлать больше, чѣмъ въ Москвѣ въ два мѣсяца, не говоря уже о Петербургѣ.

Мой хозяинъ поручаетъ Вамъ кланяться. Онъ хотѣлъ заѣхать къ Вамъ тогда въ послѣдній день, но я на основаніи Вашей записки сказалъ ему, что Васъ не будетъ дома.

До свиданія—вѣроятно, еще въ Москвѣ.
Мое почтеніе Наталіи Николаевнѣ.
Душевно преданный

В. Соловьевъ.

---

[1]) По случаю постановки памятника Джордано Бруно на Campo dei fiori въ Римѣ. *Прим. ред.*

3.

15 мая 89. Спасскъ, Тамбовской губ. С. Липяги.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Выѣзжаю не сегодня, а только 24-го, и притомъ не въ Москву, а сначала въ Сызрань; поэтому не имѣю никакой надежды видѣться съ Вами до августа.

Получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что духовная цензура вторично и окончательно осудила мою „Теократію“. Такимъ образомъ мнѣ не приходится раскаиваться въ тѣхъ непріятностяхъ для духовнаго начальства, которыя содержатся въ новой французской книгѣ.

Видѣли-ли Вы апоѳеозъ Никанора въ „Вѣстникѣ Европы“? Еслибы это было въдругомъ мѣстѣ, то многіе читатели приняли бы за чистую монету, да и теперь, пожалуй, не всѣ догадаются, въ чемъ тутъ настоящая соль. Для Васъ статья будетъ готова къ 15-му августу. Такъ какъ въ одну всего вмѣстить нельзя, а тянуть въ нѣсколькихъ №№ подъ однимъ заглавіемъ для Васъ не удобно, то я считаю за лучшее разбить свое писаніе на нѣсколько отдѣльныхъ статей, съ особымъ заглавіемъ для каждой.

Первая будетъ о красотѣ—тема, кажется, безобидная. Конечно, при нѣкоторой доброй волѣ можно было бы для уясненія *отъ противнаго* идеи *красоты* распространиться о *безобразіяхъ* духовнаго вѣдомства, но изъ дружбы къ Вамъ я готовъ отъ этого совершенно воздержаться.

На вопросъ Вашъ объ оттискахъ, не знаю, что̀ отвѣчать. Поступите такъ, какъ Вамъ удобнѣе, а если Вамъ все равно, то я ни противъ Куно-Фишера, ни противъ Иванцова ничего не имѣю.

Цертелевъ Вамъ кланяется и охотно обѣщаетъ свое сотрудничество.

Отъ души желаю Вамъ добраго здоровья и успѣха въ дѣлахъ.

Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ.

Искренно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

4.

3 Окт. 89. Петербургъ, Европ. Гост. (Михаил. ул.).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Вотъ Вамъ, согласно обѣщанію, безъ всякаго замедленія. Прибавилъ на свободномъ мѣстѣ новое нѣсколько менѣе односложное заключеніе. А на стр. 24 внизу—очевидно, въ наборѣ—выпалъ конецъ фразы, который я (не имѣя рукописи) и приписалъ по памяти и по смыслу. Надѣюсь, что отъ этой вставки не выйдетъ никакого типографскаго затрудненія, но во всякомъ случаѣ необходимо было снабдить предложеніе сказуемымъ.

Засимъ—All right. Вторая статья образуется. Вашихъ навѣщу непремѣнно, какъ только освобожусь отъ публицистики для „Вѣстника Европы“.

Будьте здоровы.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

NB. И въ первой половинѣ статьи я сдѣлалъ кой-какія корректурныя поправки.

5.

12 окт. 89. Петербургъ, Европ. Гост. (Михаил. ул.).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Не будете-ли столь добры прислать мнѣ, не дожидаясь выхода книжки, остальной гонораръ, т. е., если не ошибаюсь, 70 р. ([3 × 40] 120 — 50 = 70).

Предпочитаю обратиться къ Вамъ, а не къ N., который слишкомъ уже аккуратенъ.

Если пошлете кредитными билетами (а переводъ на банкъ дѣлать для маленькой суммы, я думаю, не стоитъ), то адресуйте ихъ на имя Радлова, такъ какъ онъ служащій и ему проще получить денежное письмо. [Эрнесту Львовичу Радлову, Эртелевъ переулокъ, домъ 9, Петербургъ.]

Для очищенія собственной совѣсти обращаю еще разъ Ваше вниманіе на нецѣлесообразность большихъ объявленій на заднихъ страницахъ газеты, вмѣсто маленькихъ на первой.

Въ воскресенье кончаю статью для „Вѣстника Европы“ и затѣмъ начну дѣлать визиты. Непремѣнно побываю у Вашихъ.

Въ началѣ ноября, вѣроятно, пріѣду въ Москву, но надолго-ли — не знаю. Нужно было бы съѣздить въ Парижъ; все напечатанное количество экземпляровъ моей книги разошлось, и при новомъ наборѣ я желалъ бы самъ держать корректуру.

Но на всякое хотѣнье есть терпѣнье, и врядъ-ли я дальше Москвы уѣду. Будьте здоровы, любезный другъ.

Мой сердечный поклонъ Наталіи Николаевнѣ и общимъ пріятелямъ.

Душевно преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

6.

21 дек. 89. Европ. Гост., Петербургъ.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

„Какой съ Божьей помощью неожиданный оборотъ!“

Если бы двукратная инфлуэнца и не помѣшала мнѣ начать, то извѣстный фальшивый документъ помѣшалъ бы все равно закончить статью для второй книги философскаго журнала. Теперь всѣ мои мысли обращены въ другую сторону, и если бы даже было время, все-таки ничего путнаго для Васъ не написалъ бы.

Итакъ, до третьей книги, если не произойдетъ новыхъ неожиданностей. Впрочемъ, жаловаться на меня Вамъ не приходится, ибо: 1) замѣткою въ „Новомъ Времени“ я, заступившись за пріятеля, сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ маленькую рекламу Вашему журналу и притомъ единственнымъ возможнымъ въ данномъ случаѣ способомъ. 2) То же самое сдѣлалъ я и въ „Вѣстникѣ Европы“, цитируя Трубецкого въ своей послѣдней, отнынѣ исторической (по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ Гоголевскаго Ноздрева) статьѣ.

Теперь маленькое порученіе къ Вамъ. Одинъ мой знакомый, г. Уманецъ, кандидатъ восточныхъ языковъ, печатаетъ довольно обширное сочиненіе о мусульманской философіи и желалъ бы извлечь изъ него небольшую статью для философскаго журнала. Согласны-ли бы Вы были въ принципѣ принять такую статью? Онъ ждетъ отвѣта, а Вы мнѣ еще успѣете написать до моего отъѣзда (врядъ-ли раньше вторника соберусь).

Былъ на-дняхъ у Вашихъ и нашелъ ихъ въ добромъ здоровьѣ.

До свиданія. Мое почтеніе Наталіи Николаевнѣ и сердечный поклонъ общимъ друзьямъ.

Душевно преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

7.

29 окт. 90. Петербургъ.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

На Вашу телеграмму отвѣчаю письмомъ не изъ экономіи, а потому, что не могу дать краткаго и категорическаго отвѣта на Вашъ вопросъ. Конечно, я Вамъ вполнѣ довѣряю во всѣхъ отношеніяхъ, но вопросъ въ томъ, *стоитъ-ли печатать* замѣтку въ оскопленномъ видѣ. Другое дѣло, если бы это была большая и содержательная статья; а у такой маленькой выходки нарушеніе тона и стиля, исключеніе двухъ трехъ яркихъ фразъ, можетъ отнять всякій смыслъ.

Итакъ: 1) если Вы можете ручаться, что компромисъ съ цензурой не компрометтируетъ характера и смысла замѣтки, то поступайте по усмотрѣнію. 2) Если Вы имѣете насчетъ этого сомнѣнія, то сообщите мнѣ предполагаемыя измѣненія; въ такомъ случаѣ, и если у Васъ есть причины торопиться выходомъ книжки, придется отложить замѣтку до будущей. Наконецъ, 3) если Вы сами находите, что для возможности напечатанія замѣтки, необходимо ее обезцвѣтить, то рѣшимте не печатать вовсе. — А писать объ этомъ предметѣ въ другомъ тонѣ и стилѣ я не умѣю.

NB. Если Вы находите нѣкоторыя фразы слишкомъ явно ироническими собственно по отношенію къ лицу Лесевича, то таковыя можете свободно измѣнить въ благопріятномъ смыслѣ; но упрекъ о дурномъ отношеніи къ единомышленникамъ оставьте во всей силѣ. За что же и тѣхъ обижать безоговореннымъ восхваленьемъ одного Лесевича?

А что же сверстанное „Искусство“? Жду его непремѣнно. Извѣстное Вамъ заявленіе мною передѣлано со стороны стиля, который былъ въ прежней редакціи слишкомъ казеннымъ. Теперь вышло несравненно лучше. Такъ какъ эти перемѣны касаются исклю-

чительно только формы, то я не считаю нужнымъ безпокоить еще разъ всѣхъ подписавшихся. Но если хотите, могу прислать Вамъ новую редакцію, которую въ такомъ случаѣ просилъ бы показать и другимъ. Короленко прислалъ свою подпись съ самымъ сочувственнымъ письмомъ. Кажется, за двумя-тремя исключеніями всѣ выдающіяся литературныя имена будутъ въ сборѣ съ мэгалэономъ во главѣ. Кто то болталъ о контрпротестѣ; но вѣдь для этого нужно прежде всего создать контръ-Толстаго. А я думаю, что и контръ-Гроты и контръ-Соловьевы предпочтутъ безмолвіе.

Искренно Вамъ преданный Влад. Соловьевъ.

P.S. Отвѣтъ Страхову напечатанъ въ ноябрской книгѣ „Вѣстника Европы“.

P.S. Признаюсь, что я не успѣлъ перечесть замѣтку, написанную прямо набѣло; съ этой стороны я даже прошу Васъ ее пригладить.

8.

23 апр. 91. Петербургъ.

Христосъ воскресе, дорогой Николай Яковлевичъ!

Спасибо за книжку. Ничего не имѣю противъ возстановленія прежняго конца въ моей статьѣ. Но есть одна опечатка, измѣняющая смыслъ; она была мною исправлена, но вашъ корректоръ заупрямился. Нельзя-ли исправить ее на особой ленточкѣ, которую вклеить въ книжку? Тогда уже кстати и другія менѣе важныя. Прилагаю на листкѣ.

NB. А вотъ просьба болѣе настоятельная. Хотя статья о поддѣлкахъ и не совсѣмъ покрываетъ мой ноябрскій авансъ, но по причинѣ праздниковъ *очень прошу прислать мнѣ 100 р.*, а въ сентябрѣ навѣрное совсѣмъ расквитаюсь. Эти три дня одними начаями и извозчиками стоили мнѣ уже 70 р. Пришлось впасть въ разные мелкіе долги (о крупныхъ не говорю), которые необходимо заплатить. Итакъ, *пожалуйста, какъ можно скорѣе, вышли мнѣ сто рублей* на мое имя (Петербургъ, Европейская Гостинница).

Когда можно будетъ пріѣхать въ Москву—не знаю.

Есть очень важное дѣло, о которомъ кратко писать неудобно, а пространно еще рано. Всетаки надѣюсь увидѣться до вашего отъѣзда изъ Москвы.

Усерно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и общимъ друзьямъ. Твоихъ здѣсь видалъ двукратно. Будь здоровъ.

Искренно твой Владиміръ Соловьевъ.

Въ страстную пятницу нанесъ мнѣ визитъ Ѳеоктистовъ. C'est du nouveau.

P.S. Теперь пишу статью о 6-ой и 7-ой книжкахъ для „Новостей“ [1]).

---

[1]) Т. е. о 6-ой и 7-ой книжкахъ „Вопросовъ философіи и психологіи“. *Прим. ред.*

9.

[1891.]

Любезный другъ Николай Яковлевичъ!

Какъ видишь, я опоздалъ выѣздомъ, но все таки пріѣду во время и некрологъ будетъ готовъ (а также и рецензія на „Историческое Обозрѣніе“, о чемъ меня просилъ Карѣевъ). Въ крайнемъ случаѣ, если и будетъ задержка дня на два, то, право, для двухмѣсячника это не важно.

Имѣю къ тебѣ предложеніе: если возможно, въ послѣднихъ числахъ февраля прочесть въ Обществѣ мною ненапечатанную еще статью объ идолахъ и идеалахъ. Она въ окончательной редакціи кажется мнѣ и удачной, и цензурной, а главное—своевременной. Предупреждаю объ этомъ на всякій случай, а затѣмъ поговоримъ при свиданіи.

Твой Влад. Соловьевъ.

10.

9 авг. 91. Петербургъ, Вознесенскій просп., д. 16, кв. 3.

Очень радъ былъ твоему письму, милый другъ Николай Яковлевичъ. Въ Москвѣ лѣтомъ не былъ и іюнскаго письма твоего не видалъ. Весьма одобряю съ эгоистической точки зрѣнія перемѣну твоихъ плановъ, да думаю, что и тебѣ въ сущности лучше оставаться въ Москвѣ. Въ концѣ августа буду въ Москвѣ *непремѣнно*. Но къ Толстому не поѣду: наши отношенія заочно обострились вслѣдствіе моихъ „Идоловъ“, а я особенно *теперь* недоволенъ безсмысленною проповѣдью опрощенія, когда отъ этой простоты сами мужики съ голоду мрутъ.

Дошли-ли до тебя мои статьи въ „Новостяхъ“ о философскомъ журналѣ. Вторую Нотовичъ сократилъ въ концѣ, вслѣдствіе чего моя похвала твоему „Введенію“ вышла загадочной. А послѣ того онъ сыгралъ со мною еще такую штуку, вслѣдствіе которой я рѣшилъ съ нимъ совсѣмъ покончить: выдалъ за мою статью статью одного моего однофамильца, гдѣ тотъ меня дважды расхвалилъ. Скучно писать подробности: разскажу при свиданіи.

Я радъ, что съ этимъ развязался—тѣмъ болѣе, что всякаго дѣла и безъ того у меня пропасть.—А цензура укротилась: второй выпускъ „Національнаго вопроса“ съ разными колючими статьями, между прочимъ, съ тѣми, за которыя „Вѣстникъ Европы“ получилъ предостереженіе, вышелъ безпрепятственно. Все-таки не безполезно было извѣстное тебѣ письмо.

Для философскаго журнала имѣю нѣсколько главъ изъ философіи исторіи.

Пришли непремѣнно 15-ый.

Третій часъ ночи, а потому кончаю.

Твей Влад. Соловьевъ.

11.

[1893.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Что же Кантъ?

Напиши о немъ, о себѣ, а также о Милюковѣ.

Миръ праху Астафьева!

Теперь философія этого рода имѣетъ только двухъ представителей: Страхова и Розанова—миръ и ихъ праху!

Возвращаясь къ живому Канту,—отчего замедлились корректуры? Неужели ни одного листа не готово? Пиши и присылай по слѣдующему адресу: Петербургъ, у Синяго моста, Вознесенскій проспектъ, д. 16, кв. 3, полковнику Кузьмину-Караваеву.

Къ невропатологу еще не обращался, но, вѣроятно, обращусь. А можетъ быть, я просто начинаю переходить изъ твердаго состоянія въ жидкое, чтобы потомъ перейти въ газообразное.

Кстати—видѣлъ уже два напечатанныхъ листа „Философіи мистики“ Дю-Преля. Моя „Телепатія“ въ концѣ недѣли поступитъ въ цензуру.

Предлагаю Психологическому Обществу поручить мнѣ переводъ кантовскаго „Träume eines Geistersehers“, съ присовокупленіемъ шопенгауэровскаго трактата изъ „Парергъ“ по тому же предмету. Могла бы выйти порядочная книжка, подъ заглавіемъ: „Кантъ и Шопенгауэръ о психургическихъ явленіяхъ“.

Голуби стучатъ въ окно.

Будь здоровъ.

Сердечно кланяюсь твоему дому и общимъ друзьямъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

12.

]1893.]

Пятница.

Милый другъ!

Вотъ начало статьи — конецъ завтра отправляю — все равно въ субботу и воскресенье въ типографіи не работаютъ—значитъ, это не составитъ задержки.

Я все боленъ, и раньше прислать было невозможно.

Начало статьи—плохо. Дальше, надѣюсь,—лучше. Но во всякомъ случаѣ прошу очень о внимательной корректурѣ.

О себѣ напишу потомъ на досугѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

13.

[1893.]

Милый другъ, я употребилъ сегодняшнюю ночь и продолжаю употреблять день на исправленіе своего Канта, котораго пришлю и вручу тебѣ druckfertig часовъ въ $6^1/_2$, заѣхавши къ тебѣ по дорогѣ на вокзалъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

14.

[1893.]

Присланная тобой и при семъ возвращаемая гранка уже была у меня, дорогой Николай Яковлевичъ. Зачѣмъ ты прислалъ мнѣ ее вторично,—не понимаю. На письмо твое я отвѣчалъ вслѣдъ за отправленіемъ корректуръ и просилъ между прочимъ не разсѣкать Милюкова. Свои замѣчанія посылаю тебѣ завтра или послѣ-завтра.

Будь здоровъ и присылай мнѣ Канта.

Твой Влад. Соловьевъ.

15.

[1893.]

Спасибо за Декарта, любезный другъ Николай Яковлевичъ! Разумѣется, я не буду дѣлать никакихъ измѣненій, кромѣ того, что безусловно необходимо съ точки зрѣнія словарной. Корректуры иногороднымъ авторамъ не посылаются.

Листы Милюкова и брата послалъ тебѣ вчера заказною бандеролью. Замѣчанія свои на М. пошлю въ эту среду или четвергъ. Я думаю, что дѣлить статью М. (а слѣдовательно, и относить на сентябрь мои замѣчанія) неудобно. Въ цѣломъ своемъ видѣ статья обратитъ на себя вниманіе, тогда какъ первая половина, при нѣсколькихъ остроумныхъ замѣчаніяхъ, представляетъ по существу мало новаго послѣ моихъ статей о Данилевскомъ и статьи Трубецкого о Леонтьевѣ. Впрочемъ, „поступайте по обычаямъ вашей страны“. О „Смыслѣ любви“ дамъ окончательный отвѣтъ къ 1-му мая. Вѣроятно, напишется около листа.

Я начинаю чувствовать себя лучше и думаю, что нервно преувеличилъ свою невропатію.

Вслѣдствіе цензурныхъ препятствій для дешеваго изданія, я отдалъ своего „Магомета“ Стасюлевичу, а Павленкова намѣренъ вознаградить Жанною д'Аркъ или Петромъ Великимъ.

Видаюсь я здѣсь больше съ иностранцами, а также съ моимъ министромъ финансовъ Саломономъ, который тебѣ кланяется.

До свиданія въ маѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ.

16.

[1893.]

Любезный другъ!

Развѣ Алекс. Григ. не сказалъ тебѣ, что я былъ боленъ? отчего ты не заглянулъ ко мнѣ? Прошу тебя, привези завтра съ собою „письмо“ Милюкова и передай Ивановскому [1]). Пожалуйста, не забудь.

Относительно 2-го изданія Канта я безусловно не согласенъ присоединить „Критику практическаго разума“—вотъ почему: 1) переводъ въ настоящемъ видѣ крайне плохъ, по словамъ Василія Петровича [2]), и чтобы сдѣлать его возможнымъ, потребуется около полугода. 2) Размѣры его—около 18 листовъ. 3) Я, конечно, желаю наибольшаго распространенія своего перевода и былъ бы доволенъ, если бы пріобрѣтающій„ Критику практическаго разума“ ео ipso пріобрѣталъ бы и „Пролегомены“; но какъ быть, если онъ ихъ *уже пріобрѣлъ* въ 1-омъ изданіи? Очевидно, онъ будетъ ругать издателей и не безъ основанія.—Итакъ, я считаю необходимымъ, чтобы 2-е изданіе было, дѣйствительно, таковымъ по содержанію и чтобы оно вышло въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Поручаю это Василію Петровичу, какъ редактору трудовъ Психологическаго Общества. Затрудненіе же съ Иванцовымъ по этому предмету мы беремъ на себя.

Я еще не совсѣмъ здоровъ, но сталъ выѣзжать и сегодня ѣду къ брату Мишѣ въ деревню. Вернусь завтра, въ понедѣльникъ, вечеромъ. Если ты останешься ночевать въ Москвѣ, то увидимся. Очень бы этого желалъ. А въ Царицыно еще разъ пріѣхать никакъ не успѣю, да и опасаюсь немного климата, который имѣетъ на меня специфически вредное дѣйствіе, испытанное мною еще 23 года тому назадъ.

Будь здоровъ, милый другъ. Если не увидимся во вторникъ, то—до ноября. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ.

Твой Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Владиміръ Николаевичъ Ивановскій былъ секретаремъ редакціи „Вопросовъ философіи и психологіи“. *Прим ред.*

[2]) Т. е. Василія Петровича Преображенскаго. *Прим. ред.*

17.

[1893.]

Милый другъ, я сегодня обѣдаю у Солдатенкова, откуда собрался ѣхать къ Янжулу, отправляющемуся въ Чикаго. Но ради тебя сіе послѣднее (т. е. не Чикаго, а Янжула) отложу. Тѣмъ не менѣе Кузьма Меничисъ раньше десяти не выпуститъ.

До свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

18.

$^{16}/_{28}$ окт. 93. Динаръ.

Здравствуй, другъ любезный Николай Яковлевичъ! Непремѣнно, непремѣнно жди окончанія моей „Любви“ для ноябрской книжки; не годится, не годится откладывать на будущій годъ, хотя нравственной обязанности передъ читателями я тутъ не усматриваю; болѣе чувствую матеріальную обязанность передъ редакціей за авансъ, но это скоро, скоро покроется и еще попросится. Такъ какъ сентябрская книжка вышла 15-го, то и ноябрская можетъ также выйти 15-го, а новые сроки ужъ съ новаго года. Мою статью получишь *ultimo* 5-го ноября, а вѣрнѣй, что раньше. Непремѣнно, непремѣнно подожди ее.

Съ чего ты взялъ, что мы съ Трубецкимъ жуируемъ. Мы даже осатанѣли надъ книгами, а пить—пьемъ только яблочный квасъ, онъ такъ даже и молоко. Печалитъ меня твое нездоровье. Одно могу посовѣтовать: волнуйся поспокойнѣе! Моя физика тоже подъ гору пошла.

Въ Петербургъ возвращаюсь въ декабрѣ, а когда въ Москву—еще не знаю. Будь все таки здоровъ, любезный другъ. Усердно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ твоимъ. Цѣлую Левона, Петровскаго, Преображенскаго и всѣхъ общихъ друзей. До 1-го ноября—Hôtel des Bains (Ille-et-Vilaine), а потомъ—Hôtel Vouillemont, 15, rue Boissy d'Anglas, Paris.

Твой Влад. Соловьевъ.

Статью Левона прочелъ съ удовольствіемъ.

19.

[1893.]

Не секретное.

Милый и ругающій меня другъ Николай Яковлевичъ. По отъѣздѣ Трубецкихъ, 17-го октября, я немедленно и добросовѣстно сѣлъ за конецъ „Любви“ и къ воскресенью 31-го октября написалъ около 40 страницъ, но когда я ихъ перечелъ—о боги!—какъ сказалъ бы покойный Аѳанасій Аѳанасьевичъ—какая это вышла размазня, какая каша поганая, какая мерзостыня! А вѣдь я хотѣлъ написать какъ можно лучше. За что же меня ругать? Жалѣть меня надо, вотъ что! А затѣмъ, неужели все: и моя честь, и репутація твоего журнала, и честь мистической философіи въ Россіи, и, наконецъ, доброе имя половой любви—все это должно быть принесено въ жертву одной только аккуратности?—Нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ!—сказалъ я себѣ и, посвятивъ понедѣльникъ меланхоліи, во вторникъ телеграфировалъ тебѣ. Теперь о будущемъ. Полтора мѣсяца для построенія новой статьи на развалинахъ старой вполнѣ достаточно для меня. Итакъ, совѣтую тебѣ къ ноябрской книжкѣ приклеить цвѣтную ленточку такого содержанія: „Запоздавшая вслѣдствіе нездоровья В. С. Соловьева пятая и послѣдняя статья: „Смыслъ любви“ будетъ помѣщена въ слѣдующемъ январскомъ № журнала“, что̀ и будетъ непремѣнно исполнено, если только я тѣмъ временемъ не умру отъ размягченія мозга. Въ такомъ случаѣ вмѣсто статьи и въ видѣ оправдательнаго документа ты можешь напечатать слѣдующее предсмертное изліяніе:

Скоро, скоро, другъ мой милый,
Буду выпущенъ въ тиражъ
И возьму съ собой въ могилу
Не блистательный багажъ.
Много дряни за душою
Я имѣлъ на сей землѣ

И съ безпечностью большою
Былъ не твердъ въ добрѣ и злѣ.
Я въ себѣ подобье Божье
Непрерывно оскорблялъ,—
Лишь съ общественною ложью
Въ блудъ корыстный не впадалъ.
А затѣмъ, хотя премного
И безпутно я любилъ,
Никого зато, ей-Богу,
Не родилъ и не убилъ.
Вотъ и всѣ мои заслуги,
Всѣ заслуги до одной
А теперь, прощайте, други!
Со святыми упокой!

На-дняхъ ѣду въ Парижъ. Я послалъ на прошлой недѣлѣ Трубецкому большое письмо, но, кажется, забылъ написать въ немъ свой точный парижскій адресъ. Вотъ этотъ адресъ для тебя и для него: Hôtel Vouillemont 15, rue Boissy d'Anglas, Paris.

Будь здоровъ, милый другъ; сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ друзьямъ.

Навѣсти Марью Петровну Шеншину; скажи ей, что я и тебя обманываю, но что я по ней скучаю.

Твой Влад. Соловьевъ.

20.

Петербургъ, гост. Англія, 3/15 янв. 94.

Милый другъ Николай Яковлевичъ, вчера съ курьерскимъ поѣздомъ отправилъ тебѣ послѣдніе 6 листовъ статьи. По мѣрѣ облегченія моей инфлуэнцы я начиналъ себя чувствовать въ писательскомъ настроеніи, но увы! не могъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, чтобы не опоздать. Долженъ былъ сокращать изо всѣхъ силъ и даже не успѣлъ перечесть.

Если вышла какая нибудь безлѣпица, то ты купно съ Левономъ и Трубецкимъ исправьте; при томъ знайте,—„яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево, что дерзнуто бысть мною, но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, или нѣчто излишнему винопитію погрузившу мя, написаться тако“.

Во всякомъ случаѣ взываю о тщательной корректурѣ, а одинъ экземпляръ (не для возвращенія, ибо это задержитъ) пришли мнѣ, пожалуйста, сюда (гостинница Англія) и извѣсти о своемъ здоровьѣ, а также о здравіи и житіи двухъ вышеозначенныхъ лицъ съ семействами, равно какъ и прочихъ друзей.

О себѣ сообщу кратко, что остался, въ общемъ, весьма доволенъ своимъ заграничнымъ путешествіемъ.

Въ Парижѣ имѣлъ случай возвѣстить французамъ нѣсколько важныхъ, но горькихъ истинъ, за которыя они сначала не только не побили меня каменьями, но даже весьма привѣтствовали, но потомъ, сообразивши оныя, отмстили особеннымъ образомъ: частію замолчали, а частію—еще хуже—подмѣнили въ газетныхъ отчетахъ мою рѣчь какимъ-то безцвѣтнымъ вздоромъ, со всякими комплиментами мнѣ; но это не бѣда, ибо рѣчь, всетаки, будетъ напечатана въ подлинномъ видѣ. Здѣсь я ее совершенно буквально повторилъ въ одномъ свѣтскомъ кружкѣ въ присутствіи 2 министровъ. Пріятною неожиданностью было для меня получить чис-

тую прибыль со своей прежней французской брошюры („l'Idée russe"), а книгу („l'Eglise universelle"), кажется, можно будетъ издать новымъ переработаннымъ изданіемъ. Сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ.

Жалѣю только, что эти парижскія задержки помѣшали мнѣ остановиться въ Берлинѣ. Впрочемъ, надѣюсь весной еще поѣхать въ Швецію и Германію. Въ Москву собираюсь въ февралѣ. Будь здоровъ. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ друзьямъ.

Трубецкому хочу писать особо, но еще когда соберусь, а потому сообщи это письмо ему, Левону и кому знаешь изъ прочихъ пріятелей.

Твой Влад. Соловьевъ.

Неизданное стихотвореніе (NB. также сообщи пріятелямъ).

Въ окрестностяхъ Або.

Не позабуду я тебя,
Краса полуночнаго края,
Гдѣ, небо блѣдное любя,
Волна блѣднѣетъ голубая;
Гдѣ ночь безмѣрная зимы
Таитъ магическія чары,
Чтобъ вдругъ поднять средь бѣлой тьмы
Сіяній вѣщихъ пламень ярый.
Тамъ я скитался молчаливъ,
Тамъ Богу правды я молился,
Чтобы насилія приливъ
О камни финскіе разбился.

21.

Суббота, 12 н. 94.

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Вчера, въ пятницу, я отправилъ въ типографію рукопись посредствомъ кондуктора Залѣсскаго, которому далъ изрядно и посулилъ еще по возвращеніи, а онъ мнѣ обѣщалъ доставить въ типографію прямо съ поѣзда—слѣдовательно, въ субботу утромъ до 12 ч. (раньше разноса почты ты ее получишь). Послѣдніе листы дописываю теперь и пошлю сегодня на твое имя, такъ какъ завтра и въ понедѣльникъ типографія, вѣроятно, будетъ заперта. Но—*NB. NB.* въ посланныхъ листахъ я не успѣлъ произвести основательную чистку въ концѣ, гдѣ говорится объ аскетической практикѣ насчетъ дыханія, о постѣ и т. д. Будь добръ, если найдешь какія-нибудь нескладныя фразы, что-нибудь слишкомъ сырое и неожиданное, *измѣни это искусною рукою*, не упраздняя мысли; Левонъ въ этомъ отношеніи слишкомъ строгъ, поэтому предоставляю это тебѣ. Въ послѣднихъ листахъ все будетъ исправно и четко написано, чтобы можно было прямо верстать. Такимъ образомъ, если дѣло только за моей статьей, то 15-го, во вторникъ, все можетъ быть готово, а раньше, вслѣдствіе праздниковъ, все равно едва-ли бы поспѣли. Но второе *NB*. По полученіи завтра послѣднихъ листовъ, если вся статья покажется тебѣ недостаточно обработанною и въ общемъ производящею неблагопріятное впечатлѣніе, то въ интересахъ журнала и моихъ отложи печатаніе до января, и не пеняй на меня, такъ какъ стеченіе обстоятельствъ вышло дѣйствительно чрезвычайное и не устранимое, ибо не могъ же я отложить Канта, когда пришли его буквы въ словарѣ.

Будь здоровъ, усердно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и общимъ друзьямъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

22.

Сайма. 26 дек. 94.

О Гротъ сверхвременный, пещера созерцаній!
Увы! Не упразднилъ ты времени полетъ *).
Какъ встарь, оно—предметъ скорбей и ожиданій,
Безъ устали бѣжитъ и насъ съ собой влечетъ.

Меня, впрочемъ, кромѣ времени, влечетъ еще любовь къ тебѣ, каковою ты обусловилъ посылку моей статьи.

Любя тебя весьма,
Статью я посылаю,
Но нѣтъ ли въ ней .....,—
Ей-Богу, я не знаю.

Исправилъ все, что могъ;
Прибавилъ абзацъ новый.
Печатай! Съ нами Богъ!
И шли мнѣ листъ готовый.

Подъ сѣнью струй опять
Одинъ я поселился,
Опять.....
Я въ озеро влюбился,

о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее стихотвореніе:

Вся ты закуталась шубой пушистой,
Въ снѣ безмятежномъ, затихнувъ, лежишь;
Вѣетъ не смертью здѣсь воздухъ лучистый,
Эта прозрачная бѣлая тишь.

---

[1]) Это не означаетъ порицанія. Статью твою о времени и третью, какъ вторую, въ общемъ одобряю. Частныя возраженія сообщу при свиданіи.

Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ,
Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ.
Образъ твой тотъ-же предъ внутреннимъ окомъ,
Фея-владычица сосенъ и скалъ.

(Эка риѳма!)

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь...
Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хаоса свѣтлая дочь! [1])

Переходя къ прозѣ — я думаю, милый другъ, что я успѣю продержать корректуру исправленной статьи. Присылай ее скорѣе сюда (NB. заказнымъ): Финляндія, Иматра—Рауха, пансіонъ Альма, В. С. С.—въ двухъ экземплярахъ, одинъ для возвращенія, а другой для оставленія. Если же ты очень торопишься, то смотри въ оба за корректурой, особенно за новыми вставками, и во всякомъ случаѣ скорѣе присылай мнѣ исправленный экземпляръ для собственнаго моего употребленія.

Твоихъ домашнихъ, Левона и всѣхъ друзей сердечно привѣтствую. Трубецкому, одновременно съ симъ, посылаю длиннѣйшее письмо—запоздалый отвѣтъ на его четыре. Надѣюсь, онъ не сердится на меня ни за это молчаніе, ни за мое крайнее неодобреніе его сатирическаго опыта.

Кантъ мой благополучно оконченъ. Въ литературѣ я упоминаю о Левонѣ и о твоемъ „Времени“. Будь здоровъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. „Стихотворенія“ В. Соловьева 3 изд. стр. 86. *Прим. ред.*

23.

[1895.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ, получивъ корректуру сего-дня (пятница) въ 7 ч. вечера и немедленно исправивъ, отправлю ее тебѣ завтра (въ субботу) утромъ, какъ только встану.

Если хочешь, вторую половину статьи (для январской книги) можно озаглавить особо, напр., „Историческое воплощеніе безуслов-наго идеала“, или что-нибудь въ этомъ родѣ,—какъ ты догадываешься, дѣло будетъ идти о Христѣ (противъ Канта). Это, можетъ быть, мно-гимъ не понравится, но что дѣлать! Я не желаю, чтобы Христосъ отрекся отъ меня на страшномъ судѣ,—который при томъ не за горами.

Пожалуйста, пришли сверстанную корректуру, если не для воз-вращенія, то хоть для успокоенія насчетъ нѣкоторыхъ опечатокъ. Вездѣ, гдѣ у меня слово „того“, наборщикъ набиралъ „Бога“, вслѣд-ствіе чего вышли не только нелѣпости, но и богохульства.

Въ Москву я непремѣнно хочу пріѣхать въ декабрѣ, а пока всѣхъ сердечно привѣтствую.

Твой Влад. Соловьевъ.

Неподвижна въ инеѣ
Бѣлая поляна,
Захлебнулись линіи
Молокомъ тумана,
Вырастаетъ лилія
Въ сердцѣ одинокомъ,
И плоды усилія
Борются съ порокомъ.
Не зайти-ль средь сумерекъ
Къ блѣдной Валентинѣ?
Но который нумеръ?... Экъ!
Безголовъ я нынѣ!

Все это неправда. Никакой Валентины нѣтъ, а есть только ин-дійская нимфа „Пора—спати“, ибо уже скоро утро.

24.

[1895.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ, что же сей сонъ значитъ? Изъ письма твоего, а равно и изъ телеграммы, явствуетъ, что ты послалъ мнѣ корректуру въ среду 16-го, а вотъ суббота 19-го, а я ничего не получилъ, а если бы получилъ, то, конечно, могъ бы исправить къ понедѣльнику, а теперь на чемъ же я буду исправлять? никакихъ черновыхъ у меня не бываетъ. А печатать безъ моего исправленія *рѣшительно не дозволяю.*

Кому, куда и какъ ты послалъ корректуру? Если все сдѣлано, какъ слѣдуетъ, то въ таинственномъ исчезновеніи сей бумаги придется видѣть нарочитое указаніе судьбы, что статья не должна появиться въ ноябрской книгѣ. Согласись, что на сей разъ я ни въ чемъ не виноватъ.

Съ замѣчаніями, сообщенными въ твоемъ письмѣ, я отчасти согласенъ безусловно, отчасти juxta modum, а отчасти вовсе не согласенъ. Писать объ этомъ подробно некогда—еще Кантъ не конченъ, а нужно еще писать некрологъ А. М. Иванцова.

Рукопись К. Струбина получилъ, напишу автору на дняхъ.

Цѣлую, кланяюсь, твой Влад. Соловьевъ.

25.

[1895.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ, одновременно съ симъ отвѣтомъ на твое добрѣйшее письмо возвращаю исправленную корректуру прямо въ типографію Кушнерева (заказною бандеролью), ибо не помню точнаго адреса Ивановскаго; но ты сего послѣдняго извѣсти. Я вставилъ полстраницы въ мѣсто о снѣ въ смыслѣ твоего замѣчанія, съ которымъ совершенно согласенъ. И относительно вина сдѣлалъ маленькую поправку. Ко мнѣ пріѣзжай непремѣнно, всего лучше 12-го. Поѣздъ съ финляндской желѣзной дороги отходитъ въ 9 ч. утра (другого удобнаго нѣтъ), и послѣ краткой остановки, съ пересадкой въ Выборгѣ, ты продолжаешь путь по другой желѣзной дорогѣ до станціи Иматра, гдѣ, если ты извѣстишь заблаговременно, я тебя встрѣчу, а во всякомъ случаѣ ты найдешь лошадей къ *Альму*, въ *Раухѣ*.

Въ 5-омъ часу дня ты будешь на мѣстѣ и проведя со мною вечеръ, ночь и половину слѣдующаго дня, будешь къ $3^1/_2$ ч. доставленъ мною обратно на Иматру и раньше полуночи прибудешь въ Петербургъ. Если возвращаться въ Москву 15-го для тебя слишкомъ поздно, то пріѣзжай ко мнѣ, вмѣсто 12-го,—10-го или 11-го. Вся поѣздка туда и обратно въ III классѣ стоитъ не болѣе 6 рублей (нужно брать съ обратнымъ билетомъ—это дешевле), а въ Раухѣ ты будешь моимъ гостемъ.

Въ увѣренности скораго свиданія не пишу ничего болѣе. Передай, пожалуйста, мой усердный поклонъ Наталіи Петровнѣ и Наталіи Яковлевнѣ. Жду тебя непремѣнно.

Твой Влад. Соловьевъ.

26.

[1895.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Пожалуйста, пріѣзжай, если имѣешь какую-либо возможность. Я рѣшительно не знаю, когда еще соберусь въ Москву, а очень хотѣлось бы съ тобой повидаться и побесѣдовать. Сейчасъ только-что подписалъ февральскую статью для „Вѣстника Европы“ и дня 3—4 буду свободенъ отъ срочной работы. Пріѣзжай, голубчикъ. Если же никакъ не можешь, то распорядись, пожалуйста, отсюда или изъ Москвы, чтобы мнѣ выслали поскорѣе сюда: Иматра, Рауха, Альма, готовый листъ моей статьи, а также и всю книжку январскую. Ничего не пишу болѣе, сохраняя еще надежду на твой пріѣздъ. Будь здоровъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

Я на дняхъ видѣлъ во снѣ Левона въ дурномъ видѣ. Что̀ съ нимъ? А Трубецкой на меня сердится. Онъ это написалъ оперу Мелузину?

27.

Рауха на Саймѣ. 24 янв. 95.

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Очень жалѣю, что ты не могъ пріѣхать ко мнѣ, а также немножко досадую на тебя, что ты забылъ исполнить мою просьбу (которою не утруждалъ бы тебя, если бы зналъ точно адресъ Ивановскаго) о скорѣйшей присылкѣ мнѣ моей статьи въ окончательномъ видѣ (отдѣльнымъ листомъ или въ книжкѣ журнала— это все равно). Мнѣ это очень нужно для печатанія всей книги. Завтра я ѣду на 10 или 12 дней въ Петербургъ, а потому, если статья или книжка „Вопросовъ“ еще не выслана мнѣ сюда, то, пожалуйста, распорядись скорѣе, чтобы ихъ или ее отправили мнѣ въ Петербургъ, гостинница Англія. А еще вотъ что: если Ваши финансы еще не совсѣмъ погибли отъ несвоевременнаго выхода и разсылки книжекъ (не въ бровь, а прямо въ глазъ!), то прошу распорядиться объ отсылкѣ мнѣ гонорара за послѣднюю статью съ надлежащими вычетами (въ сентябрѣ, помнится, мнѣ для круглаго счета дали 20 р. лишнихъ; съ вычетомъ ихъ, да за „Сковороду“, останется, я думаю, рублей 50 или 55) въ Петербургъ, только не на мое имя, а на имя полковника Кузьмина-Караваева (адресъ см. ниже).

Я здѣсь пока благоденствовалъ, и морозы безъ вѣтра мнѣ нисколько не вредили, но прошлою ночью, когда было 30° при такомъ сильномъ вѣтрѣ, что стекла въ окнахъ гудѣли, я, кажется, основательно застудилъ свой геморрой въ первобытномъ здѣшнемъ заведеніи. Надѣюсь излечиться горячею ванной.

Что у Васъ въ Москвѣ? Я еще разъ видѣлъ во снѣ Левона. Цѣлуй его и всѣхъ друзей. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ. Такъ какъ ты одобряешь мои „сурьезные“ стихи, то вотъ тебѣ послѣднее изъ здѣшнихъ.

Въ Москву собираюсь въ мартѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

Мигъ.

Опять онѣ, опять томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ...
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному текутъ потоки слезъ.
Тѣ слезы не о нихъ, о нѣтъ, они вернутся,—
Мгновенья горько жаль, что сгибло на-всегда,
Его не воскресишь, и медленно плетутся
За мигомъ Вѣчности тяжелые года.
Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному текутъ потоки слезъ [1]).

---

[1]) Это стихотвореніе мы приводимъ цѣликомъ, въ виду того, что въ немъ встрѣчаются нѣкоторые, хотя и незначительные, варіанты, по сравненію съ текстомъ, напечатанномъ въ „Стихотвореніяхъ“ В. Соловьева.
Прим. ред.

28.

1 октябрь 1894.

Редакторы и друзья!
Васъ ругать намѣренъ я.
Сказалъ мнѣ Радловъ, вамъ знакомый,
Что духомъ новшества влекомый,
Ты, Гротъ, рѣшилъ Сатурна бѣгъ
Ускорить,—дерзкій человѣкъ!
Но не удастся и вдвоемъ
Ноябрь вамъ сдѣлать октябремъ.

Я клянуся сей бумагой
И чернильницею сей:
Вамъ редакторской отвагой
Не смутить души моей.
Вдохновляемый Минервой,
Отошлю статью вамъ я
Лишь тогда, какъ ляжетъ первый
Снѣгъ на финскія поля.
Съѣзжу санною дорогой
По озерамъ, по рѣкамъ,
И тогда на судъ вашъ строгій,
Лишь тогда статью отдамъ.

„На берегу пустынныхъ“ водъ
Мнѣ муза финская явилась:
Я только вѣжливъ былъ—и вотъ
Злодѣйка тройней разродилась [1]).
Иныхъ покуда нѣтъ грѣховъ,
Ничто страстей не возбуждаетъ,

---

[1]) См. ниже.

И тихій рой невинныхъ сновъ
Прозрачный сумракъ навѣваетъ.
Живу, съ заботой незнакомъ,
Безъ утомленья и усилья,
Питаюсь только молокомъ,
Какъ Педро Гомецъ, „Левъ Кастильи“ [1]).

Годится ли, или негодно—
Кто для меня теперь рѣшитъ?
Хоть Сайма очень многоводна,
Но про свое лишь говоритъ.
Кругомъ собаки, овцы, крысы—
Не вижу судей никакихъ,
Чухонцы, правда, бѣлобрысы,
Но имъ невнятенъ русскій стихъ.
Пишу. Глядятъ въ окошки ели,
Морозецъ серебритъ пути...
Стихи однако надоѣли,
Пора и къ прозѣ перейти.

Что у Васъ дѣлается? Какъ твои дѣла, Левушки? Что Коля? Я на дняхъ видѣлъ во снѣ и Михаила Николаевича—очень грустно.

Пишите, пожалуйста; я совершенно отдѣленъ отъ міра и даже не читаю газетъ.

Живу я на озерѣ Саймѣ, около деревни (хутора) Тіуринньями, въ мѣстности, называемой Кайсараранта, т. е. Царскій берегъ. А писать и телеграфировать нужно такъ: Иматра, Рауха, пансіонъ Альма, В. С. С.

До свиданья, милые друзья,—до января, вѣроятно. Люблю Васъ и на разстояніи. Кланяйтесь отъ меня своимъ домашнимъ, также Трубецкому и всѣмъ общимъ друзьямъ, которымъ можете показать сіи посланія.

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Слѣдуютъ стих. „Монрепо“, помѣч. 26 сент. Выборгъ, и „Колдунъ. Камень“, помѣч. 27 сент. Выборгъ, „Сайма“, помѣч. 3 окт. Сайма. См. „Стихотворенія“ Соловьева. *Прим. ред.*

29.

[1895.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Только сейчасъ доставлено мнѣ твое письмо отъ 8-го сентября. Статья моя послана заказнымъ 3-го сентября—ровно 10 дней тому назадъ, въ типографію Кушнерева. Неужели пропала? Въ такомъ случаѣ телеграфируй. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что тебѣ некогда было справиться. Если она получена своевременно, то распорядись, пожалуйста, чтобы мнѣ поскорѣе прислали корректуру въ гостинницу Англію, Петербургъ. Считая твое прежнее рѣшеніе окончательнымъ, я (пассивно) одобрялъ переходъ журнала въ Петербургъ, но, разумѣется, самое лучшее, чтобы ты остался. Истинно буду радъ, если уладится, какъ пишешь. Статьи на 1896 г. рѣшительно обѣщаю.

Для увеселенія твоего грустнаго сердца вотъ два моихъ нарочито декадентскихъ стихотворенія:

I.

Горизонты вертикальные и т. д.

II.

На небесахъ горятъ паникадила и т. д. [1]).

До свиданья въ октябрѣ или ноябрѣ. Очень кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ твоимъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. „Стихотворенія“ Соловьева, 3-ье изд., стр. 211 и 213. *Прим. ред.*

30.

[1896.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Посылаю тебѣ очень содержательную и ученую статью о каббалистической философіи. Авторъ ея баронъ Давидъ Гинцбургъ (сынъ извѣстнаго банкира)—одинъ изъ любимыхъ учениковъ академика барона Розена, который ручается за него, какъ за солиднаго оріенталиста и знатока этихъ вещей. Я думаю, для спеціальнаго отдѣла „Вопросовъ“ эта статья очень желательна,—насколько помню, у васъ до сихъ поръ ничего не было по еврейской философіи.

Пожалуйста, извѣсти меня скорѣй о вашемъ рѣшеніи на сей счетъ. Относительно русскаго языка статьи—если вамъ некогда—я берусь его погладить въ корректурѣ. Очень меня обяжете скорѣйшимъ напечатаніемъ этой статьи, а къ началу марта я пришлю свою собственную,

Дѣла всякаго по горло.

Если увидишь Трубецкого, поблагодари его отъ меня за греческое письмо и скажи, что отвѣчу при первомъ досугѣ.

Сердечно кланяюсь твоимъ, Левона и всѣхъ цѣлую.

Твой Владиміръ Соловьевъ.

31.

[1896.]

Прошу, милый другъ Николай Яковлевичъ, сейчасъ же отдать это въ наборъ и прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, первую корректуру (гранки) въ *2-хъ экземплярахъ*. Мнѣ это необходимо, чтобы не задержать печатаніе книги.

До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

NB. Непремѣнно помѣстите въ майской книгѣ *Каббалу*, иначе не разсчитывайте на мое сотрудничество. Ultimatum.

32.

[1896.]

Милый другъ!

Эту записку тебѣ передастъ мой добрый знакомый Петръ Трофимовичъ Дехтеревъ (изъ старообрядцевъ): онъ интересуется очень философскими вопросами и хотѣлъ бы съ тобой посовѣтоваться.

Твой Влад. Соловьевъ.

33.

[1896.]

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Присланная тобой рукопись есть переводъ одного изъ сочиненій Эммануила Сведенборга, именно „О любви и мудрости“. Для читателей, незнакомыхъ съ основными воззрѣніями и терминологіей Сведенборга, это произведеніе темно и неинтересно.

Возвращу рукопись при свиданіи, равно какъ и свой долгъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

34.

16 окт. 96. Петерб., гост. Англія.

Милый другъ

Николай Яковлевичъ!

Я писалъ Айхенвальду, какъ автору рецензіи, и Трубецкому, какъ „очередному“ редактору, а отвѣчаютъ мнѣ Гротъ и Лопатинъ, *не читавшіе* моихъ писемъ. Неудивительно поэтому, что объясненія этихъ двухъ любезныхъ, но опрометчивыхъ лицъ имѣютъ во всякомъ случаѣ тотъ недостатокъ, что вовсе не относятся къ дѣлу. А дѣло заключается *единственно* въ томъ, что на книжкѣ „Афоризмы“ и проч. стоитъ мое имя какъ редактора, несущаго литературную отвѣтственность, такъ что всѣ отзывы объ изданіи относятся именно ко мнѣ, а потому появленіе насмѣшливаго отзыва въ философскомъ журналѣ (при томъ отзыва, писаннаго секретаремъ редакціи), оскорбительнаго для меня, несовмѣстимо съ моимъ сотрудничествомъ въ этомъ журналѣ. Самая элементарная учтивость требовала освѣдомиться заранѣе о моемъ отношеніи къ дѣлу, а мое пребываніе въ Москвѣ и почти ежедневныя посѣщенія редакціи представляли для этого особенныя удобства. О чувствахъ и намѣреніяхъ я ничего не говорилъ и не говорю, дѣло идетъ о *фактѣ*, несовмѣстимомъ съ моимъ участіемъ въ журналѣ. Какъ я уже писалъ Трубецкому, если бы вы мнѣ совершенно нечаянно подбили глазъ, то самая безспорная ваша невинность не отнимала бы у меня права и обязанности позаботиться о своемъ глазѣ и ради этого удалиться изъ района вашихъ тѣлодвиженій.

Теперь уже рѣшайте сами, что для васъ желательнѣе: сохраненіе рецензіи, или сохраненіе моего сотрудничества,—я на этотъ счетъ не могу имѣть никакого мнѣнія. Я вовсе не хотѣлъ бы подвергать васъ серьезнымъ матеріальнымъ затрудненіямъ, но, какъ

я знаю по недавнимъ аналогичнымъ случаямъ, вырѣзать 4 страницы есть дѣло гораздо менѣе сложное и продолжительное для типографіи, чѣмъ могло бы показаться. При вашей методѣ выпуска книжекъ одинъ лишній день не составитъ замѣтной разницы. Если же вы несогласны со мной по существу, то у васъ есть легкій способъ доказать мою неправоту и заставить меня взять назадъ мое требованіе: укажите мнѣ (за исключеніемъ „Сѣвернаго Вѣстника“, извѣстнаго своими аномаліями) другой какой-нибудь журналъ— русскій или европейскій, который печаталъ на своихъ страницахъ насмѣшливые редакціонные отзывы объ изданіяхъ своихъ собственныхъ постоянныхъ сотрудниковъ. А пока я остаюсь при своемъ рѣшеніи и принялъ мѣры, обусловливающія правильное его исполненіе—возвращеніемъ взятаго мною аванса.

Затѣмъ, независимо отъ сего, искренно тебя любящій

Влад. Соловьевъ.

35.

11 мая 97.

Милый другъ

Николай Яковлевичъ!

Вотъ тебѣ отчасти касающееся психической энергіи „воскресное письмо“.—Стасюлевичъ сразу согласился на твою статью, говоря: „лишь бы было понятно“, въ чемъ я его успокоилъ.

Пожалуйста, поторопись корректурой моей полемической замѣтки, мнѣ нужно ее нѣсколько дополнить. Кланяюсь и цѣлую.

Твой Влад. Соловьевъ.

Письма къ М. М. Стасюлевичу.

1.

11 сент. 91. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Не думайте, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, что прилагаемое есть та рукопись, о которой я телеграфировалъ; она послѣдуетъ завтра, но также Васъ удивитъ, ибо вмѣсто „Идоловъ и идеаловъ“, Вы получите статью о народной бѣдѣ и общественной помощи. Ее нужно непремѣнно напечатать въ октябрской книгѣ. Она заключаетъ въ себѣ общую программу, или, лучше сказать, руководящую мысль, нѣкоторыхъ мною задуманныхъ и отчасти осуществленныхъ предпріятій, о чемъ поговоримъ, когда пріѣду въ Петербургъ, а можетъ-быть и раньше услышите (NB. предпріятія самыя благонамѣренныя).

Я, къ сожалѣнію, долженъ былъ по семейнымъ дѣламъ уѣхать какъ разъ передъ Вашимъ пріѣздомъ, но не сижу здѣсь праздно. Въ Петербургъ вернусь во второй половинѣ октября, съѣздивши предварительно въ Кіевъ.

Надѣюсь, что Вы вернулись въ добромъ здоровьѣ и не лишились его въ Петербургѣ. Я здоровъ изрядно.

Неизмѣнно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

2.

10 окт. 91. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ!

Послѣднее письмо Ваше—съ неоправдавшимися цензурными опасеніями, а также и предыдущее—съ имѣющимъ оправдаться предположеніемъ о моемъ опозданіи, получилъ; равнымъ образомъ редакціонный оттискъ моей статьи и, наконецъ, пересланное мнѣ письмо невѣдомаго приверженца, весьма одобряющаго мой артикулъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

А что моя „Неопалимая купина“? Если Вы только отложили ее по редакціоннымъ соображеніямъ, то нельзя-ли отложить и долѣе до моего пріѣзда? Если же почему-либо находите вообще неудобною, то извѣстите, дабы я могъ распорядиться иначе. Если же, наконецъ, она печатается въ ноябрской книгѣ, то нельзя-ли просмотрѣть корректуру для нѣкоторыхъ измѣненій?—А „Идолы“ необходимо отложить на декабрь по соображеніямъ высшей политики.

Въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца (т. е. не декабря, а октября),—значитъ, менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли,—выѣзжаю въ Петербургъ непремѣнно, ибо dictionnaire oblige. Да и хочется повидаться съ Вами и со всѣми невскими скептиками.

Будьте здоровы. Сердечно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и общимъ друзьямъ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Константину Константиновичу Арсеньеву пишу на-дняхъ.

3.

[1891. Помѣтка М. М. Стасюлевича.]

Вотъ и моя зуботычина Страхову, многоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ. Я извѣстилъ редакцію „Новаго Времени“ (которая получила рукопись раньше), что послѣднимъ срокомъ напечатанія считаю 16-ое октября. Затѣмъ, поступайте по усмотрѣнію и по дружбѣ ко мнѣ, принимая во вниманіе, что напечатаніе этого отвѣта для меня очень нужно.

Извинитесь, пожалуйста, за меня передъ барономъ Гинцбургомъ въ томъ, что медлю отвѣчать, вслѣдствіе крайняго недосуга.

Выѣзжаю изъ Москвы самое позднее 18-го октября.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

4.

[1892.]

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Не отвѣчалъ до сихъ поръ на Ваше милое, хотя и неутѣшительное, письмо потому, что собирался посрамить необъяснимый скептицизмъ нашихъ пріятелей, но увы!—вмѣсто того, приходится дать оному блистательное оправданіе, ибо, очевидно, что на пятой недѣлѣ меня въ Петербургѣ не будетъ.

Что Вашъ глазъ? О томъ, что Вы не больны эти дни, заключаю изъ газетнаго упоминанія Вашего имени въ числѣ провожавшихъ покойнаго М. И. Семевскаго.

А у меня симпатическій нервъ ежедневно оказываетъ свое антипатичное дѣйствіе. Утѣшаюсь мыслію, что такое усиленное очищеніе, можетъ быть, заранѣе готовитъ изъ моего тѣла нетлѣнныя мощи взамѣнъ тѣхъ, которыя будутъ сглоданы собаками въ осиновой рощѣ [1]).

Будьте здоровы. Все-таки до свиданія.

Сердечно кланяюсь Любовь Исааковнѣ. Барону написалъ тогда же нѣсколько словъ. Привѣтствую весь понедѣльникъ [2]).

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Намекъ на неизданное стихотвореніе, начинающееся словами „Святитель во фракѣ“. *Прим. ред.*

[2]) Собраніе у М. М. Стасюлевича. [*Прим. М. М. Стасюлевича.*]

5.

12 сент. 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Не боюся я холеры,
Ибо приняты всѣ мѣры,
Чтобъ отъ этого недуга
Сберeглась сія округа.
Но болѣзнію любовной [1])
Я страдаю безусловно,
И не вижу „сильной власти“
Противъ сей зловредной страсти.
Мой микробъ—большого роста,
И хоть я не слишкомъ простъ, а
Передъ нимъ умомъ слабѣю
И лишь млѣю, млѣю, млѣю.
Въ діагнозѣ нѣтъ сомнѣнья,
Нѣтъ въ прогнозѣ утѣшенья:
Неизбѣжный и печальный
Ждетъ меня исходъ летальный [2]).

Тѣмъ не менѣе по порученію Трубецкаго, прошу Васъ прислать ему корректуру его статьи (если можно въ гранкахъ, а то въ листахъ), по слѣдующему адресу: Москва, Знаменка, домъ Бутурлиной, Е. С. князю Петру Николаевичу Трубецкому, для передачи кн. Серг. Ник. Трубецкому.

Если успѣю къ 20-му сего мѣсяца, то пришлю Вамъ для

---

[1]) En tout bien tout honneur, honni soit qui mal y pense.
В. Сол.

[2]) Отъ греческаго „λῃθος“ или отъ русскаго „летать“.
В. Сол.

октябрскаго „Литературнаго Обозрѣнія“ большую рецензію на книгу Лопатина „Положительныя задачи философіи“; если же не поспѣетъ къ октябрской,—то для слѣдующей. Къ ноябрю или, навѣрное, къ декабрю приготовлю еще что-нибудь болѣе значительное (по византійщинѣ).

Если пересылка книгъ журнала Васъ не затруднитъ, то буду очень радъ ихъ получить (съ іюльской); я ихъ только мелькомъ видѣлъ въ чужихъ домахъ.

До свиданія—въ октябрѣ этого 1892-го (по Р. Х.) года.

Душевно преданный Вамъ покойникъ

Влад. Соловьевъ.

P. S. Такъ какъ Буренинъ ругалъ меня за стихи, то чтобы показать, сколь мало мы его боимся, вотъ Вамъ стихотвореніе, которое можетъ еще, я думаю, попасть въ октябрскую книжку.

6.

[25 дек. 92. Помѣтка М. М. Стасюлевича.]

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Телеграммы мои были правдивы: и статья, и замѣтки написаны; первую храню, а вторая навѣрно Вамъ доставлена. А что онѣ не попали въ январскую книгу — это къ лучшему. Въ статьяхъ произошелъ μετάβασις εἰς ἄλλο γένος (или по-русски — вышло изъ другой оперы), а замѣтку требуется погладить.

Теперь обращаюсь къ Вамъ за совѣтомъ, зная по опыту, что даете только хорошіе. Несмотря на мой рѣшительный (при свидѣтеляхъ) отказъ отъ всякаго сотрудничества въ „Русскомъ Обозрѣніи“, мое имя продолжаютъ печатать въ спискѣ сотрудниковъ этого журнала, и эта наглость осложняется еще слѣдующимъ: какой-то полуграмотный гимназистъ (а можетъ быть, и самъ редакторъ „Русскаго Обозрѣнія“) напечаталъ въ послѣднемъ № архи-плохіе стихи на память Фета и подписалъ ихъ буквами В. С., каковыми я прежде нерѣдко подписывался. Въ связи съ этимъ присутствіемъ моего имени въ спискѣ сотрудниковъ, это можетъ вызвать нежелательный для меня qui pro quo. Итакъ, что̀ дѣлать? Протестовать печатно или наплевать? Приму Ваше мнѣніе за рѣшеніе.

Очень огорченъ Вашими дурными вѣстями. Арцимовича я хотя мало зналъ, но онъ былъ мнѣ очень симпатиченъ, а Спасовичъ для меня огромная потеря — уже *седьмая* съ прошлаго года [1]).

О себѣ я ничего достовѣрнаго не знаю. Думалъ завтра ѣхать въ Петербургъ, но, кажется, не поѣду.

Итакъ, заочно желаю Вамъ и Любовь Исааковнѣ добраго здоровья и всего лучшаго на новый годъ. Сердечно кланяюсь общимъ друзьямъ.

Посылаю Вамъ два стихотворенія, а прозу въ началѣ января доставлю самъ или пришлю.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) В. Д. Спасовичъ получилъ первый ударъ. *Прим. ред.*

7.

Динаръ. 9 окт. 1893.

Не думайте, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, что моя торжественно возвѣщенная телеграфомъ „проза“ состоитъ только изъ этого краткаго посланія. Она еще впереди. Впрочемъ, и она имѣетъ форму корреспонденціи, а потому можетъ весьма удобно помѣститься въ отдѣлѣ ноябрской книги послѣ хроники. Какъ я былъ пріятно удивленъ, получивши октябрскую книгу въ Динарѣ днемъ раньше ея выхода въ Петербургѣ. Отправляю свою статью 15-го или 16-го, а 17-го мы покидаемъ Динаръ. Я имъ очень доволенъ со стороны климата, красивыхъ видовъ и спокойной жизни. Но все хвораю, хотя веду себя примѣрно: не объѣдаюсь, какъ въ Булони, и пью только сидръ. Отсюда я ѣду „прямо, прямо на Востокъ“: Шартръ, Парижъ, Берлинъ, Петербургъ. Болѣе прямо, чѣмъ поспѣшно, но между 10-ымъ и 15-ымъ декабря непремѣнно надѣюсь Васъ обнять. А Лондонъ, какъ видите, я благоразумно отложилъ до слѣдующей заграничной поѣздки. Все равно не успѣлъ бы какъ слѣдуетъ пустить корни въ Британскомъ музеѣ и только раздразнилъ бы свои книжные аппетиты. А все самое нужное можно найти и въ Берлинѣ, гдѣ у меня уже есть нѣсколько заочныхъ знакомыхъ въ университетѣ. Къ тому же я знаю, что̀ такое Лондонъ зимой съ продувными каминами. А въ Берлинѣ и печки есть, да и жизнь вдвое дешевле. Для зимнихъ книжекъ „Вѣстника Европы“ имѣю въ виду нѣчто болѣе близкое, чѣмъ „Магометъ“, который болѣе соотвѣтствуетъ лѣтнему сезону; а отъ лежанья онъ не испортится—совсѣмъ напротивъ. Съ удовольствіемъ помышляю, что моего странствованія осталось уже меньше половины. Хорошо уѣхать, но хорошо и пріѣхать. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ, добрымъ сосѣдямъ и всѣмъ общимъ пріятелямъ. К. К. Арсеньеву и А. Н. Пыпину писалъ вчера. Будьте здоровы и не поминайте лихомъ

истинно Вамъ преданнаго

Влад. Соловьева.

8.

26 окт. (7 ноября) 93 г.

Mardi, veille de l'octave des tous saints.

День присутственный.

Dinard, Hôtel des Bains.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, уже изъ письма, сопровождавшаго статью, Вы могли замѣтить, что я самъ въ послѣднюю минуту усомнился въ ея пригодности; а потому, если теперь не встрѣтите съ моей стороны ни возраженій, ни выраженій неудовольствія, то припишите это не столько моей скрытности, сколько искреннему одобренію Вашего рѣшенія. Досадно мнѣ только, какъ и Вамъ, что не удалось ничего помѣстить въ ноябрскую книжку. Какъ бы сдѣлать съ декабрской? Ума не приложу. Статья (или статьи), приготовляемая мною: „Два міросозерцанія“ (продолженіе „историческаго сфинкса“—о вѣротерпимости), требуетъ для своей солидности нѣсколькихъ русскихъ книгъ, которыхъ я здѣсь не достану, да и во всякомъ случаѣ она въ надлежащемъ видѣ къ декабрю не поспѣетъ. Уже написанный и находящійся при мнѣ „Магометъ“ требуетъ переработки, и безъ одобренія спеціалиста, барона Розена, я его печатать не рѣшусь. Если нынѣшній опытъ показалъ намъ, что даже о текущихъ уличныхъ происшествіяхъ нельзя писать съ торопливостью, то кольми паче пагубно было бы безпечное борзописаніе въ разсужденіи временъ отдаленныхъ!

Остается одно: изъ Парижа, гдѣ мои политическія впечатлѣнія не будутъ опредѣляться однѣми газетами, написать Вамъ о томъ же предметѣ (франко-русскомъ союзѣ), но въ другой формѣ, безо всякихъ масокъ. Если и вторично почему нибудь не удастся, я не буду сердиться и на вторичное непомѣщеніе, а приму его за знакъ,

что ощущаемая мною потребность сказать нѣчто объ этомъ предметѣ меня обманываетъ, и что мнѣ лучше о немъ умолчать, какъ въ одной комедіи Кузьмы Пруткова есть слѣдующій діалогъ:

Генеральша Разорваки. И снилось мнѣ, будто къ самой серединѣ...

Миловидовъ (перебивая ее). Чувствуя къ вамъ съ нѣкоторыхъ поръ должное уваженіе, отъ имени всего общества прошу васъ объ этомъ снѣ умолчать.

Генеральша Разорваки подчинилась этому требованію, такъ-же поступлю и я, если Вы меня еще разъ попросите о франко-русскомъ снѣ умолчать.

О бренномъ существованіи своемъ (которое скоро сдѣлается прозябаніемъ, ибо дуетъ нордъ) не могу сказать ничего хорошаго. Зеркало и гребень даютъ зловѣщія показанія: —

Цвѣтъ лица геморроидный,
Волосъ падаетъ сѣдой,
И грозитъ мнѣ рокъ обидный
Преждевременной бѣдой.
Я на все, судьба, согласенъ,
Только плѣшью не дари:
Голый черепъ, ахъ! ужасенъ,
Что ты тамъ ни говори.
Знаю, безволосыхъ много
Межъ святыхъ отцовъ у насъ;
Но вѣдь мнѣ не та дорога:
Въ дѣлѣ святости я—пассъ.
Преимуществомъ фальшивымъ
Не хочу я щеголять
И къ главамъ мироточивымъ
Грѣшный черепъ причислять.

Поправка.

Ахъ! забылъ я, за святыми
Боборыкина забылъ!
Позабылъ, что голъ, какъ вымя,
Черепъ оный вѣчно былъ.

Впрочемъ, этимъ фактомъ тоже
Обнадеженъ я,—ибо
Если не святой я Божій,
То вѣдь и не Пьеръ Бобо?

Такъ какъ эти стихи, несмотря на удачное сравненіе: „голъ, какъ вымя“, не могутъ быть помѣщены въ „Вѣстникѣ Европы“, то прилагаю другіе, имѣющіе два достоинства: 1) краткость, 2) и то, что они послѣдніе изъ этой, заграничной, серіи; а дальше, вѣроятно, не до стиховъ будетъ, лишь бы совсѣмъ стихнуть не пришлось.

Я писалъ, что остаюсь здѣсь не до 30-го октября, какъ Вамъ показалось, а до 3-го ноября; въ дѣйствительности же остаюсь до 7-го.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и всѣмъ друзьямъ.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

9.

Hôtel des Bains, Dinard. 27 окт. 93.

Только что отправилъ Вамъ, дорогой и многочтимый Михаилъ Матвѣевичъ, вчерашнее длинное письмо, какъ вдругъ меня осѣнило вдохновеніе свыше (съ низу и съ боковъ и безъ того уже продувало). Я приготовилъ къ печати книжку: „Основаніе эстетики“. Одна изъ главъ ея (разумѣется, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нигдѣ не напечатанная) кажется мнѣ весьма способной къ легкому превращенію въ отдѣльную статью. Ее очень удобно связать съ недавними эстетическими толками (Волконскій, Боборыкинъ и т. д.); къ тому же въ ней есть нѣчто спеціально пріятное для нашего пріятеля А. Н. Пыпина, именно нѣкоторое заступничество за Чернышевскаго противъ Боборыкина, который недавно боборыкнулъ покойнаго въ нашемъ московскомъ философскомъ журналѣ. Разумѣется, объ этой поздней распрѣ мнѣ приходится говорить только мимоходомъ, но всетаки я желалъ бы пересмотрѣть трактатъ Чернышевскаго. Inde praeces: поручите, пожалуйста, Хомяковскому выслать мнѣ сюда подъ заказной (непремѣнно) бандеролью (въ счетъ нашихъ съ нимъ счетовъ) вышедшій не такъ давно томъ сочиненій Чернышевскаго, гдѣ находится диссертація: „Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“. Я уѣзжаю отсюда только 7-го ноября, и слѣдовательно, если Вы распорядитесь со свойственною Вамъ почти суворовскою быстротою, то я получу книгу еще здѣсь 5-го или 6-го (а во всякомъ случаѣ она будетъ мнѣ переслана). Пересмотръ статьи Чернышевскаго не потребуетъ болѣе сутокъ, и такимъ образомъ, 8-го или 9-го я Вамъ изъ Парижа вышлю свою статью, которая какъ разъ поспѣетъ къ концу перваго отдѣла декабрской книги. А письмо о политикѣ, если у него окажется raison d'être, будетъ само по себѣ. Еще маленькая просьба. Въ августовской, а вѣрнѣе въ сентябрской, книгѣ „Вѣстника

Европы“ былъ отчетъ объ одной новой англійской книгѣ по эстетикѣ (обзоръ или исторія эстетическихъ теорій). Спросите, пожалуйста, у Л. З. Слонимскаго имя автора и точное заглавіе книги и сообщите въ ближайшемъ письмѣ, очень обяжете. Хомяковскому прошу передать, что оригиналъ моей книги для типографіи вышлю на его имя изъ Парижа или Берлина съ соотвѣтствующими инструкціями. Передайте, пожалуйста, мой сердечный поклонъ Любовь Исааковнѣ и всему понедѣльнику, во время коего, по моему разсчету, придетъ сіе письмо.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

*

10.

Paris, le 25 Nov. (6 Dec.) 93.

Très cher et vénéré patron, навѣрное Вы меня многократно и многообразно бранили со времени послѣдняго письма за неаккуратность и опозданіе. Чтобы доказать Вамъ, что и я не всегда опаздываю, посылаю Вамъ стихотвореніе *на новый годъ*. Поспѣли моя статейка о Чернышевскомъ и эстетикѣ къ декабрской хроникѣ? Боюсь, что нѣтъ. Въ такомъ случаѣ пришлите мнѣ гранки (2 экз.),—ее можно будетъ украсить. Здѣсь въ Парижѣ я имѣю кое-какія намѣренія, о которыхъ не пишу заранѣе по суевѣрію—чтобы не сглазить. Вчера былъ на лекціи Брюнетьера въ Сорбоннѣ о Боссюэтѣ. На дняхъ отправляюсь въ парламентъ. Познакомился съ депутатомъ новаго рода — аббатомъ-соціалистомъ Лемиромъ. Приходилъ ко мнѣ Водовозовъ (пасынокъ В. И. Семевскаго) и принесъ статью о католическомъ соціализмѣ, которая, я думаю, будетъ не лишняя для „Вѣстника Европы“. Онъ пишетъ основательно,—я читалъ кое-что прежде имъ напечатанное въ „Русской Мысли“; вообще дѣльный и симпатичный молодой человѣкъ. NB. Сейчасъ принесли Ваше письмо, въ которомъ оправдались мои опасанія. Теперь нѣтъ резона печатать статью въ хроникѣ,—она можетъ даже и въ настоящемъ своемъ видѣ идти въ первомъ отдѣлѣ. А можетъ быть, я и успѣю еще распространить. Во всякомъ случаѣ пришлите гранки.

Много разъ вспоминалъ Ваши слова, сказанныя въ Булони, о французахъ: дѣти, совершенныя дѣти! Это я повторяю, когда бываю въ хорошемъ расположеніи духа, а въ дурномъ говорю словами фонъ-Визина: французъ разума не имѣетъ и имѣть оный почелъ бы для себя несчастьемъ. Будьте здоровы, Вы и Любовь Исааковна.

Преданный
Влад. Соловьевъ.

11.

2/14 Дек. 93. Парижъ.

Во исполненіе Вашего требованія, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, вотъ Вамъ два слова, чтобы сказать, что я не былъ въ палатѣ въ субботу, но что мое знакомство съ аббатомъ Лемиромъ можетъ продолжаться пока, такъ какъ онъ не убитъ, а только раненъ, хотя довольно серьезно и можетъ быть опасно. Прочіе отдѣлались пустяками, кромѣ самого преступника, которому попало въ переносицу и которому, сверхъ того, предстоитъ ампутація головы. Впрочемъ, обо всемъ этомъ извѣстили и извѣстятъ газеты.

Присланный Вами печатный кусочекъ принимаю къ свѣдѣнію, хотя рамку для него дѣлать при моей бродячей жизни не стоитъ.

Продолжаю быть увѣреннымъ въ своемъ возвращеніи къ 15-му декабря ст. ст. сего 1893-го г. по Р. Х. Сердечно привѣтствую Васъ, Любовь Исааковну и всѣхъ.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

12.

Понедѣльникъ, 6, 18 Дек. 93. Парижъ.

Не успѣю, не успѣю, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, какъ слѣдуетъ, распространить статью, а потому оставимъ ее, какъ есть, исправивъ лишь мелкіе грѣхи. Я телеграфировалъ Вамъ опечатки на всякій случай, ради возможныхъ, хотя и маловѣроятныхъ, почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ случайностей.— А „détails“, о которыхъ упомянулъ въ телеграммѣ, относятся не къ статьѣ, а къ другому, и я лучше сообщу ихъ устно. Теперь уже скоро; передайте, пожалуйста, барону, что я сдѣлалъ въ Парижѣ нѣчто ему пріятное.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ.

Истинно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

13.

[1894. Помѣтка М. М. Стасюлевича.]

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Спасибо за милое четверостишіе. Что же касается дѣла, у мирового судьи, то вотъ мое оправданіе. Если бы я прощался въ воскресенье, то остался бы до понедѣльника, а потомъ до вторника, среды и т. д. usque ad infinitum. Между тѣмъ присутствіе мое въ Москвѣ было предопредѣлено звѣздами (конъюнкція Сатурна и Венеры), подъ вліяніемъ которыхъ я и устремился на вокзалъ, гдѣ поручилъ своему другу, Высочайшаго двора каммергеру и „Вѣстника Европы“ новому сотруднику, Саломону отправить Вамъ прощальную и проздравительную телеграмму.

Въ вагонѣ нашелъ другого своего друга, Цертелева, ѣхавшаго изъ Лиссабона въ Тамбовъ черезъ Алжиръ и Петербургъ. Отъ него узналъ, между прочимъ, относительно сочиненій А. Толстого, что завѣщаніе въ пользу литературнаго фонда не было окончательнымъ, а по окончательному они составляли полную собственность графини, а теперь, какъ и все ея движимое имущество, переходятъ къ племянницѣ ея, С. П. Хитрово.

Передайте, пожалуйста, Александру Николаевичу [1]), что напишу ему какъ только исполню его порученіе относительно писемъ Котляревскаго, т. е. на дняхъ. Ему, а также барону и Владиміру Даниловичу, прошу передать мое оправданіе въ побѣгѣ.

Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Византійскіе очерки обдумываю.

---

[1]) Пыпину. *Прим. ред.*
[2]) Спасовичу. *Прим. ред.*

14.

[Гомбургъ, 26/8 іюля 1894 г. Помѣтка М. М. Стасюлевича.]

Спасибо за вѣсточку, дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Не зная степени Вашего благополучія, не могу сравнивать съ нимъ свое собственное. Полагаю однако, что Ваше мѣстопребываніе имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ казармами кадроваго батальона лейбъ-гвардіи резервнаго полка, гдѣ я поселился послѣ Вашего отъѣзда и, вѣроятно, проведу все лѣто. Впрочемъ, жаловаться мнѣ не на что: въ городѣ прохладно и влажно, и даже мухи куда-то исчезли. Можетъ быть онѣ испугались появившейся здѣсь холеры, но я никогда не чувствовалъ къ ней страха. Былъ я одинъ разъ въ Петербургѣ у Александра Николаевича и нѣсколько разъ на островахъ у разныхъ пріятелей—et voilà tout по части внѣшней жизни, а внутренности мои пришли въ порядокъ. Какъ Ваши? По части политики Вы, конечно, замѣтили великолѣпную рѣчь министра финансовъ въ Архангельскѣ: „усмирено буйство умовъ человѣческихъ и водворенъ всемірный покой“. Въ слѣдующей рѣчи онъ уже прямо начнетъ: „Оставимъ астрономамъ доказывать“...

Сегодня, какъ и въ прошлую среду, былъ на Галерной. All right. Пыпинъ и Слонимскій искали оригиналовъ для августовской книги и, убѣдившись, что Вы уже сдали ихъ всѣ въ типографію, выражали удивленіе Вашей суворовской распорядительности.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Жемчужникова изъ Тамбовской губерніи; пишетъ, между прочимъ, что въ цѣлый мѣсяцъ гулялъ всего два раза—хотя здоровъ, но такая скверная погода,—что меня утѣшаетъ въ моемъ петербургскомъ сидѣніи. Будьте здоровы, усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и барону (онъ вѣдь съ Вами)?

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

15.

18 января 1895 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ,

Если Вы усмотрите на сей бумагѣ водяные слѣды, не думайте, что это слезы по неудавшемся предпріятіи двухъ Константиновичей,—нѣтъ, это просто потому, что я сейчасъ гулялъ и съ моихъ усовъ падаютъ капли тающаго снѣга. Хотя мнѣ, конечно, и жаль—не самаго предпріятія, а того, что туда попалъ наиболѣе почтенный изъ Константиновичей.

Если одинъ молодой литераторъ и Вашъ будущій сотрудникъ не надулъ меня самымъ злодѣйскимъ образомъ, то въ настоящую минуту—вторникъ, 17-го января, безъ 5 минутъ полдень—послѣдніе листы моей статьи: „Принципъ наказанія съ нравственной точки зрѣнія“ должны уже находиться въ типографіи. Начало было послано Вамъ въ субботу, а середина—въ типографію, въ воскресенье. Пожалуйста, по полученіи первой корректуры, пришлите мнѣ сюда одинъ экземпляръ подъ заказною бандеролью,—разумѣется, для собственнаго употребленія.

На сей разъ Вы не можете ничего имѣть противъ моего прежде-временнаго обладанія означенною бумагою, ибо злоупотребить ею въ моемъ уединеніи я могъ бы только самымъ приватнымъ образомъ, но и сего не бойтесь,—я слишкомъ испорченъ цивилизаціею Европы вообще и геморроемъ въ частности. Съ другой стороны, нимфа озера Сайма едва-ли интересуется принципомъ наказанія,—водяной дѣдушка хотя и сѣчетъ ее подчасъ, но безъ всякаго принципа.

Итакъ, пожалуйста, пришлите корректуру скорѣе,—очень нужно. Прилагаю еще стихотвореніе—для марта (или 1-го апрѣля), спеціально одобренное вышеупомянутымъ молодымъ литераторомъ и критикомъ.

Я по-прежнему полагаю ѣхать отсюда 25-го января стараго стиля сего 1895-го года по Рождествѣ Христовѣ.

Какъ здоровье Любовь Исааковны? Усердно ей кланяюсь. Барону пишу завтра. Александру Николаевичу вмѣстѣ съ моимъ сердечнымъ поклономъ передайте, пожалуйста, что я получилъ особаго рода телеграмму отъ его зятя, которая доставила мнѣ немалое увеселеніе, но я до сихъ поръ тщетно жду юмористическаго настроенія, чтобы отвѣтить въ томъ же тонѣ. Кланяюсь сердечно Людвигу Зиновьевичу и благодарю за поздравленіе—отвѣтить имъ тѣмъ же было уже поздно. Будьте здоровы и не поминайте лихомъ

преданнаго Вамъ Влад. Соловьева.

16.

20 января 1895 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ,

Вотъ читанная Вамъ замѣтка Радлова для второго отдѣла февральской книжки. Я ее исправилъ согласно Вашимъ замѣчаніямъ. Съ моею рукописью, надѣюсь, all right. Когда Вы ставили Вашъ роковой вопросъ на моей телеграммѣ, послѣдніе листы подъѣзжали къ Выборгу въ карманѣ моего пріятеля Котляревскаго, который клятвенно обѣщался самолично (а не символично) доставить ихъ на другое утро (вторникъ) въ типографію. Если обманулъ, тѣмъ хуже для насъ всѣхъ. Впрочемъ, я былъ бы не очень огорченъ, если бы эту статью пришлось отложить на мартъ: кой-что нужно бы прибавить, а кой-чего отбавить. Это послѣднее, впрочемъ, Вы еще можете сдѣлать сами съ успѣхомъ.

A propos: Вы знаете, что Ваши цензурныя и редакціонныя поправки пользуются всѣми моими симпатіями. Тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ обратить Ваше просвѣщенное вниманіе на слѣдующіе случайно случающіеся случаи (дѣйствительно случившійся примѣръ покажу при свиданіи). Иногда поправка, сама по себѣ превосходная, не вяжется съ чѣмъ-нибудь предыдущимъ или послѣдующимъ; когда дѣлается поправка, этого не видно, такъ какъ вся забота сосредоточена на одной опредѣленной фразѣ или словѣ, а потомъ при чтеніи послѣдней корректуры несоотвѣтствіе тоже ускользаетъ, такъ какъ вниманіе болѣе обращено на опечатки, чѣмъ на знакомое уже содержаніе. И только свѣжій глазъ читателя, или мнительный глазъ автора открываютъ бѣду, когда уже поздно.

А иногда несчастія происходятъ отъ гордости. Такъ случилось, напр., съ измѣненіемъ *заглавія* одного стихотвореньица. Авторъ поставилъ „Сумерки“, а редакторъ, подъ вліяніемъ гордости, подумалъ: „Фу! даже озаглавить собственныхъ стиховъ не умѣетъ, какъ слѣдуетъ!“ и приписалъ: „на Иматрѣ“. А между тѣмъ дѣло

было *на весьма большомъ разстояніи* и притомъ отъ *другого* водопада; и какъ можно было бы сказать: „шумъ *далекій* водопада“? если бы это было на Иматрѣ, шумъ былъ бы самый *близкій*—прямо въ уши.

Спѣшу, впрочемъ, замѣтить, что сегодня на термометрѣ —26°, а потому, быть можетъ, упрекая Васъ въ гордости, я просто смерозилъ.

А вотъ еще пустякъ совершеннѣйшій, но который нужно исправить. Дѣло въ маленькой опечаткѣ относительно символовъ. Я отмѣтилъ, что они вмѣсто chef-d'oeuvre пишутъ schef-d'oeuvre; но типографія отъ себя уже усугубила ихъ ошибку, заставивъ ихъ писать cschef-d'oeuvre. Хотя разница невелика, но все-таки они могутъ придраться и жаловаться, что я имъ приписываю небывалыя ошибки. Возможно, что и съ ихъ стороны это только опечатка, но во всякомъ случаѣ неудобно погрѣшать въ указаніи погрѣшности. Поэтому нельзя-ли гдѣ нибудь на пустомъ мѣстѣ въ концѣ февральской книгѣ напечатать прилагаемую поправку.

До скораго свиданія. Срокъ моего отъѣзда не измѣненъ. Усердно кланяюсь Любовь Исаковнѣ и общимъ пріятелямъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Поправка.

Въ январскомъ № „Вѣстника Европы“, въ библіографической замѣткѣ, на страницѣ 424, строки 14 и 15 сверху, напечатано cshefs-'doenvres (?!); слѣдуетъ: schfs-d'oeuvres (?!).

17.

[1895 г.]

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ.

Изъ посланныхъ Вамъ передъ новымъ годомъ трехъ стихотвореній второе (озаглавленное „Сумерки“) требуетъ поправокъ во второмъ и третьемъ куплетѣ; для краткости прилагаю его цѣликомъ въ исправленномъ видѣ; надѣюсь, еще не поздно, а если поздно, то Богъ проститъ. При семъ еще два новыя стихотворенія, которыя Вы, конечно, отложите на мартъ (если не отложите совсѣмъ). Проза моя пишется; часть отправлю, вѣроятно, завтра, а остальное 14-го—мѣсяцъ длинный и безъ праздниковъ. Для второго отдѣла у меня не будетъ ничего, но пришлю на дняхъ извѣстную Вамъ и мною по Вашимъ указаніямъ передѣлываемую замѣтку Радлова о ново-юрьевской философіи. Самъ же я, какъ видите, еще не собираюсь въ Петербургъ. Здѣсь былъ на-Рождествѣ одинъ очень милый и основательный врачъ, который послѣ необыкновенно тщательнаго изслѣдованія моего бреннаго естества и чрезвычайно убѣдительной діагнозы рѣшилъ, что я могу продлить свое временное существованіе лишь подъ условіемъ жизни на чистомъ воздухѣ, безъ страстей и тревогъ. А такъ какъ я твердо намѣренъ съ помощью Божіей и Вашей типографіи напечатать прежде кончины живота еще десятка полтора толстыхъ книгъ, то продленіе дней моихъ на сей планетѣ есть для меня настоятельная необходимость. Итакъ, я буду пріѣзжать въ Петербургъ рѣдко и не-надолго.

Теперь перейдемъ къ высшей политикѣ. Вы, можетъ быть, удивитесь сначала (но не потомъ), когда узнаете, что поступокъ Казиміра Перье, заслужившій столь единодушное неодобреніе, во мнѣ, напротивъ, вызываетъ подражаніе. Конечно, не будучи прези-

дентомъ республики, я не могу и сложить съ себя этого званія. Но всякій дѣлаетъ, что можетъ. Вмѣсто сената и палаты депутатовъ, адресую свое посланіе Вамъ и торжественно объявляю о своемъ неотмѣнномъ рѣшеніи сложить съ себя званіе... „анфанъ террибля“ русской „интеллигенціи“. Кладу свою отставку на бюро Вашего кабинета. Дѣлаю это съ тѣмъ болѣе легкимъ сердцемъ, что преемникъ мнѣ въ этой болѣе почетной, нежели отвѣтственной должности не только найденъ, но уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Разумѣю не иного кого, какъ нашего достопочтеннаго пріятеля Константина Константиновича. Впрочемъ, какъ человѣкъ многосторонній, я остаюсь нечуждъ нѣкотораго совмѣстительства; уподобляясь съ одной стороны Казиміру (не-великому), я вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что буду болѣе *felix*, чѣмъ мой преемникъ, и что скорѣе мнѣ, а не ему, будутъ кричать *фора*!

Отъ Васъ, по крайней мѣрѣ, я непремѣнно ожидаю одобрительныхъ восклицаній (не за сомнительный каламбуръ, а за несомнѣнное благоразуміе). Вы догадываетесь, что вся сія аллегорія относится къ одной бумагѣ, исходящей отчасти отъ вышеназваннаго нашего пріятеля, и которую я рѣшилъ не подписывать.

А затѣмъ будьте здоровы и благополучны. Около 25-го января сего 1895-го года (по Р. Х.) все-таки, надѣюсь, увидимся. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ. Барону напишу, какъ только сплавлю Вамъ всю свою прозу для февраля.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

18.

[1895.]

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Чтобы посланное Вамъ (во вторникъ) стихотвореніе для іюнской книгѣ („Лишь только тѣнь живыхъ...“) не оставалось безъ пары, а также въ подтвержденіе своей самопародіи, посылаю еще одно—ему мѣсто рядомъ съ тѣмъ, оба меланхоличны. Если же находите, что меланхолію слѣдуетъ подносить публикѣ въ дозахъ умѣренныхъ, то отложите на іюль. Онъ уже, впрочемъ, наступилъ, если судить по температурѣ. Сегодня озеро, наконецъ, вскрылось и сейчасъ же безъ всякихъ приготовленій отразило въ себѣ великолѣпную зарю.

Во вторникъ (2-го мая) полагаю выѣхать, а въ среду наши бороды „сольются въ поцѣлуѣ“, какъ говорятъ романисты.

Извѣстный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

19.

[1895.]

Очень мнѣ совѣстно, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, что къ многочисленнымъ общеполезнымъ занятіямъ Вашимъ присоединяется еще и безполезный трудъ моего почтоваго посредника.

Тутъ есть недоразумѣніе, которому нужно положить конецъ. Дѣло въ томъ, что письма и посылки отъ лицъ, которымъ неизвѣстенъ мой собственный адресъ, представляютъ, быть можетъ, животрепещущій интересъ для отправителей, но отнюдь не для адресата, т. е. меня, съ котораго вполнѣ достаточно, чтобы эти предметы дожидались его въ вѣрномъ мѣстѣ.

Итакъ, прошу Васъ впредь складывать предназначенныя для меня отправленія въ какой-нибудь уголокъ Вашего кабинета до личнаго востребованія. Изъ письма Вашего вижу, что „стада“ Вы не хотите уступить. Итакъ, придется отослать его въ поправки.

Если посланное вчера стихотвореніе можетъ поспѣть въ майскую книгу, то, пожалуйста, сдѣлайте въ немъ слѣдующія улучшенія.—

Въ первомъ стихѣ, вмѣсто „горящихъ“, нужно „блестящихъ“. Это не важно, но вотъ четвертый стихъ самъ уже вышелъ очень не важенъ, но его можно отлично поправить: вмѣсто „Зимы упорство ночи тѣнь“—поставить: „Твердыню льда ночная тѣнь“.—

Лучей блестящихъ полкъ за полкомъ
Намъ шлетъ весенній юный день,
Но укрѣпляетъ тихомолкомъ
Твердыню льда ночная тѣнь.

Это гораздо лучше и съ грамматической, и съ звуковой, и съ образной стороны. Впрочемъ, все стихотвореніе—такъ себѣ, съ грѣхомъ пополамъ, и если названіе „Воскресшему“ покажется Вамъ слишкомъ громкимъ, то выкиньте его и замѣните звѣздочками.

Ай, ай, безъ четверти два. Скорѣй на почту.

Извѣстный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

20.

[1896.]

Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, перечитывалъ на досугѣ корректуру, нашелъ въ началѣ одну опечатку (а можетъ быть, мою описку), которую непремѣнно нужно исправить. На первой страницѣ (а въ сверстанномъ, вѣроятно, въ началѣ второй), въ концѣ второго абзаца (параграфа IX), напечатано „*божескія* почести“, а нужно „*архіерейскія* почести.“—это хотя и близко одно къ другому, но все-таки двѣ разницы, особенно въ данномъ контекстѣ. Будьте такъ добры—исправьте сами въ сверстанномъ эту ошибку, ибо я къ Вамъ сегодня вечеромъ, къ сожалѣнію, не попаду,—забылъ множество данныхъ прежде на сегодняшній вечеръ обѣщаній, которыя всѣ относятся къ противуположному краю города.

Итакъ, до завтра.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

21.

14 февр. 1896 г.

Дорогой и сердечноуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Хотя я и не думалъ убѣгать и скрываться отъ Васъ, но (или точнѣе: а потому) Ваши преслѣдованія меня искренно радуютъ какъ знакъ Вашей отеческой обо мнѣ попечительности. Къ собраннымъ Вами обо мнѣ свѣдѣніямъ имѣю прибавить немногое. Пріѣхавши въ Москву, я немедленно заболѣлъ инфлуэнцей, отъ которой и теперь не совсѣмъ поправился, хотя уже началъ выѣзжать. Болѣзнь эта имѣла два главныя послѣдствія: 1) я задержанъ въ Москвѣ до конца этой недѣли, а 2) я не успѣлъ кончить начатой мною для мартовской книжки большой и страшной статьи, которую такимъ образомъ приходится отложить до апрѣля (но не въ качествѣ poisson d'Avril, надѣюсь).

О врагодругѣ моемъ я *непремѣнно* напишу краткое поминаніе для марта, оно уже обдумано, а на бумагу положить—дѣло нѣсколькихъ часовъ; такъ какъ некрологъ можетъ быть помѣщенъ послѣ общественной хроники, то я и не тороплюсь: вручу его Вамъ лично. Для большой же статьи о покойникѣ у меня не скоро будетъ досугъ, притомъ въ такой статьѣ неизбѣжно было бы говорить и объ отрицательныхъ сторонахъ его литературной дѣятельности и возвращаться къ старой полемикѣ, чего я рѣшительно не желаю, да и Вашимъ читателямъ было бы скучно [1]).

А. М. Жемчужникову послалъ въ субботу телеграмму въ 59 словъ, но въ прозѣ—при инфлуэнцѣ не до стиховъ.—A propos: недѣли двѣ до моего отъѣзда, въ одну прекрасную редакціонную среду, я вручилъ Вамъ при двухъ обычныхъ свидѣтеляхъ подоб-

---

[1]) Н. Н. Страховъ умеръ 24-го января 1896 года. *Прим. Ред.*

ныхъ злодѣяній—два стихотворенія: одно приватнаго обывателя г. Лебедева, переводъ изъ Клемана Марò, очень Вамъ понравившійся, и другое г. гвардіи поручика Каховскаго, которое по исправленіи нами одного выраженія также Вами одобрено, и оба они съ подлежащимъ надписаніемъ положены въ нѣкое особое мѣсто для напечатанія въ февральской книжкѣ, о чемъ я и возвѣстилъ ликующимъ авторамъ. Но, увы! февраль показалъ сему ликованію быть преждевременнымъ. Надѣюсь однако, что эти бумажки не пропали, а только отсрочены до марта.

На всякій случай напоминаю вамъ о нихъ.

Быть можетъ, Вы прочли въ сегодняшнемъ № „Новаго Времени“ заявленіе Вашего тезки. Оно связано съ нѣкоторыми обстоятельствами, дальнѣйшее развитіе которыхъ можетъ представить интересъ для „Вѣстника Европы“, о чемъ разговоръ отлагаю до свиданія.

Что Вы скажете о вторженіи карнавала въ религію и политику? Я находилъ не малое увеселеніе въ газетныхъ сообщеніяхъ о болгарскомъ водевилѣ. Такъ какъ я никогда не посѣщалъ никакихъ кафе-шантановъ, то для меня этотъ канканъ съ участіемъ экзарха болгарскаго и М-lle Жюдикъ имѣлъ особую прелесть новизны.

Будьте здоровы, дорогой Михаилъ Матвѣевичъ. Очень скорблю, что Любовь Исааковна все нездорова. Передайте ей, пожалуйста, мой самый сердечный поклонъ.

Надѣюсь до свиданія *въ эту субботу*.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

22.

Спб. 25 февраля 1896 г.

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ!

Безъ вины виноватъ передъ Вами. Пославши Вамъ вчера телеграмму объ отправленіи некролога прямо въ типографію, я не имѣлъ никакого сомнѣнія въ томъ, что некрологъ пойдетъ вчера же по назначенію. Но при окончательномъ исправленіи онъ сталъ принимать такой характеръ и объемъ, что я долженъ былъ (по совѣту компетентныхъ друзей) рѣшиться на превращеніе его изъ некролога въ статью—и значитъ, уже не для марта, а апрѣля. Если Вамъ покажется неловкимъ умолчать въ мартѣ о покойникѣ, то не будетъ-ли возможно вклеить такую ленточку: „Статья В. С. Соловьева о скончавшемся 24-го января Н. Н. Страховѣ отлагается по болѣзни автора до апрѣльской книги“. Это не будетъ ложью, такъ какъ дѣйствительно послѣдствія инфлуэнцы—лишеніе сна и аппетита—ослабляютъ меня и замедляютъ работу.

Какъ здоровье Любовь Исааковны? Передайте ей, пожалуйста, мой усерднѣйшій поклонъ. Когда увидите барона, скажите ему, если не забудете (а если забудете, то не говорите), что я имѣю для его сына (ученаго) *письменное увѣдомленіе* меня отъ редакціи философскаго журнала, что статья его (барона-сына) о каббалѣ назначена къ помѣщенію въ майской книжкѣ журнала сего года; а также сообщите, что остальныя его книги везу къ нему изъ Москвы.

До скораго свиданія.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Такъ какъ Вы, очевидно, избрали благую часть и не читаете газетъ (что̀ особенно трогательно со стороны редактора журнала), то я долженъ объяснить Вамъ, что, говоря о Вашемъ тезкѣ, имѣлъ въ виду моего брата Михаила, напечатавшаго въ „Новомъ Времени“ письмо въ редакцію касательно записокъ нашего отца,—по поводу чего мнѣ нужно будетъ поговорить съ Вами и съ Александромъ Николаевичемъ Пыпинымъ при свиданіи.

23.

Апрѣль 1896 г.

Дорогой и глубокоуважаемый

Михаилъ Матвѣевичъ.

Вы, конечно, получили мою телеграмму-монстръ. Въ дополненіе къ ней обращаю Ваше особое вниманіе на 3 пункта (одинъ относится къ опечаткамъ, а два другіе—къ Вашимъ цензорскимъ перемѣнамъ).

1) Въ гранкѣ 9-ой глава X начинается ошибочно такъ: „Ясно, что съ исторической точки зрѣнія Толстого идея кіевскаго Ормузда и московскаго Аримана не выдерживаетъ критики“. Но историческая точка зрѣнія вовсе не Толстого, а наоборотъ, идея Толстого не выдерживаетъ критики съ исторической точки зрѣнія; слѣдовательно, нужно или просто выкинуть слово „Толстого“ (такъ какъ изъ предыдущаго видно, о чьей идеѣ идетъ рѣчь), или поставить такъ: „Ясно, что съ историческй точки зрѣнія идея Толстого о кіевскомъ Ормуздѣ и московскомъ Ариманѣ не выдерживаетъ критики“. Эту поправку Вы во всякомъ случаѣ успѣете сдѣлать, хотя бы и въ сверстанномъ листѣ.

2) Гранка 10-ая (конецъ главы X). Прибавленныя Вами слова: „вотъ, что хотѣлъ сказать поэтъ“ противорѣчатъ контексту, такъ какъ изъ предшествующихъ (подчеркнутыхъ) словъ: „и тутъ онъ не ошибался“ явствуетъ, что мысль поэта уже изложена, и что затѣмъ дается ей подтверждающая оцѣнка со стороны и отъ лица критика, т. е. меня.

3) Въ концѣ статьи исключенная Вами вторая половина заключительной фразы: „а сама эта среда, само общество есть только стадо“ требуется по существу мысли, и ее необходимо возстановить.

Я не сталъ бы съ Вами спорить, если бы: 1) эти два мѣста, какъ они у меня написаны, могли грозить какою-нибудь опасностью „Вѣстнику Европы“, и 2) если бы предложенныя Вами пе-

ремѣны не были въ явный ущербъ контексту. Но такъ какъ съ одной стороны Вы и сами не скажете по совѣсти, чтобы „Вѣстникъ Европы“ могъ получить предостереженіе за то, что въ немъ общество безъ сильнаго развитія личности названо стадомъ, или за то, что я отъ своего имени подтверждаю мнѣніе Толстого о преимуществѣ Владиміра Св. передъ Иваномъ Грознымъ,—а съ другой стороны, Ваши поправки въ этихъ двухъ пунктахъ замѣтно нарушаютъ теченіе моей мысли, то я и позволяю себѣ убѣдительно Васъ просить взять ихъ назадъ. Чтобы вы видѣли, что я не спорю по пустякамъ, обращаю Ваше вниманіе на то, что я не протестую противъ поправки въ гранкѣ 7-ой (конецъ VI главы), хотя она тоже безъ надобности ослабляетъ мою мысль. Вамъ показалось страннымъ утвержденіе, что самому Богу невозможно сдѣлать человѣка совершеннымъ безъ его собственнаго участія; но вѣдь это неоднократно высказывалось Св. Отцами (между прочимъ, Іоанномъ Златоустомъ). Вы испугались также указанія на уподобленіе человѣка Божеству; но вѣдь на 1-ой страницѣ Библіи сказано, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію (il ne faut pas être plus orthodoxe, que l'orthodoxie). Но такъ какъ Ваша поправка не нарушаетъ связи моихъ мыслей, то я скрѣпя сердце ее принимаю, но тѣ двѣ—нѣтъ. *Вѣря* въ Вашу справедливость, я *надѣюсь*, что Вы со мной согласитесь, а въ противномъ случаѣ, хотя моя *любовь* къ Вамъ и не позволяетъ мнѣ на Васъ сердиться (Васъ удивляетъ это появленіе всѣхъ трехъ христіанскихъ добродѣтелей, постойте—сейчасъ явится и ихъ мать), я предложу Вашей *мудрости* слѣдующій компромисъ какъ для этого случая, такъ и для другихъ подобныхъ въ будущемъ: когда намъ не удастся достигнуть соглашенія по части цензорскихъ поправокъ, то Вы печатайте свою редакцію въ текстѣ статьи, а моя первоначальная пусть возстановляется въ слѣдующей книжкѣ въ видѣ простой *поправки*—Вы согласитесь, что никакая цензура не станетъ черезъ мѣсяцъ совать свой носъ въ errata. И Вы будете безопасны, и я удовлетворенъ. Впрочемъ, мы съ Вами вотъ уже 9 лѣтъ обходимся безъ такихъ ухищреній, дастъ Богъ—обойдемся и впредь.

Здѣсь начались жары среди еще нерастаявшаго снѣга; озеро по мнѣнію туземцевъ вскроется не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, такъ что я по немъ плавать не буду до іюня. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и всѣмъ друзьямъ. Все Вами посланное получилъ, очень благодарю и извиняюсь.

Занятъ нравственною философіей, пророками и антихристомъ, а стиховъ весенних нѣтъ какъ нѣтъ. До свиданія 3-го мая лично, а письменно, надѣюсь, раньше!

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Вотъ и сглазилъ.

Рву конвертъ, чтобы приложить только-что сложившееся стихотвореніе, которое Вы, можетъ быть, еще успѣете приткнуть куда-нибудь въ майскую книжку, куда оно относится по сюжету.

Влад. Соловьевъ.

24.

[Франценсбадъ 26 іюля (7 авг.) 96. Помѣтка М. М. Стасюлевича.]

Михалъ Матвѣичъ дорогой!
Пишу Вамъ изъ казерны,
Согбенъ отъ нѣдуга дугой
И полонъ всякой скверны.
Забыты сладкіе труды
И Вакха, и Киприды;
Давно ужъ мнѣ твердятъ зады
Одни геморроиды.
Брега пустынные Невы
Коснѣютъ въ скукѣ дикой;
Виновенъ въ томъ не я, не вы,
А развѣ Петръ Великій.
Въ столицѣ ни души живой,
Какъ бы въ степи безводной.
Исчезъ Деляновъ молодой
И Ратьковъ благородный.
Въ печати трепетъ и застой
И новостями бѣдно.
Брошюру издалъ Левъ Толстой
О томъ, что пьянство вредно.
. . . . . .
. . . . . .
Волынскаго задѣлъ комаръ
И онъ упалъ со стула.

Вотъ, кажется, и всѣ литературныя извѣстія, прочее знаете изъ газетъ. Я искренно пожалѣлъ о внезапной смерти Хитрово, съ которымъ въ этотъ послѣдній его пріѣздъ мы встрѣчались какъ старые пріятели.

Онъ очень измѣнился къ лучшему подъ конецъ жизни, и дѣятельность его въ Японіи была безукоризненна.

Я написалъ некрологъ для „Вѣстника Европы“.

Спасибо Любовь Исааковнѣ и Вамъ за любезное поздравленіе, но теперь я уже имѣю право на настоящее письмо съ извѣстіями о здоровьѣ васъ обоихъ.

А сіи строки посылаю для вѣрности черезъ Александра Николаевича. Когда и куда вы отправляетесь и въ какомъ составѣ?

Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ.

Искренно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

25.

[Эмсъ. 28 іюня (10 іюля) 97. Помѣтка М. М. Стасюлевича.

Это письмо написано на письмѣ Пыпина, которое кончается словами:

Вамъ всегда преданный

А. Пыпинъ.

Продолжаетъ Вл. С. Соловьевъ:]

А также Влад. Соловьевъ, участвовавшій въ редакціонномъ пріемѣ дамы просто пріятной; надѣюсь въ слѣдующую среду увидѣть и дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Мокну въ Пустынькѣ, читаю о Византіи (для „Вѣстника Европы“), пишу о метафизикѣ (отчасти съ тѣмъ же ближайшимъ назначеніемъ—*отчасти*—не пугайтесь слишкомъ!); имѣлъ водевильнѣйшее свиданіе съ своимъ однофамильцемъ и т. д. Многое разскажу при свиданіи—въ половинѣ іюля—не правда-ли?

Прошу Васъ переслать мой сердечный поклонъ Любовь Исааковнѣ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

26.

Неожиданно пріѣхалъ мой братъ Михаилъ, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ. Завтра dans l'après-midi онъ предстанетъ передъ Ваши очи, если Вы будете дома; уѣзжаетъ же онъ завтра съ 7-часовымъ поѣздомъ, а въ 4 часа имѣется у меня ранній обѣдъ или déjeuner dînatoire, вслѣдствіе сего я поставленъ въ невозможность послѣдовать Вашему любезному приглашенію и обѣдать у Васъ завтра. Пріѣду же вмѣстѣ съ братомъ часа въ 2—3.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

Verte!

На 6-ое сентября 1896 г.

1) Для Любовь Исааковны:

Михаилу Матвѣевичу въ день чуда Архистратига Михаила въ нѣхъ.

Не даромъ въ Хонѣхъ натворилъ
Чудесъ Вашъ омонимъ небесный:
Хоть не архангелъ Михаилъ,
Вы также Михаилъ *чудесный*.

. . . . . .

Низвергнулъ онъ уже давно
Дракона гордаго и злого,—
И Вамъ, я вѣрю, суждено
Низвергнуть Ратькова-Рожнова.

. . . . . .

(A suivre.)

27.

5 окт. 97 г. Москва.

Дорогой и глубокоуважаемый, но непоколебимый въ своихъ заблужденіяхъ—Михаилъ Матвѣевичъ!

„Ужъ сколько разъ твердили міру“ въ лицѣ его достойнѣйшаго представителя Михаила Матвѣевича, что полученное однимъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы“ любезное разрѣшеніе давать адресъ редакціи вмѣсто собственнаго имѣетъ цѣлью отнюдь не обремененіе глубокочтимаго редактора пересылкою получаемыхъ писемъ, а, напротивъ, облегченіе адресата отъ многократнаго полученія таковыхъ.

Вотще! Съ Дуная, Темзы, Тибра,
Летятъ посланья по пятамъ—
Мужчинъ, лишенныхъ экилибра,
И съ жиру бѣсящихся дамъ.

Это я, конечно, преувеличиваю, но мнѣ досадно причинять Вамъ хотя бы и малое безпокойство.

Что сообщить Вамъ о себѣ?

Не боленъ я и не печаленъ,
Хоть вреденъ мнѣ климатъ Москвы,
Онъ черезчуръ континенталенъ,
Здѣсь нѣтъ Галерной и Невы.
Ну, насолилъ же мнѣ Чичеринъ,
Самодовольный дворянинъ,—
Все перевралъ, какъ сивый меринъ,
Скопецъ тамбовскихъ палестинъ.
Вчера прикончилъ я злодѣя.
Укралъ онъ мѣсяцъ трудовой.
За это бьютъ! И не жалѣя—
Трахъ! трахъ!—и въ яму головой.

Такъ какъ послѣднія слова, если будутъ кѣмъ нибудь прочтены прежде Васъ, могутъ быть приняты за признаніе въ составѣ преступленія и подвергнутъ меня обвиненію за убійство, въ запальчивости и раздраженіи, но при отягчающихъ вину обстоятельствахъ, отставного статскаго совѣтника Чичерина, то спѣшу объяснить, что дѣло идетъ о литературной, а не иной какой либо дракѣ.

Въ Москвѣ я засталъ нѣкоторый разгромъ. Философскій журналъ оказался дитёй съ семью нянъками, но безъ одного глаза. Несмотря на вполнѣ достаточную и постоянно увеличивающуюся подписку, онъ вслѣдствіе нелѣпѣйшаго хозяйничанья очутился въ безысходномъ долгу у типографіи. Ближайшимъ результатомъ для меня—отказъ отъ гонорара и обѣщаніе хлопотать у московскихъ меценатовъ о субсидіи. Говоря безъ лицемѣрія, ни то, ни другое не доставляетъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Еще хуже—обострившаяся вражда и соперничество двухъ катедеръ-философовъ которые постоянно приходятъ жаловаться другъ на друга, причемъ „радующійся Тертій“ (не Филипповъ, а тотъ, про котораго говоритъ латинская пословица: duobus certantibus *tertius* gaudet), можетъ только радоваться, но не помочь дѣлу.

Я жду теперь пріѣзда изъ заграницы одного дѣлового человѣка и затѣмъ сейчасъ же въ Петербургъ, ибо здѣсь и при сухой погодѣ—слякоть. Чтобы не обманывать—въ среду 15-го, или самое позднее въ субботу 18-го, буду у Васъ. Любовь Исааковна, навѣрное, пріѣхала? Усерднѣйше кланяюсь ей и всѣмъ друзьямъ.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

28.

[20 окт. 1897. Помѣтка М. М. Стасюлевича.]

Не обманулъ я Васъ, а самъ обманутъ;
Кого я жду—за Альпами пропалъ.
Надежды скоро васъ увидѣть—вянутъ,
И вотъ опять я письмописцемъ сталъ.
Пишу и Вамъ, пишу и на квартиру.
А то—за упокой хозяинъ мой
На проскомидіи ужъ подавалъ просвиру,
Онъ человѣкъ съ чувствительной душой.
А между тѣмъ себя я сглазилъ видно—
Недѣлю цѣлую въ недугѣ я морскомъ
Страдалъ усиленно,—и скучно, и обидно
Стоять весь день надъ тазомъ, иль горшкомъ.
Упомяну еще и о невритѣ...
Но мнѣ ужъ слышится готовый вашъ отвѣтъ,
Вы не упустите мнѣ возразить: „не врите!“
Хотя неврить есть фактъ, вранья тутъ нѣтъ!
Но про болѣзни слишкомъ уже много!
Помимо нихъ, я полонъ юныхъ силъ.
Дѣлъ и проектовъ столько, что у Бога
Сто сорокъ лѣтъ въ авансъ бы попросилъ.

Однако, о дѣлахъ несовершившихся и далекихъ писать не подобаетъ, особенно когда пишешь историку и дѣятелю. Обращаясь къ ближайшему,—если мое „Сельское кладбище“ принято подъ красный чехолъ, но еще не отпечатано окончательно, то не откажите произвести маленькую починку. А именно, *послѣдній стихъ второй строфы* долженъ читаться такъ:

Крестами вѣнчаны, сномъ утомленнымъ спятъ.

А *третій стихъ четвертой строфы* такъ:

Но, прилетѣвши къ ней, онѣ такъ нѣжно пѣли

А если эти поправки опоздали, то не бѣда.

Все-таки до скораго свиданія, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и всѣмъ друзьямъ.

Искренно преданный
Влад. Соловьевъ.

1897 (ноябрь 7).

29.

Вы не будете смѣяться надъ моимъ московскимъ сидѣніемъ, дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, когда узнаете: 1) что я засталъ своего любимаго брата Мишу въ брюшномъ тифѣ, отъ котораго онъ только сегодня сталъ серьезно поправляться, и 2) что я самъ эту недѣлю не выхожу изъ дому вслѣдствіе остраго страданья печени. Однако, въ понедѣльникъ надѣюсь быть на Галерной. По дорогѣ сюда со мной случилось маленькое несчастіе: я потерялъ двѣ свои рукописи недоконченныя, одну для словаря съ статейкой „Пессимизмъ“, а другую для „Вѣстника Европы“ съ половиной статьи о „Непознаваемомъ“ Герберта Спенсера. Съ этимъ ужъ второе приключеніе, но теперь, по крайней мѣрѣ, книга съ отмѣтками у меня, и я Вамъ привезу во-время вновь написанную статью, которая, можетъ быть, отъ вторичнаго писанія выиграетъ. А я съ удовольствіемъ читалъ Ваше произведніе, помѣщенное въ „Новомъ Времени“. Вотъ и Вы стали тамъ сотрудничать! А то бывало, когда случалась надобность въ этомъ публичномъ заведеніи, я всегда мысленно косился въ Вашу сторону—какъ, молъ, онъ на это посмотритъ.

Теперь вижу, что вы стали либераломъ и въ этомъ отношеніи. Будьте здоровы, дорогой Михаилъ Матвѣевичъ, усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и всѣмъ, иже съ Вами. До скораго свиданія.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Каиръ, 14 (26) Апр. 98.

30.

Христосъ воскресе!
Вотъ мы въ Одессѣ....
Прощай земля!
Свѣжѣетъ вѣтеръ
И термометеръ
Вблизи нуля.
Вотъ чаекъ стая,
Волна большая;
Вотъ другъ Эрнестъ,
Блюющій съ борта
Въ морского чорта,
Туманъ окрестъ.
Къ Босфору ближе
Волненье ниже
И выше ртуть....
Вотъ и игрушки:
Казармы, пушки—
И прерванъ путь!

Сіе не для печати; подлежащее оной [1]) прилагается на особомъ листкѣ. Прозой дополню, что, совершивъ въ Константиополѣ все предназначенное (Успенскій кланяется Александру Николаевичу), мы отправились далѣе и, благополучно потерпѣвъ крушеніе [2]) при выходѣ изъ Пирея и опоздавши на день, прибыли на островъ Критъ, гдѣ отечественная эскадра въ лицѣ адмирала Скрыд-

---

[1]) Было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“, іюль 1898 г. (I. Тѣнь Троады. II. Нильская Дельта). Прим. М. М. Стасюлевича.

[2]) Пароходъ при выходѣ изъ Пирейской гавани натолкнулся на берегъ и его пришлось стаскивать; эта процедура длилась 12 часовъ. *Прим. ред.*

лова, милѣйшаго и умнѣйшаго человѣка, приняла насъ съ особыми почестями. Удостовѣрившись отъ лицъ оффиціальныхъ, что извѣстная неоффиціальная кандидатура имѣетъ подъ собою твердую почву, отправились далѣе въ Александрію и Каиръ, причемъ соображенія столько же политическія, сколько и экономическія (предусмотрительная наука соединила эти два порядка идей въ одинъ терминъ „политической экономіи“) побудили меня отказаться отъ поѣздки въ Палестину, которая есть царство іерократіи, коей настоящій принципъ есть не только protopoporum, poporum, diaconorum, diatchkorum ponomariorumque, но также и laikorum—oblupatio et obdiratio. Въ Египтѣ мы нашли благодать: озимыя поля, готовыя къ жатвѣ (какъ у насъ въ концѣ іюля), а яровыя—великолѣпно зеленѣющія. Передъ нами начинался было зной палящій, но мы принесли сѣверный вѣтеръ и пріятную прохладу. Благодаря англичанамъ, Египетъ подобенъ вертограду благоустроенному. Даже поѣзда ходятъ по росписанію, а не по произволенію, какъ было въ мой первый пріѣздъ — 22 года тому назадъ!!!

Проведя полтора часа въ великолѣпной ваннѣ и три часа въ еще болѣе великолѣпномъ музеѣ египетскихъ древностей, я чувствую себя помолодѣвшимъ и игривымъ Мельхиседекомъ.

Китайскій гонгъ, потрясаемый чернокожимъ эѳіопомъ, призываетъ къ lunch'у. Буду ухаживать за двумя столовыми сосѣдками: Миссисъ-Ипши и Миссъ-Ури. До свиданья въ началѣ мая. Усердно кланяюсь Любовь Исааковнѣ и всѣмъ друзьямъ. Друга Людвига [1]) укоряю за небрежное допущеніе войны.

Вашъ душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Л. З. Слонимскій, составитель иностраннаго обозрѣнія въ „Вѣстникѣ Европы“.—Прим. М. М. Стасюлевича.

Письма къ А. Н. Пыпину.

1.

3 мая 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Сестра моя охотно предоставитъ Вамъ письма Котляревскаго, но проситъ сообщить, къ *какимъ годамъ* они относятся, иначе ей трудно разыскать ихъ въ огромной массѣ всякихъ писемъ.

Она, разумѣется, желала бы получить письма своего мужа къ Котляревскому.

Все это Вы можете сдѣлать черезъ меня. Но прежде всего сообщите мнѣ, къ какимъ годамъ принадлежитъ эта переписка.

Не знаю, когда пріѣду въ Петербургъ. Нанялъ себѣ маленькую дачу на ст. Сходня Николаевской желѣзной дороги (верстъ 30 отъ Москвы). Напишите, гдѣ Вы проводите лѣто, ибо раньше лѣта, пожалуй, къ берегамъ Невы не попаду. Переѣзжаю на дачу послѣ 15-го, такъ что письма адресуйте еще въ Москву.

Получилъ майскій „Вѣстникъ Европы“ *раньше его выхода*— comble аккуратности и любезности,—и съ удовольствіемъ читаю Вашу критику Будиловича. Готовлю на лѣто византійскіе очерки.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Юліи Петровнѣ и всѣмъ Вашимъ. Если это письмо дойдетъ къ Вамъ до понедѣльничнаго обѣда, то передайте мой сердечный привѣтъ милымъ хозяевамъ и гостямъ.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

2.

6 іюня 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ, пріѣздъ мой въ Петербургъ оттягивается, хотя и не отмѣняется. Я здравъ, но задавленъ обиліемъ всякихъ дѣлъ и бременемъ собственной неаккуратности и непрактичности. Впрочемъ, благодушествую. Посылаю Вамъ два стихотворенія, которыя могутъ еще попасть въ августовскую книжку, а то и въ сентябрскую — мнѣ все равно. Усердно кланяюсь Юліи Петровнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Получили-ли Вы три письма Котляревскаго къ Николаю Попову?

Душевно преданный Вамъ
Владиміръ Соловьевъ.

---

*

3.

8 октября 1893. Dinard.

Простите великодушно, многоуважаемый Александръ Николаевичъ, запоздалость сего посланія. Моя лѣность вообще, а эпистолярная въ особенности, вѣроятно, не укрылась отъ Вашего проницательнаго наблюденія. Зато читаю прилежно. Прочелъ и Ваше коварство относительно Аксакова, заслужившаго поощренія извѣстной особы („и дѣльно“). Это одобреніе вмѣстѣ съ отеческимъ выговоромъ Ю. Самарину за неизмѣнный націонализмъ значительно понижаетъ славянофильскія ходули. Переходя отъ земного Юпитера къ небесному, позволяю себѣ спросить Ваше Превосходительство: какимъ образомъ астрономическія сообщенія о планетѣ Юпитерѣ, сдѣланныя въ сентябрѣ, могутъ опровергать мое сообщеніе о планетѣ Венерѣ, видѣнной мною въ іюлѣ мѣсяцѣ передъ солнечнымъ восходомъ, какъ то ей и подобаетъ — не даромъ же она называется Люциферомъ или Денницей? Но если Вы уже непремѣнно хотите наукою опровергать поэзію, то вотъ Вамъ маленькій предметъ для упражненія:—

La Russie.

Russie, âme brumeuse errant *sur l'avalanche:*
Tu t'es donc arrachée à la vision blanche
De tes champs de glace éternels,
Pour venir oublier l'âpre *souffle du pôle*
Et fondre les frimas de ta neigeuse épaule
Au feu de nos coeurs fraternels.
Accours! nos étalons épousent *tes cavales,*
Et nos chênes croissant sur les forêts rivales(?)
S'entrelacent à tes sapins.

На вѣчныхъ льдахъ вѣчныя кобылы, однѣ, безъ жеребцовъ, питающіяся сосновой корой, въ ожиданіи, когда за нихъ посватаются французскіе жеребцы.

Вотъ это такъ поэзія!

На-дняхъ посылаю М. М-чу нѣчто, что можетъ быть напечатано и во 2-омъ отдѣлѣ „Вѣстника Европы“.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Юліи Петровнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

4.

[1896.]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ! Я написалъ съ Вашего одобренія некрологъ Хитрово, который и доставлю во вторникъ въ типографію,—для некролога это не поздно. Извѣщаю Васъ для „зависящихъ“ распоряженій.

Въ среду надѣюсь видѣть Васъ въ редакціи исцѣленнымъ отъ флюса, о коемъ узналъ отъ Вашего сына, катая его по островамъ въ одинъ прекрасный вечеръ. Не бойтесь! катанье было самое невинное и безо всякихъ заѣздовъ.

Не зная, куда посылать теперь къ Михаилу Матвѣевичу, усерднѣйше прошу Васъ отправить ему прилагаемое посланіе, непремѣнно заказнымъ.

До скораго свиданія. Усердно кланяюсь многоуважаемой Юліи Петровнѣ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Письма къ С. М. Лукьянову.

1.

Четвертый день одержимъ я инфлуэнцей, глубокоуважаемый Сергѣй Михайловичъ, и долженъ отложить свой отъѣздъ въ Москву. Хотя завтра, если не будетъ повышенія температуры, мнѣ придется выѣхать къ своей матери, которой необходимо видѣть меня по дѣлу, но едва-ли рискну проникать въ страны транскарповійскія, а потому посылаю Вамъ пока partem pro toto. Думаю, что эта часть лучше цѣлаго, хотя бы тѣмъ, что не подвержена инфлуэнцѣ.

На семъ мѣстѣ меня прервалъ звонокъ съ запиской отъ Вашей belle-soeur, которая извѣщаетъ о нездоровьѣ Лидіи Петровны и зоветъ къ себѣ завтра. Если буду выѣзжать, то исполню ея желаніе, тѣмъ болѣе, что гимназія ея—напротивъ квартиры моей матери.

Надѣюсь, что нездоровье Лидіи Петровны не серьезно. Усердно ей кланяюсь и прошу Васъ написать мнѣ два слова, если посланный Васъ застанетъ.

Истинно Васъ уважающій и душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

Ввѣренную мнѣ Вашу гостью доставилъ я по назначенію въ совершенной цѣлости и неприкосновенности, но, кажется, недовольную гробовымъ моимъ молчаніемъ. Что дѣлать! Это свойство прирожденное въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ я семимѣсячный недоносокъ и при рожденіи не былъ въ силахъ кричать, а только беззвучно разѣвалъ ротъ, подобно новорожденнымъ воробьямъ.

2.

Дорогой и сердечно уважаемый Сергѣй Михайловичъ! Хотя, какъ увидите, ни въ чемъ не виновный, спѣшу извиниться. Дѣло было такъ. Попавши передъ отъѣздомъ изъ деревни подъ сильный дождь, такъ что, когда сѣлъ къ камину, отъ меня пошелъ паръ, какъ отъ уставшей лошади, я тѣмъ не менѣе устремился, не переодѣваясь, въ экипажъ, уже занятый обширною особой одной милой старушки. Дождь еще шелъ и верхъ пролетки былъ поднятъ. Былъ-ли чувствителенъ представляемый мною компрессъ для моей спутницы—не знаю; но я, уже посаженный на колъ своимъ недугомъ, очевидно, подлежалъ еще новой казни—задушенію подушками—и начиналъ повторять въ душѣ любимое выраженіе моего друга Радлова: „Однако, не будетъ-ли сіе многомѣрно?“ Не успѣлъ я достаточно проникнуться этимъ вопросомъ, какъ степной жеребецъ уже примчалъ маститую кобылицу и апокалиптическаго мерина къ желѣзно-дорожной станціи. Но тутъ оказалось, что министерство путей сообщенія признаетъ подвижнымъ не только составъ, но и росписаніе поѣздовъ, и тотъ 9-ти-часовой поѣздъ, къ которому мы пріѣхали, уже ушелъ въ 8 ч. 26 м., а слѣдующій идетъ ровно въ полночь. Моя спутница взвыла какъ бѣлуга, и только нѣмецкая опрятность помѣшала ей сѣсть на полъ станціонной комнаты. Разныхъ усложненій нашего несчастья описывать не буду. Въ 1 ч. 10 м. по полуночи нашъ поѣздъ вошелъ въ Николаевскій вокзалъ, а Вы въ это время, вѣроятно, произносили на мой счетъ разныя язвительныя слова, которыя теперь, надѣюсь, возьмете назадъ. Надѣюсь также, что Лидія Петровна не сейчасъ уѣзжаетъ изъ Петербурга, и что, заѣхавъ къ Вамъ завтра *раннимъ* вечеромъ, я еще успѣю ее увидѣть.

Въ субботу, когда я остался вдвоемъ съ моимъ фантастическимъ гомеопатомъ, онъ произнесъ длинный и прочувствованный панегирикъ Вамъ, какъ *настоящему* русскому человѣку.

До скораго свиданія.

Душевно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

3.

Глубокоуважаемый Сергѣй Михайловичъ,

Спасибо Вамъ за доброе напоминаніе обо мнѣ Принцессѣ Евгеніи Максимиліановнѣ. Непремѣнно воспользуюсь ея предложеніемъ; но вѣдь Вы напрасно предположили, что у меня есть третій діалогъ: онъ не существуютъ еще въ природѣ вещей, а только въ замыслѣ.

Я положу въ карманъ своего фрака (sic!) ненапечатанный фантастическій разсказъ А. Толстого для факультативнаго прочтенія.

Завтра заѣду днемъ (сегодня не успѣю) въ Ольденбургскій дворецъ.

Посылаю Вамъ свой второй діалогъ. Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Лидіи Петровнѣ.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

4.

Дорогой и сердечно уважаемый Сергѣй Михайловичъ,

Я подвергся трауру, но думаю, что это не есть препятствій ни для дружеской бесѣды, ни для благородной музыки. Итакъ, до свиданія въ $9^1/_2$ ч.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

Примѣчанія С. М. Л—ва.

Всѣ четыре письма-записки — безъ датъ. №№ второй, третій и четвертый—на бланкахъ Hôtel d'Angleterre въ Петербургѣ.

Ad 1.—Писано, кажется, въ мартѣ 1899 г. При письмѣ было прислано „Оправданіе добра“, вышедшее около того времени 2-ымъ изданіемъ. — Адресатъ жилъ въ 1899 г. на Аптекарскомъ островѣ, по Лопухинской улицѣ, за Карповкой. Отсюда выраженіе: „страны транскарповійскія“. —Гостья, о которой идетъ рѣчь въ припискѣ, есть г-жа А. И. В—ва. Соловьевъ любезно вызвался „подвезти“ ее. Впослѣдствіи А. И. В—вой пришлось быть въ Москвѣ, когда хоронили Соловьева. Она присутствовала при погребеніи, и ей очень хотѣлось получить что-нибудь на память. Когда гробъ проносили мимо нея, къ ея ногамъ упала роза изъ какого-то вѣнка.

Ad 2.–Шуточное повѣствованіе, составляющее содержаніе этого письма, изображаетъ путешествіе Соловьева изъ Пустыньки, имѣнія С. П. Хитрово, въ Петербургъ. Эпизодъ этотъ относится къ маю 1900 г.

Ad 3.—Письмо это относится либо къ 1899, либо къ 1900 г. Тогда Соловьевъ читалъ у Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской одинъ изъ своихъ „разговоровъ“ („Три разговора“) и шуточную критику, посвященную нашимъ символистамъ и декадентамъ.

Ad 4.—Изъ того же періода, что̀ и № третій.—Нѣсколько лирическихъ стихотвореній Соловьева были положены на музыку, и его приглашали прослушать эти „романсы“. Музыка доставила Соловьеву, повидимому, большое удовольствіе. Напечатать ее не пришлось до сихъ поръ.

Телеграммы.

1.

Выборгъ, 1-го января 1897 г.

Сердечныя желанія счастливаго года Лидіи Петровнѣ и вамъ. До свиданія въ концѣ мѣсяца.

Владиміръ Соловьевъ.

2.

Петербургъ, 14-го февраля 1900 г.

Твердо надѣюсь быть въ пятницу. Очень благодарю.

Соловьевъ.

3.

Петербургъ, 16-го марта 1900 г.

Очень благодарю. Непремѣнно буду, если ничего не случится. Сердечный поклонъ Сергѣю Михайловичу.

Соловьевъ.

Примѣчанія С. М. Л—ва.

Телеграммы могутъ имѣть значеніе для опредѣленія мѣстопребыванія Соловьева въ соотвѣтствующіе сроки.

Телеграммы 1900 г. находятся въ связи съ домашнимъ дѣтскимъ спектаклемъ. Были поставлены „La grammaire“ Лабиша и „Предложеніе“ Чехова, вызвавшія у Соловьева задушевно-веселое настроеніе.

Письмо къ И. А. Шляпкину [1]).

Спб., 10-го дек. 1898 г.

Уважаемый Илья Александровичъ,

Я нездоровъ и уѣзжаю на праздники въ тамбовскую губернію. На случай, если бы не удалось до отъѣзда побывать у Васъ, вотъ Вамъ мой краткій отвѣтъ.

Для дѣйствительнаго, добросовѣстнаго участвованія въ чествованіи покойнаго О. Ѳ. Миллера мнѣ прежде всего слѣдовало бы прочесть его сочиненія, слишкомъ мало мнѣ извѣстныя; а заняться этимъ раньше лѣта у меня нѣтъ возможности.

Участвовать же какимъ нибудь заявленіемъ въ стилѣ тургеневскаго: „Et moi aussi j'aime la nature"—для этого нужно или быть Jean de Kobéliatnikoff, или имѣть генеральскій чинъ,—а я съ 1881 г. неизмѣнно состою въ отставныхъ полковникахъ.

Если тѣмъ не менѣе Вы можете рѣшительно и искренно заявить мнѣ, что письмо на Ваше имя съ маленькимъ панегирикомъ покойному О. Ѳ. можетъ доставить Вамъ удовольствіе, то я напишу въ февралѣ такое письмо, возлагая на Васъ нравственную отвѣтственность по сему предмету.

Истинно Васъ уважающій
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Въ 1899 г., 1-го іюня, исполнялось 10 лѣтъ со времени кончины проф. О. Ѳ. Миллера. Ученики его выпуска 1881 г., собравшись на обычное свое собраніе 21-го ноября 1898 г., рѣшили устроить публичный вечеръ въ память покойнаго. Между прочимъ, рѣшили пригласить Вл. С. Соловьева, А. Ѳ. Кони, Н. С. Таганцева и др. Результатомъ приглашенія Вл. С. и было настоящее письмо. Вечеръ не состоялся по „независящимъ" обстоятельствамъ.—Прим. И. А. Шляпкина.

Письмо къ NN [1]).

Многоуважаемый Григорій Васильевичъ,

У меня что-то неладное съ глазомъ—повидимому, анатомиче ское. Не будете-ли такъ добры, сообщить съ посланнымъ, гдѣ и когда можно намъ увидѣться въ наискорѣйшее время, т. е. пріѣхать-ли мнѣ къ Вамъ (и въ которомъ часу), или Вамъ можно ко мнѣ заѣхать въ гостиницу „Англія“ (противъ Исаакія)?

Для меня вопросъ о глазахъ есть, разумѣется, вопросъ жизни и смерти—болѣе, чѣмъ для многихъ.

Истинно Васъ уважающій
Влад. Соловьевъ.

Если посланный Васъ не поймаетъ, то не будете-ли такъ добры телефонировать въ гостиницу „Англія“.

---

[1]) Проектъ; письмо это послано не было. *Прим. ред.*

Письмо къ И. О. Лапшину.

Харьковъ, 21 мая 72.

Многоуважаемый Иванъ Осиповичъ!

До Харькова доѣхалъ я благополучно и даже весело, но теперь провожу время въ порядочной тоскѣ, которая усиливается мыслью о предстоящей еще длинной дорогѣ и двухмѣсячномъ пребываніи въ скотскомъ состояніи. Вчера на меня напало такое уныніе, что я даже чуть не рѣшился возвратиться въ Москву или же ѣхать въ Херсонскую деревню съ моей кузиной; но сегодня благоразуміе одержало верхъ, и я завтра отправляюсь въ Саратовъ, гдѣ надѣюсь найти письмо отъ Васъ съ извѣстіемъ изъ міра духовъ.

Въ Харьковѣ я не видѣлъ и не слышалъ ничего замѣчательнаго. О бывшихъ безпорядкахъ говорятъ мало; кажется, это были совершенно пустяки въ отношеніи политическомъ, но не пустяки по числу убитыхъ, которыхъ здѣсь насчитываютъ до ста.

Желаю всего лучшаго вамъ и многоуважаемой Сусаннѣ Денисьевнѣ. Передайте мой привѣтъ Александру Герасимовичу.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь преданный Вамъ

Вл. Соловьевъ.

Письмо къ С. Д. Лапшиной.

18 авг. 1872. Москва.

(Je Vous demande pardon de mon françа is horrifique.)

My dear Madame!

Vos insomnies surnaturelles me font beaucoup de peine. Vous m'avez dit que Vous consulterez un médecin; il y en a, je crois, a Ostankino [1]) un assez bon qui se nomme M. Tarassenkof: adressez-Vous à lui, s'il est encore là. Ou bien, comme Vous viendrez quelquefois à la ville pendant ces six semaines, pourquoi ne pas consulter Votre Artemovsky, s'il Vous a déjà fait du bien? Mais c'est seulement à condition qu'il ne Vous donne pas le sommeil magnétique; car je suis sûr que c'est justement cet état cataleptique dans lequel Vous Vous trouvez pendant nos séances, qui Vous ôte la faculté de dormir après du sommeil naturel.

Quand guérirez Vous de Vos soupçons? The cause of my strange behaviour, s'il y en avait une, ne pouvait avoir aucun rapport à mes opinions sur le spiritualisme. L'état général de tristesse ou de gaité, quand il n'a pas de cause morale, doit dépendre de l'état comparatif du bien-être organique, ce qui était le cas, je suppose, avec moi l'autre soirée.

Ce que Vous me dites de l'opinion de Vos amis matérialistes sur Samarin m'a vivement rappelé mon enfance. A l'âge de 13 à 14 ans, quand j'étais un matérialiste zélé, c'était un grand problème pour moi: comment peut-il avoir des gens d'esprit qui soient en même temps chrétiens? et je m'expliquais ce fait étrange en supposant ou de l'hypocrisie, ou bien une espèce de folie particulière propre au gens d'esprit. C'était assez bête pour un bambin; quand à entendre débiter de pareilles sottises par des gens d'un âge plus vénérable— on peut seulement, selon l'expression orientale, „suspendre ses oreilles au clou de l'étonnement".

---

[1]) Имѣніе Александра Даниловича Шумахера, въ которомъ гостила въ это время С. Д. Лапшина. *Прим. ред.*

Je ne sais, si Vos amis sont matérialistes dans le sens stricte du mot, matérialistes orthodoxes de la confession de Vogt, Büchner etc.; si c'est le cas, alors je serais très curieux de les voir et les entendre, car c'est une espèce qui disparaît déjà. Même dans l'occident, l'absurdité logique du système a été reconnue et les matérialistes tant soit peu raisonnables ont passé au positivisme, qui est une bête d'un genre tout à fait différent, et n'est pas à mépriser.

Quant au matérialisme'il n'a jamais eu rien de commun avec la raison ou la conscience, mais c'est un produit fatal de la loi logique qui réduit à l'absurde l'esprit humain séparé de la divine Vérité. Mais pour prouver cette assertion, il me faudrait écrire toute une dissertation, ce que je dois remettre à un temps plus opportun.

Ecrivez-moi, je Vous en prie, si je puis sans inconvenance venir Vous voir à Ostankino?

Je suis disposé à le faire après le 27.

Искренно Вамъ преданный
Вл. Соловьевъ.

J'ai été voir Votre mari hier soir.

Письма къ Л. А. Севу [1]).

1.

[1899.]

Дорогой Леопольдъ Александровичъ!

Очень желательно было бы дополнить предисловіе. Если есть возможность пришлите мнѣ корректуру: Cannes, Villa Marie—Mélanie, Chemin de Bénéfiat (Alpes maritimes, France). Если же никакъ не успѣется, то, пожалуйста, безпощадно травите всякую опечатку. Онѣ бываютъ фатальны въ такихъ краткихъ произведеніяхъ, какъ—„Et moi aussi j'aime la nature. Jean de Kobéliatnikoff“. При нѣкоторомъ типографическомъ преобразованіи изъ этого, правда, мало содержательнаго, но вполнѣ опредѣленнаго заявленія можетъ выйти такая, напримѣръ, загадка: „Aime-moi.—Oh! si j'aime l'âne turc, gendarme bélier—Nicolas.“ Мало утѣшенія и тогда, если вмѣсто „gendarme“ будетъ „Jeanne Darc“ и вмѣсто „Nicolas“—„chocolat“. Я готовъ присягнуть, что тамъ, гдѣ у меня стоитъ „*незамѣченная* книга“, наборщикъ поставитъ „*незамѣченная*“. И еще одно такое мѣсто отмѣтилъ, да забылъ.

Дорогой читалъ „Эстетику“ [2]), которая вообще мнѣ нравится. Имѣю сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. То, что авторъ называетъ монархизмомъ сознанія, есть, конечно, фактъ; но тутъ нѣтъ полежительнаго свойства, а только ограниченіе. Дальнѣйшая степень такого ограниченія называется моноидеизмомъ, а еще дальнѣйшая—мономаніей. Различіе между эстетическимъ (въ широкомъ смыслѣ) и прекраснымъ недостаточно ясно и полно представлено — объ этомъ поговоримъ при свиданіи, такъ какъ теперь боюсь опоздать къ вѣнскому поѣзду.

Листы Ланге буду читать дорогой, и если найду что нибудь вопіющее, то буду исправлять телеграммами, но надѣюсь, что до этого не дойдетъ.

Будьте здоровы, сердечный поклонъ Вашимъ хозяевамъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Переводчикъ книги Іодля „Исторія этики“. *Прим. ред.*

[2]) „Введеніе въ Эстетику“ Грооса, переведенное Л. С. Севомъ на русскій языкъ. *Прим. ред.*

2.

Cannes. 3 mai (22 апрѣля) 1899 г.

Дорогой Леопольдъ Александровичъ!

Вотъ исполненіе всего исполнимаго изъ Вашихъ желаній относительно предисловія. Написать же сколько нибудь обстоятельную параллель между Ланге и Іодлемъ 1) въ кратчайшее время, 2) не имѣя книгъ подъ руками и 3) имѣя подъ руками листы I-го тома Платона, вопіющіе о своемъ восполненіи,—не было никакой возможности. Довольствуйтесь моимъ публичнымъ обѣщаніемъ насчетъ II-го тома Ланге. Опечатки къ 7 — 12 листамъ посылаю завтра или послѣ-завтра.

Не стѣсняйтесь моей работой. Это не работа, а отдыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражненіе въ сосредоточенности на мелочахъ—очень полезное при моей адской разсѣянности.

Разумѣется, опечатки, отмѣченныя Вами, какъ не важныя, можете пропустить. Важны-ли онѣ, или неважны—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онѣ не суть важнѣйшія.

О многомъ прочемъ—при свиданіи; тороплюсь отсылать.

Сердечно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

Письмо къ Нинѣ Петровнѣ Бахметевой.

[Выборгъ. Конецъ 1897 г. или начало 1898 г.]

Дорогая Нина Петровна!

Спасибо Вамъ за письмецо съ подковой. Отъ души желаю Вамъ всего лучшаго на новый годъ. Поздравьте отъ меня, пожалуйста, всѣхъ на Сергіевской. Какъ я былъ радъ, что разсказъ пчелы былъ напечатанъ въ „Новомъ Времени“. Я поправляю первую половину Метерлинка, а вторую забылъ тогда въ сверткѣ на столѣ. Сохраните ее до моего пріѣзда,—5-го января.

Надѣюсь, у васъ въ Петербургѣ опять снѣгъ. Здѣсь хорошо. Я ѣзжу за городъ и гуляю пѣшкомъ въ городѣ. Былъ уже на пяти кладбищахъ. — А однажды вечеромъ со мной случился забавный анекдотъ. Зала гостиницы была занята для балъ-маскарада выборгскаго мѣщанскаго общества. Я сижу въ своей комнатѣ. Вдругъ вбѣгаетъ молодой человѣкъ (безъ маски—балъ еще не начинался), не пьяный, но чрезвычайно сангвиническій, бросаетъ мнѣ на кровать какой-то большой свертокъ, трясетъ мнѣ руку, какъ старому другу, смѣется и восклицаетъ: „Ну, слава Богу! насилу васъ отыскалъ. Ну, и нарядились вы! совсѣмъ не узнаешь“. И съ этими словами начинаетъ раздѣваться. Въ это время вбѣгаетъ преданный мнѣ камердинеръ Николай и начинаетъ тащить его изъ комнаты. Тотъ въ совершенномъ остолбенѣніи и съ ужасомъ указываетъ на меня: „*Это* кто же такой? Вѣдь я думалъ, что это вы, Николай Александровичъ, бедуиномъ нарядились“! Нужно замѣтить, что этотъ Николай свѣтло-рыжій блондинъ и нисколько на меня не похожъ, но молодой человѣкъ, очевидно, принялъ мое лицо за маску, изображающую бедуина, тѣмъ болѣе, что я вмѣсто халата ношу старый черный макферланъ.

До скораго свиданія, дорогая Нина Петровна.

Душевно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

Письмо къ А. К. Грефе [1]).

[1892.]

Многоуважаемая Анна Карловна!

Въ минувшемъ декабрѣ, передавая Эрнесту Львовичу для Васъ 100 р. въ счетъ гонорара за переводъ, я просилъ его сказать Вамъ, что окончательный разсчетъ будетъ произведенъ издателемъ по напечатаніи книги.

Печатаніе, пріостановленное на нѣкоторое время по разнымъ обстоятельствамъ, возобновится въ концѣ этого мѣсяца и затѣмъ уже будетъ продолжаться непрерывно, такъ что 1-го октября, я полагаю, Ваша часть перевода будетъ готова и Вамъ можно будетъ получить весь гонораръ. Я буду просить издателя (теперь его нѣтъ въ Петербургѣ) назначить Вамъ то, что онъ предлагалъ мнѣ, т. е. по 30 р. за листъ.

Переводъ Вашъ вполнѣ удовлетворителенъ, и мнѣ съ нимъ не было никакихъ хлопотъ. Что касается до желанія вашего принять на себя другой подобный трудъ, то я лично никакихъ изданій не предпринимаю, но если ко мнѣ обратится какой нибудь издатель, я, разумѣется, рекомендую Васъ, какъ переводчицу

Истинно уважающій Васъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Переводчица книги Э. Гернся, Ф. Майерса и Ф. Подмора „Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія“, Спб., 1893. *Прим. ред.*

Письма къ Францискy Рачкому [1]).

1.

[1885.]

Высокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Весьма признателенъ Вашему Высокопреподобію за любезное письмо Ваше, переданное мнѣ черезъ г. Томича. На-дняхъ получилъ я и отъ владыки Штроссмайера собственноручное приглашеніе черезъ одну мою ученицу, видѣвшую Его Преосвященство въ Сремѣ.

Хотя мой трудъ еще не совсѣмъ готовъ къ печати, и къ тому же я не совсѣмъ оставилъ надежду напечатать его въ Россіи (нѣсколько малыхъ главъ уже и напечаталъ), но я все-таки намѣренъ, если Богу будетъ угодно, съѣздить въ Загребъ и Дьяково, дабы лично познакомиться съ владыкой Штроссмайеромъ и возобновить знакомство съ Вами.

Одновременно съ этимъ письмомъ посылаю нѣкоторыя свои сочиненія по три экземпляра—одинъ для Васъ, другой для владыки и третій для о. Тондини, который, какъ я слышалъ, находится при владыкѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь Вашего Высокопреподобія покорный слуга

Владиміръ Соловьевъ.

Покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе переслать прилагаемое письмо, а равно и часть книгъ, преосв. епископу Штроссмайеру.

---

[1]) О Ф. Рачкомъ, см. Соловьева, „Собраніе сочиненій“, т. VIII, стр. 432. *Прим. ред.*

2.

D. 29. Juni [1886]. Wien, Goldnes Lamm.

Высокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Препятствія различнаго рода задержали до сихъ поръ мое путешествіе въ Австрію. Наконецъ я, слава Богу, преодолѣлъ всѣ затрудненія и вчера вечеромъ пріѣхалъ въ Вѣну, а черезъ два или три дня ѣду въ Загребъ и въ Дьяково.

Везу съ собой готовую часть своей „Исторіи теократіи“. Все сочиненіе выходитъ больше, чѣмъ я думалъ,—цѣлыхъ три тома,—такъ что мнѣ нельзя будетъ оставаться въ Австріи до его напечатанія. Надѣюсь найти въ Загребѣ корректора, хорошо знающаго по-русски.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ), я былъ приглашенъ въ тамошнюю Духовную Академію для собесѣдованія „домашнимъ образомъ“ о соединеніи церквей. Присутствовали при этомъ инспекторъ Академіи архимандритъ Антоній, нѣсколько монаховъ и студенты старшаго курса. Я остался очень доволенъ этой бесѣдой, но нашему церковному (т. е. свѣтскому) начальству это не столь понравилось, и какъ нѣкій антидотъ противъ моихъ соблазновъ былъ приглашенъ въ ту же Академію для бесѣды со студентами—о. Наумовичъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ. Я и самъ былъ бы радъ съ нимъ поговорить на-людяхъ, но, къ несчастію, у насъ открытаго спора не допускаютъ, такъ что я даже и не знаю, что такое сказалъ о. Наумовичъ въ Академіи.

Въ надеждѣ скораго свиданія остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ Вашему Высокопреподобію истинно преданный

Владиміръ Соловьевъ.

3.

[1886].

Высокоуважаемый и дорогой Господинъ Каноникъ!

Пишу Вамъ нѣсколько словъ съ о. Тондини, чтобы сообщить, что у Васъ всѣ здоровы и все благополучно. Я также совершенно здоровъ и бодръ. Днемъ работаю, а вечеромъ гуляю съ гр. Войновичемъ. Онъ доставилъ мнѣ два новыхъ знакомства—съ катехетомъ Гартманомъ и съ однимъ священникомъ изъ Вараждина, котораго Вы навѣрное знаете хорошо — онъ былъ здѣсь прежде каноникомъ, но по ссорѣ съ архіепископомъ Михайловичемъ оставилъ Загребъ.

Здѣсь эти дни стоитъ хорошая русская погода, то-есть по-хорватски—мрзло.

Желаю Вамъ добраго здоровья и радуюсь за Васъ, что Вы отдыхаете въ обществѣ владыки епископа. Глубоко кланяюсь ему и цѣлую руку.

До скораго свиданья съ Вами и съ нимъ остаюсь душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

P. S. Катковъ пишетъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что посѣщенія нашими сановниками князя Бисмарка похожи на поѣздки русскихъ князей въ Золотую Орду къ татарскимъ ханамъ, и что мы поставили себя въ вассальныя отношенія къ Германіи, тогда какъ она гораздо болѣе нуждается въ насъ, чѣмъ мы въ ней.

P. P. S. S. O. Тондини не былъ увѣренъ, что поѣдетъ въ Роичъ, а потому посылаю по почтѣ. Между тѣмъ я получилъ два письма отъ Кирѣева и два отъ княгини Волконской—послѣднія съ порученіемъ довольно важнымъ, относящимся до владыки епископа. Не будете-ли такъ добры написать мнѣ, или Вашей матушкѣ, пріѣдетъ-ли епископъ въ Загребъ, или нѣтъ. Если нѣтъ, то мнѣ нужно будетъ письменно передать ему просьбу княгини Волконской.

Весь Вашъ
Влад. Соловьевъ.

4.

[Дьяково, сент. 1886 г.]

Высокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Сердечно благодарю Васъ за присланныя письма и за Вашу доброту ко мнѣ. Я, слава Богу, здоровъ, работаю и наслаждаюсь бесѣдами епископа среди прекрасной природы и часто вспоминаемъ о Васъ. Епископъ хочетъ провести нѣсколько дней у Васъ въ Загребѣ.

Я дѣлаю маленькіе успѣхи въ хорватскомъ языкѣ и написалъ записку г. Маравичу по-хорватски, но Вамъ еще боюсь писать. Епископъ говоритъ со мною и по-латыни, и по-французски, и по-хорватски,—и на всѣхъ языкахъ одинаково пріятно слышать его вдохновенную рѣчь. Соглашаюсь вполнѣ съ о. Франки, что ни у одного народа нѣтъ такого епископа. О содержаніи нашихъ бесѣдъ сообщу Вамъ при свиданіи.

Дней черезъ десять думаю вернуться въ Загребъ подъ Вашъ любезный и гостепріимный кровъ. Итакъ, до скораго свиданія. Сердечно кланяюсь Вашему семейству, а также моимъ новымъ друзьямъ, г. Войновичу, о. Франки и о. Буяновичу и г. Целестину.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

P. S. Дальнѣйшія письма изъ Россіи пусть дожидаются меня у Васъ. Не трудитесь пересылать ихъ.

5.

9/21 окт. 1886.

Москва, Пречистенка, домъ Лихутина.

Дорогой и многоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Я совершилъ свое путешествіе довольно благополучно,—только въ Зиданомъ мостѣ потерялъ свой плэдъ, да еще на границѣ былъ немного задержанъ таможенными чиновниками, которымъ показалось страннымъ, что мой маленькій багажъ состоялъ почти исключительно изъ книгъ и бумагъ. Чтобы разрѣшить свои сомнѣнія, они послали за экспертомъ по книжной части, именно за жандармскимъ капитаномъ; но и для этого ученаго авторитета Ваши хорватскія сочиненія оказались китайскою грамотой, и онъ уже принялся за чтеніе моей переписки, но противъ этого я рѣшительно возсталъ и, выложивъ передъ нимъ коллекцію моихъ Библій, убѣдилъ его въ своей благонамѣренности.

Въ Москвѣ меня ожидалъ непріятный сюрпризъ: тотъ самый духовный цензоръ, который разрѣшилъ прежнія изданія „Догматическаго развитія“, задержалъ теперь новое, уже отпечатанное, и мнѣ приходится прибѣгнуть къ экстраординарнымъ мѣрамъ, чтобы освободить свою книжку. Надѣюсь, что это мнѣ удастся. Вообще же, несмотря на дурное расположеніе нашего церковнаго правительства, я нисколько не унываю, ибо знаю, что это дурное расположеніе держится только однимъ лицомъ теперешняго оберъ-прокурора, котораго я надѣюсь очень пережить.

Въ Москвѣ все тихо и спокойно. Многіе ждутъ войны, но никто ея не боится.

Разсказы мои о Хорватіи слушаются съ интересомъ и удовольствіемъ, и я радъ, что могу послужить къ распространенію хорошихъ понятій о Вашей странѣ и народѣ. Самъ я и въ Россіи остаюсь полу-хорватомъ и, несмотря на плохое знаніе языка, иногда думаю по-хорватски. Благодаря моему пребыванію у Васъ я сталъ теперь славянофиломъ не въ мысляхъ только, но и въ сердцѣ.

Передайте, пожалуйста, мое почтеніе Вашему семейству и поклонъ всѣмъ общимъ друзьямъ. Войновичу буду писать завтра или послѣзавтра.

Душевно Вамъ преданный и глубокоуважающій Васъ

Влад. Соловьевъ.

6.

22 окт. 1886.

Москва, Пречистенка, домъ Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Я уже писалъ Вамъ, но не знаю, дошло-ли мое первое письмо. Благодарю Васъ за присланные экземпляры „Католичкаго Листа“, но жалѣю, что не было при нихъ никакой приписки Вашею рукою.

Я очень нуждаюсь въ утѣшеніи и ободреніи, хотя стараюсь и самъ не унывать. Я писалъ Вамъ о цензурныхъ затрудненіяхъ. На-дняхъ мой цензоръ, съ которымъ я надѣялся поладить, внезапно умеръ во время литургіи въ церкви, и я былъ преданъ на съѣденіе цѣлому цензурному комитету, который *безусловно запретилъ* все представленное мною для печати. Также запрещено объявленіе о подпискѣ на „Исторію теократіи“. Я рѣшился поѣхать для личнаго объясненія къ здѣшнему митрополиту, и если ничего отъ него не добьюсь, то постараюсь обратиться еще выше.

О политическихъ дѣлахъ ничего не пишу. Когда это письмо дойдетъ до Васъ, Вы навѣрно будете знать объ этомъ больше, чѣмъ я.

Хлопоты и непріятности замедляютъ мою работу. На-дняхъ вышлю въ типографію окончаніе четвертой книги.

Въ статьѣ моей хорватской я замѣтилъ одну типографскую погрѣшку, которую нельзя-ли исправить въ ближайшемъ нумерѣ. А именно на страницѣ 323-ей, первый столбецъ, строки 9—11 сверху—напечатано: „Ove formule jesu tri prua symbola i dogmaticki zakljuccі 2, 6 і 7 sabora“. Вмѣсто 2 должно стоять 4.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, ко мнѣ пришелъ знакомиться переведенный сюда изъ Одессы профессоръ философіи Гротъ и предложилъ принять участіе въ предпринимаемомъ философскомъ

журналѣ, который долженъ выходить *безъ цензуры*, при университетѣ. Онъ предоставляетъ въ мое полное завѣдываніе отдѣлъ „философіи религіи“. Если это состоится, то вотъ уже и нѣкоторый выходъ изъ моего отчаяннаго литературнаго положенія.

Что наши друзья? Войновичу я писалъ, но еще не имѣю отвѣта. Его личное дѣло также не слишкомъ богато надеждами.

Пожалуйста, напишите мнѣ. Я часто вспоминаю о своемъ загребскомъ житьѣ съ чувствами удовольствія и признательности къ Вамъ. Прошу передать мой сердечный поклонъ Вашему семейству.

Душевно преданный и глубокоуважающій Васъ

Влад. Соловьевъ.

7.

[1886.]

Дорогой и глубокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Согласно Вашему мнѣнію посылаю Вамъ мой краткій отвѣтъ о. Марковичу. Написалъ его по-нѣмецки, чтобы могли перевести въ редакціи „Katoličkoga Lista“, дабы не утруждать Васъ самихъ переводомъ. Не найдетъ-ли нужнымъ редакція сдѣлать замѣчаніе, что отвѣтъ нѣсколько запоздалъ вслѣдствіе большого разстоянія между Москвой и Загребомъ?

Жду корректуру 18-го и 19-го arak'a [1]),—послалъ рукопись двѣ недѣли тому назадъ.

На-дняхъ высылаю на Ваше имя для типографіи 500 рублей (600 гульденовъ), а остальное по отпечатаніи всего тома.

Дѣла мои съ цензурой пока въ прежнемъ положеніи. Митрополитъ уѣхалъ въ Петербургъ, и я его не могъ видѣть. Былъ въ Троицкой Лаврѣ и еще собираюсь туда. Архимандритъ и монахи очень за мною ухаживаютъ [2]), желая, чтобы я пошелъ въ монахи, но я много подумаю, прежде чѣмъ на это рѣшиться.

О политическихъ дѣлахъ лучше не говорить—abyssus stultitiae.

До 1896 г. ничего не будетъ.

Будьте здоровы, дорогой другъ. Жду отъ Васъ нѣсколько словъ. Мой глубокій поклонъ Вашей матушкѣ и всему семейству.

Войновичу пишу.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

Если можно, пришлите 2 или 3 экземпляра моего французскаго мемуара.

---

[1]) „Arak“ по-хорватски значитъ „листъ“. *Прим. ред.*
[2]) Ср. письмо къ Н. Н. Страхову, стр. 25—26. *Прим. ред.*

8.

[Декабрь 1886.]

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Не найдете-ли Вы возможнымъ предложить г. Целестину взять на себя (за извѣстный гонораръ) окончательную корректуру моей книги, такъ чтобы не нужно было посылать каждый аракъ въ Москву, что́ и медленно, и не сигурно [1]). Пожалуйста, напишите мнѣ объ этомъ. Я вчера получилъ и сегодня отсылаю корректуру 18-го арака; еще, вѣроятно, есть въ типографіи на 2 арака. Остальную рукопись пришлю около 1-го января. Если г. Целестинъ согласится, то 19-ый аракъ можетъ быть посланъ теперь же прямо ему, не посылая ко мнѣ въ Россію.—Деньги для первой уплаты въ типографію у меня уже давно готовы, и я вышлю ихъ, какъ только установится modus imprimendi.

Очень благодарю Васъ за присылку „Обзора“, въ которомъ прочелъ Вашу рѣчь съ большимъ удовольствіемъ. Сейчасъ получилъ большую телеграмму отъ нашего славнаго епископа въ отвѣтъ на мое поздравленіе съ Божичемъ [2]).—А что̀, напечатана-ли моя замѣтка на отвѣтъ о. Марковича?

Съ легкой руки далматской „Истины“ (??) противъ меня начался здѣсь настоящій штурмъ, причемъ цензура, запрещающая все мною написанное, предоставляетъ моимъ противникамъ полный просторъ выдумывать на меня всякія небылицы. Впрочемъ, я не унываю, полагаясь на русскую пословицу: Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ.

Я не совсѣмъ здоровъ это время, но все-таки думаю пережить Побѣдоносцева и К°. Скажите Вашей матушкѣ, что я живъ и потому пишу. Кланяюсь сердечно ей и всѣмъ Вашимъ.

Будьте здоровы и не забывайте душевно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

---

[1]) „Сигурно“—хорватское слово, отъ итальянскаго „sicuro“—„безопасно“. *Прим. ред.*

[2]) Т. е. съ Рождествомъ Христовомъ. *Прим. ред.*

9.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 18 февр. 1887.

Дорогой и глубокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Послѣ послѣдняго письма я былъ сильно боленъ и лежалъ въ постели. Теперь поправляюсь.

Изъ письма Вашего заключаю, что все посланное мною окончаніе перваго тома дошло благополучно и теперь, вѣроятно, уже напечатано. На-дняхъ посылаю *предисловіе* и два небольшихъ приложенія. Когда все будетъ напечатано, но еще не сброшюровано, то необходимо прислать мнѣ всѣ листы (въ 1 или 2 экземплярахъ), *кромѣ тѣхъ* 17, которые были напечатаны во время моего пребыванія въ Загребѣ и которые я взялъ съ собою, такъ что ихъ посылать не нужно. Послать мнѣ можно на мое имя, по моему адресу, заказною *бандеролью* или посылкою застрахованною. Мнѣ нужно будетъ пересмотрѣть всѣ листы, чтобы составить списокъ errata. По полученіи отъ меня и напечатаніи этого списка можно будетъ брошюровать книгу. А о дальнѣйшей судьбѣ ея нужно будетъ обдумать и разузнать, и тогда я сообщу Вамъ.

Книга мнимаго Асташкова написана нѣмцемъ—католическимъ священникомъ въ Петербургѣ. Она не допущена въ Россію и извѣстна очень немногимъ. Я мало доволенъ содержаніемъ этой книжки и еще менѣе — фактомъ ея появленія въ настоящее время.

Полемика противъ меня въ духовныхъ журналахъ, превратившаяся въ „односторонніе маневры“,—продолжается непрерывно. Мое вынужденное молчаніе сдѣлало моихъ благородныхъ противниковъ чрезвычайно храбрыми. Впрочемъ, въ Петербургѣ явились признаки благопріятнаго поворота. Боюсь только, чтобы излишнее рвеніе моихъ дамскихъ адвокатовъ не испортило дѣла.

Будьте здоровы. Сердечно кланяюсь Вашему семейству. Вспоминаю, какъ пріятное видѣніе, свое беззаботное и тихое житье въ Загребѣ.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

P. S. Брошюру о. Тондини не получалъ.

10.

[1887.] Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой и глубокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Я телеграфировалъ Вамъ, прося, чтобы типографія выслала мнѣ весь конецъ перваго тома (съ 18-го листа), не дожидаясь предисловія, которое немного замедлилось, вслѣдствіе возобновившейся моей болѣзни. Какъ только я получу листы изъ Загреба, такъ пересмотрю всю книгу и составлю списокъ опечатокъ, который и пошлю въ типографію вмѣстѣ съ предисловіемъ. Я долженъ все покончить въ эти двѣ недѣли, которыя еще остаюсь въ Москвѣ. Предположенныя мною полемическія приложенія я рѣшилъ включить въ предисловіе.

Есть надежда, что моя книга будетъ разрѣшена. Кирѣевъ пишетъ изъ Петербурга, что Побѣдоносцевъ предлагаетъ мнѣ подать жалобу въ Синодъ на духовную цензуру, *находя* ея дѣйствія „преувеличенными“. Это, конечно, неискренно, но все-таки составляетъ благопріятный признакъ. Я отвѣчалъ, что если мой первый томъ не будетъ запрещенъ, то я этимъ удовлетворюсь и старыхъ обидъ поминать не стану.

А знаете, чѣмъ я теперь занятъ (кромѣ предисловія)? По приглашенію одного здѣшняго филантропическаго общества готовлюсь прочесть въ пользу бѣдныхъ студентовъ двѣ публичныхъ лекціи на тему: „*Славянофильство и русская идея*“. Коснусь, разумѣется, и соединенія церквей. Впрочемъ, изъ оффиціальной программы (разрѣшаемой генералъ-губернаторомъ) я долженъ былъ исключить даже слово „церковь“ и замѣнить его словами „мистическій элементъ“. Если не послѣдуетъ препятствій изъ Петербурга, то лекціи будутъ 23-го и 26-го марта (ст. ст.), послѣ чего я уѣду въ деревню около Курска.

Что-то подѣлывается у Васъ въ Загребѣ? Хотѣлъ бы написать Вамъ о политикѣ, но затрудняюсь. Будьте здоровы. Сердечный привѣтъ Вашему семейству и общимъ друзьямъ. Весь Вашъ

Влад. Соловьевъ.

Жду съ нетерпѣніемъ араковъ изъ типографіи.

11.

[1887.]

Дорогой и глубокоуважаемый Господинъ Каноникъ!

Посылаю предисловіе на Ваше имя, а листъ опечатокъ и списокъ адресовъ, куда посылать книгу, отправляю завтра прямо въ типографію. Я уже болѣе мѣсяца какъ получилъ изъ типографіи всѣ отпечатанные араки, кромѣ двухъ послѣднихъ. Надѣюсь, что и они теперь уже напечатаны, и что, по полученіи предисловія, книга черезъ недѣлю можетъ выйти въ свѣтъ. Скажите, пожалуйста, въ типографіи, что не нужно посылать мнѣ отдѣльно два послѣдніе арака, равно какъ и предисловіе. Я составилъ списокъ опечатокъ для того, что было мною получено, а послѣдніе араки и предисловіе предоставляю *особому вниманію* проф. Целестина. Передайте ему мой сердечный поклонъ и истинную благодарность, а отъ себя сообщите мнѣ, пожалуйста, могу-ли я безъ обиды предложить ему гонораръ за скучный трудъ корректированія.

Я на-дняхъ уѣзжаю въ деревню, но прошу Васъ писать мнѣ въ Москву по прежнему адресу—это будетъ вѣрнѣе.

Простите, глубокоуважаемый другъ, что все еще докучаю Вамъ хлопотами со своей книгой. Но теперь это уже *послѣднія*; второй и третій томъ подожду печатать, пока можно будетъ въ Россіи. Передъ отъѣздомъ напишу Вамъ еще, между прочимъ, о своей публичной лекціи (которая была многолюдна и произвела нѣкоторый скандалъ среди московскихъ славянофиловъ). А теперь спѣшу отправить на почту.

Сердечно кланяюсь Вашей любезной обители (это хорватское слово нравится мнѣ больше русскаго). Очень хотѣлось бы мнѣ, хотя на краткое время, побывать еще среди васъ въ Загребѣ,

но, какъ говоритъ наша пословица,—на всякое хотѣнье есть терпѣнье.

Прошу Васъ передать также мой большой поклонъ Войновичамъ, которымъ буду писать на-дняхъ. Напомните меня и всѣмъ общимъ пріятелямъ въ Загребѣ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

P. S. Благодарю Васъ очень за присылку брошюры о. Тондини. А я еще въ большомъ долгу передъ Вами по части книгъ—до сихъ поръ не собрался послать, что нужно. Простите: свои люди—сочтемся.

12.

14 апр. 1887.

Христосъ воскресе!

Дорогой и глубокоуважаемый другъ! Пишу Вамъ съ дорожнымъ посохомъ: сегодня уѣзжаю въ деревню на неопредѣленное время. Избалованный Вашею добротою, обращаюсь къ Вамъ еще съ одною просьбою. Я написалъ въ типографію, чтобы Вамъ доставили 10 экз., изъ нихъ одинъ для нашего епископа въ Дьяковѣ; мой братъ пришлетъ 10 гульденовъ, на которые прошу Васъ заказать хорошій переплетъ: такъ какъ епископъ не читаетъ по-русски, то пусть имѣетъ, по крайней мѣрѣ, на память отъ меня красивую книгу [если можно, переплетъ черный, кожаный, съ краснымъ (червленымъ), а не золотымъ обрѣзомъ].

Не довершите-ли Вы своихъ благодѣяній, пересмотрѣвши вмѣстѣ съ проф. Целестиномъ послѣднюю корректуру моего „Предисловія“, чтобы въ немъ по возможности не было опечатокъ? Впрочемъ, вѣроятно, когда Вы получите это письмо, книга будетъ уже совсѣмъ готова. Я послалъ списокъ адресовъ въ типографію, пришлю еще другой, дополнительный. Не помню, писалъ-ли я Вамъ о своей публичной лекціи. Я доволенъ тремя ея результатами: 1) сказалъ, что хотѣлъ,—и когда состоится соединеніе церквей, будущій историкъ помянетъ этотъ день; 2) доставилъ сиромакамъ [1]) студентамъ 2.000 рублей; 3) вызвалъ *безсильный* гнѣвъ московской публики.

Радъ также, что газеты молчатъ, а то если бы подняли толки, то могло бы быть препятствіе для книги. А я теперь твердо надѣюсь, что благодаря той кастраціи, которую я произвелъ съ первымъ томомъ, онъ будетъ разрѣшенъ въ Россіи.

Жду счета изъ типографіи: если А. М. Гезенъ отдастъ мнѣ

---

[1]) Т. е. бѣднымъ. *Прим. ред.*

свой долгъ, то заплачу все заразъ, а если онъ замедлитъ, то буду выплачивать по-немногу.

Kako ste vi, dragi moj gospodine Kanoniku? Je li zdrava gospoja majka vaša? Moliu, da pozdravite od mene svih u obiteli vašej.

Передайте мой сердечный поклонъ и глубокую признательность проф. Целестину. Кланяюсь всѣмъ загребскимъ знакомымъ. Войновичамъ писалъ вчера.

Будьте здоровы и не поминайте лихомъ душевно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

Мнѣ можно писать по прежнему московскому адресу, или же такъ: Московско-Курской жел. дор. станція Коренная Пустынь, ЕВк-родію Аѳанасію Аѳанасьевичу Шеншину (с. Воробьевка), съ передачей В. С. С.

13.

Европейская Гостиница.
9/21 дек. 1889. Петербургъ.

Дорогой и глубокоуважаемый другъ!

Сердечно поздравляю Васъ и Вашу любезную обитель съ Божичемъ и новымъ годомъ.

О себѣ могу сказать кратко: пребываю въ трудахъ и болѣзняхъ. Но, пока могу работать, не унываю.

Книгу мою французскую не одобряютъ съ двухъ сторонъ: либералы за клерикализмъ, а клерикалы за либерализмъ. Оо. іезуиты совсѣмъ на меня махнули рукой и стараются меня „замалчивать“. Зато я получилъ (косвенное) извѣстіе о печатномъ одобреніи со стороны епископа, и это меня очень утѣшило.

Приготовляю по-немногу къ печати второй томъ „Теократіи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ много пишу и печатаю по философіи и публицистикѣ. Пользуюсь воспоминаніемъ о Вашей энергіи и трудолюбіи для поддержанія въ себѣ этихъ качествъ.

Дай Вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать.

Душевно преданный Вамъ и глубоко Васъ уважающій
Владиміръ Соловьевъ.

Пишу епископу, а также Войновичу. Кланяюсь всѣмъ пріятелямъ въ Загребѣ.

Письма къ епископу Штросс-майеру.

1.

Москва. Въ день непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы, 1885 г.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Великою радостью было мнѣ получить Вашу дорогую записку и любезное приглашеніе.

Если Богу будетъ угодно, въ концѣ настоящей зимы хочу пріѣхать въ Загребъ и Дьяково узнать Васъ лично, поклониться и принять благословеніе отъ знаменитаго служителя церкви и радѣтеля славянства, и услышать Ваши мысли и совѣты въ общемъ намъ великомъ дѣлѣ—соединенія церквей.

Отъ этого соединенія зависятъ судьбы Россіи, славянства и всего міра. Мы русскіе, православные, и весь востокъ *ничего не можемъ сдѣлать*, пока не загладимъ грѣхъ церковнаго раздѣленія, пока не воздадимъ должное власти первосвященнической. Если Россія и Славянство есть новый „домъ Давидовъ“ въ христіанскомъ мірѣ, то вѣдь самъ Божественный Возстановитель Давидова *Царства* принялъ крещеніе отъ Іоанна изъ рода Ааронова,—представителя *священства*. „*Тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*“ (Матѳ. III, 15).

Сердце мое горитъ отъ радости при мысли, что имѣю такого руководителя какъ Вы. Да сохранитъ Богъ на долгія лѣта Вашу драгоцѣнную главу для блага святой церкви и народа славянскаго.

Многа имѣхъ писати, но не хочу черниломъ и тростью писати тебѣ: уповаю же абіе видѣти тя, и усты ко устамъ глаголати.

Испрашивая Вашего архипастырскаго благословенія, остаюсь Вашего Преосвященства покорный слуга

Владиміръ Соловьевъ.

2.

29 Juni 1886. Wien, Goldnes Lamm.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Послѣ многихъ препятствій удалось мнѣ наконецъ пріѣхать въ Австрію. Черезъ нѣсколько дней отправляюсь въ Загребъ, а оттуда въ Дьяково для свиданія съ Вами, что́ составляетъ главную цѣль моего путешествія.

Изъ письма о. Тондини къ знакомой моей, княгинѣ Волконской, узналъ я, что посланное Вами ко мнѣ письмо было Вамъ возвращено. Чрезвычайно было мнѣ это прискорбно, но отчасти былъ утѣшенъ полученіемъ „Окружнаго Посланія“ — это было для меня великою радостью. Оно дошло до меня только въ *маѣ* мѣсяцѣ. Въ маѣ же достигло меня и письмо о. Тондини, посланное, кажется, въ январѣ или февралѣ.

Я уже и не отвѣчалъ, ибо при такомъ странномъ состояніи почтовыхъ сообщеній переписка является нецѣлесообразной.

Слава Богу! Теперь я свободенъ, и никакія δυνάμεις καὶ ἐξουσίαι τοῦ κόσμου τούτου не помѣшаютъ мнѣ видѣться и бесѣдовать съ Вами.

Въ увѣренности скораго свиданія остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностью

Вашъ Владиміръ Соловьевъ.

3.

[1886.]

Monseigneur!

Après Vous avoir quitté en réalité, je n'ai cessé de Vous voir en rêve chaque nuit. Votre lettre si bonne pour moi et Votre admirable épître évêque Nicolas (que je ne tarderai pas à copier et à envoyer à sa destination) m'ont beaucoup réjoui. Seulement c'est très triste que Vous devez garder la chambre. Nos amis m'ont raconté quelques petites imprudences, une promenade dans une heure un peu trop avancée, etc. Votre santé est trop nécessaire pour tout le monde, et quoique je suis sûr que Vous êtes sous une surveillance spéciale des bons anges, cependant je me permets de Vous recommander un proverbe russe: береженаго и Богъ бережетъ, c'est-à-dire: Dieu garde celui qui se garde bien.

Je Vous envoie, Monseigneur, le petit mémoire que Vous savez. Je l'ai amplifié et rédigé en forme de lettre adressée à Vous.

Si Vous croyez en faire quelque usage, ne serait-il pas commode, au lieu de la copier, de l'imprimer dans un très petit nombre d'exemplaires pour les cercles intimes? Je m'en remets absolument à Votre jugement.

J'ai reçu quelques bonnes nouvelles de la Russie. Ah! si Dieu nous accordait seulement le bonheur de Vous voir à Pétersbourg ou à Moscou, cela changerait beaucoup de choses, et ce serait pour nous une occasion unique d'expier nos péchés envers Votre précurseur Krizanič.

Je Vous prie, Monseigneur, de remettre mon salut cordial à notre bon ami Cepelič et à tous Vos dignes chanoines et prêtres.

Mes rêves me prouvent que j'ai vraiment laissé une partie de mon âme à Djakovar. J'espère encore venir la chercher un jour.

En attendant ce jour bienheureux pour moi, je Vous demande, Monseigneur, Votre bénédiction et je Vous prie de croire aux sentiments de dévotion et de vénération avec lesquels je suis,

Monseigneur,
Votre fils et serviteur très obéissant
Vlad. Soloviev m. p.

4.

Agram, 9—21 Sept. 1886.

A Son Excellence

Mgr I. G. Strossmayer, Evêque de la Bosnie et de Sirmium, Vicaire Apostolique en Serbie, Conseiller d'Etat de S. M. A., etc. etc.

Monseigneur!

La Providence, la volonté du Souverain Pontife et Vos propres mérites ont fait de Vous un vrai médiateur entre le St.-Siège, qui de droit divin possède les clefs des destinées futures du monde, et la race Slave, qui selon toutes les probabilités est appelée à réaliser ces destinées. Non content d'avoir puissamment contribué à la résurrection merveilleuse de Votre illustre nation Croate, non content de rester pour elle comme un palladium vivant de son indépendance, Vous avez pris à cœur les interêts supérieurs des autres peuples Slaves, dont la majorité avec la Russie en chef se tient dans un éloignement déplorable de la grande unité catholique. Votre coeur généreux s'est ouvert à cet Orient toujours gros d'avenir, et Votre intelligence lumineuse Vous a fait voir que le principal obstacle pour l'accomplissement de cet avenir consiste dans le malentendu millénaire qui continue à isoler et à priver du support mutuel les deux grandes moitiés du monde chrétien. Dès lors appuyé sur la Pierre inébranlable de l'Eglise, protégé et encouragé par la sagesse bienveillante du grand Pontife Romain (qu'une antique prophétie a distingué dans la série de Papes par le surnom mystique de „Lumen in coelo“)— Vous avez employé Votre génie et Votre éloquence admirable à servir la cause divine de la Réunion des Eglises.

En rendant grâce à Dieu d'avoir donné à une telle cause un tel défenseur, je me permets, Monseigneur, de Vous adresser quelques remarques concernant les circonstances favorables à la solution désirée du grand problème qui Vous occupe, en Vous

priant de faire de ce petit mémoire l'usage qui Vous paraîtra convenable.

L'Eglise Orientale n'a jamais déterminé et présenté à la croyance des fidèles *comme dogme obligatoire* aucune doctrine contraire à la vérité catholique. Les décisions dogmatiques des sept premiers conciles œcuméniques forment toute la somme de vérités doctrinales absolument indubitables et immuables, constamment et universellement reconnues par l'Eglise Orientale *dans sa totalité*. Tout ce qui va au delà est sujet à la controverse et ne peut être considéré que comme doctrine particulière de telle ou telle école théologique, de tel ou tel théologien individuel plus ou moins estimé, mais ne possédant jamais l'autorité du magistère infaillible.

Les actes de quelques conciles particuliers (après la séparation des Eglises) et certains catéchismes (comme celui de Pierre Moguila de Kief ou celui de Philarète de Moscou), malgré toute la considération dont ils jouissent, n'ont jamais reçu la sanction suprême et définitive de l'Eglise Orthodoxe qui ne pourrait transformer leurs doctrines en dogme de foi qu'en usant de l'organe infaillible d'un concile œcuménique, ce qui lui est absolument impossible dans son isolement actuel. Ainsi il se trouve que notre Eglise ne possède aucun livre symbolique dans le sens attribué à ce terme par les catholiques, ou même par les protestants. Il y a quarante ans, un protestant allemand a publié sous le titre de „Libri symbolici Ecclesiæ Orientalis“ (qu'il a changé après en cet autre: „Monumenta fidei Ecclesiae Orientalis“) un recueil de documents de différentes époques et de valeur très inégale, entre autres, un écrit décidément hérétique et généralement reconnu chez nous comme tel (la Confession Orientale, Ἀνατολικὴ ὁμολόγησις du célèbre patriarche calvinisant Cyrille Loucaris). Le recueil de M. Kimmel ne possède évidemment aucune espèce d'autorité ecclésiastique et n'est connu chez nous que des spécialistes. A peu près dans le même temps, notre gouvernement publia (en grec, ancien slave et russe moderne) sous le titre de „Livre de Règles“ („Kniga pravil“) un code des lois ecclésiastiques, qui, outre les canons disciplinaires des Apôtres, des conciles et des quelques Pères vénérés par l'Eglise Universelle, contient aussi les vérités de la foi orthodoxe, à savoir celles qui ont été formulées dans les deux symboles (de Nicée et de Constantinople) et dans les trois définitions (ὅροι) du quatrième, sixième et septième concile

œcuménique. Il est évident que ce code officiel de notre Eglise ne contient aucune erreur ni aucun élément anticatholique [1]).

C'est un fait constant que les opinions de nos théologiens orientaux plus ou moins contraires à la vérité catholique ne sont en général ni proclamées par eux-mêmes, ni acceptées par les fidèles *comme dogmes obligatoires et infaillibles*, ou au même titre que les décisions des conciles œcuméniques; et alors il est de toute évidence qu'on ne peut pas équitablement rendre l'Eglise Orientale, comme corps, responsable de ces doctrines anticatholiques de nos théologiens, auxquelles elle n'a jamais donné sa sanction définitive.

La distinction entre la doctrine d'une école théologique et la doctrine de l'Eglise dont cette école fait partie,—cette distinction est jusqu'à un certain point applicable au Catholicisme lui-même. Pour ne citer qu'un exemple, il est connu de tout le monde que pendant des siècles toute une grande école théologique, celle des Thomistes, et tout un grand ordre religieux, celui des dominicains, attaquaient ou du moins ne voulaient pas reconnaître la vérité sublime de l'Immaculée Conception de la Très Sainte Vierge, en affirmant sa participation au péché original. Mais qui aurait l'audace de rendre toute l'Eglise Catholique responsable de cette erreur de théologiens fort respectés d'ailleurs, mais qui sur ce point ne représentaient que leur propre opinion?

Il est clair maintenant que cette distinction nécessaire entre la doctrine de l'Eglise comme telle et la doctrine de l'école ou des théologiens est très profitable pour la cause de la Réunion des Eglises. En effet *les dogmes de notre Eglise*, se réduisant aux décisions des conciles œcuméniques, *sont* par conséquent tout à fait *orthodoxes et catholiques* et les doctrines des théologiens en contradiction avec le Catholicisme ne sont pas des dogmes de foi déterminés par l'Eglise. Ainsi nous sommes unis avec le Catholicisme par ce que nous reconnaissons nous-mêmes comme vérité absolue et immuable, tandis que les erreurs qui nous séparent de l'unité catholique ne sont que des opinions

---

[1]) Dans les codes des lois religieuses qui étaient en vigueur chez nous jusqu'au commencement de ce siècle (les ainsi appelés „Kormčija Knigi", „Livre de gouvernail"), il se trouvait quelques fables absurdes inspirées par la haine Byzantine du Catholicisme. Mais c'est justement à cause de ces fables que notre gouvernement a trouvé opportun de supprimer l'usage ecclésiastique des anciennes „Kormčija" et de les remplacer par le nouveau „Livre des Règles".

n'ayant aucune autorité supérieure même aux yeux des auteurs et fauteurs de ces opinions.

Quant au corps des fidèles de l'Eglise Orientale, on ne peut les accuser d'aucune erreur déterminée, leur foi étant la même que la foi catholique, sauf l'ignorance de quelques définitions doctrinales faites en Occident après la séparation et concernant principalement le vrai caractère et les attributs du pouvoir suprême dans l'Eglise, ignorance d'autant plus excusable que ce point de la doctrine catholique n'a été définitivement fixé et expliqué par l'Eglise Occidentale elle-même que dans une époque très récente, au dernier concile du Vatican.

D'ailleurs il ne faut pas oublier, et c'est là une circonstance très grave et très avantageuse pour la cause de la Réunion, qu'il n'existe dans l'Eglise Orientale aucun accord intérieur, aucune unité de vue par rapport à l'Eglise Catholique. Comme il n'y a pas eu (et, selon nos meilleurs théologiens, il ne peut y avoir) de concile œcuménique en Orient après la séparation des Eglises, il se trouve que la cause de cette séparation n'a pas été jugée par la seule autorité compétente que nous pourrions reconnaître dans une telle affaire; de sorte que notre schisme n'existe pour nous-mêmes que *de facto* mais aucunement *de jure. Adhuc sub judice lis est* [1]).

Dans cet état de la question, il n'y a pas lieu à s'étonner de l'extrême variété d'opinions diverses et contradictoires professées par les théologiens russes et grecs en ce qui concerne le Catholicisme. Tandis que certains écrivains (peu nombreux heureusement) vont jusqu'à affirmer que le Catholicisme est non seulement en dehors de la vraie Eglise, mais aussi du Christianisme en général, d'autres personnes plus compétentes et plus autorisées (comme par exemple le métropolitain actuel de Kief, le très vénéré Mgr Platon) déclarent publiquement que

---

[1]) Au concile de Florence, Isidore, métropolitain de toute la Russie, accepta, comme on sait, l'union avec Rome. Arrivé à Moscou (où se trouvait déjà le centre réel de l'Etat et de l'Eglise Russe), il proclama l'acte de l'union à la cathédrale de l'Assomption de la Ste. Vierge. Les boyards et le peuple, dit un chroniqueur, écoutaient en silence. Seul le grand-duc Basile se leva et, en déclarant qu'il n'accepterait jamais l'union, menaça le métropolitain de déposition et de prison. Isidore émigra en Italie, où il mourut comme cardinal de l'Eglise Romaine. Après quelques années, les neveux du grand-duc s'insurgèrent contre lui, le firent captif et lui crevèrent les yeux. Restitué au trône, il reçut du peuple le surnom d'Obscur ou de Ténébreux, avec lequel il resta dans notre histoire (Vassili Temny).

l'Eglise Orientale et l'Eglise Occidentale sont deux soeurs jumelles, séparées seulement par les malentendus [1]).

Entre ces deux vues extrêmes, toutes les nuances possibles de points de vue négatifs et positifs, d'antipathie et de sympathie envers l'Eglise occidentale sont représentées dans notre littérature théologique [2]).

Outre les différences d'opinion entre les théologiens individuels, il y a encore un grand contraste entre l'Eglise Russe et l'Eglise Grecque (proprement dite) dans leurs manières respectives de traiter les catholiques. Tandis que les grecs, comme pour se moquer de leurs propres tentations d'union, maintiennent l'usage absurde et sacrilège de rebaptiser les chrétiens occidentaux qui veulent entrer dans leur communion (sans faire aucune différence entre les catholiques et les protestants), en Russie au contraire non seulement le baptême de tous les chrétiens occidentaux est reconnu comme valable, mais encore, en ce qui regarde l'Eglise Catholique, on reconnaît chez nous la validité des autres sacrements administrés par elle, et notamment du sacrement de l'ordre, en conséquence de quoi les évêques et prêtres catholiques sont reçus chez nous au même rang ecclésiastique. Et, ce qui est encore plus remarquable, dans l'année 1839, quand les Ruthènes unis ont été forcés d'entrer dans la communion de l'Eglise dominante en Russie, on n'a demandé à ce *peuple* aucune abjuration de leurs croyances catholiques. Tout cela nous autorise à conclure que l'Eglise Russe reconnaît non seulement l'efficacité de la grâce dans l'Eglise Occidentale, mais aussi l'absence de toute erreur dogmatique ou de toute hérésie dans l'enseignement catholique. Et si en même temps il se trouve en Russie des écrivains se disant orthodoxes et approuvés par une certaine partie du clergé qui reproduisent les anciennes injures des hérétiques en déclarant que le

---

[1]) Un discours dans ce sens a été prononcé par Mgr Platon en 1884 dans une eglise catholique qui se trouve dans les confins de son diocèse. Les fidèles des deux confessions accourus en foule ont accueilli avec une vive joie les paroles de paix et de charité que le sentiment chrétien a mises dans la bouche de ce pontife plus qu'octogénaire. Les éléments antichrétiens en Russie et en Pologne furent alarmés et tâchèrent par tous les moyens possibles d'annuler les bons effets de cet incident.

[2]) Ce qui met peut-être encore plus en évidence la position indécise de notre Eglise par rapport au Catholicisme, c'est que des individus déclarant publiquement qu'ils croient les „nouveaux" dogmes catholiques être le développement légitime de la doctrine orthodoxe, peuvent rester en communion parfaite avec l'Eglise Orientale. Je puis constater ce fait par mon expérience personnelle.

Catholicisme n'est autre chose que l'Antichristianisme, etc., ce n'est là qu'une de ces contradictions nombreuses qui en somme présentent un grand avantage pour la cause de la Réunion. En effet, toutes ces contradictions, étant reconnues, formeront nécessairement un *stimulus* intérieur qui devra nous pousser à mettre la question au grand jour et à tâcher de la résoudre. Une fois que l'attention publique sera sérieusement appelée sur l'état anormal de nos rapports religieux et ecclésiastiques, il faudra faire quelque chose pour en sortir. Et comme il est certain qu'il y a chez nous à cet égard plus d'ignorance que de mauvaise volonté, il suffira d'éclairer le problème par la lumière pure de la vérité et de la science pour qu'il soit déjà résolu *en principe*.

Quant à la solution pratique, il faut considérer comme une circonstance très favorable le fait que l'Eglise Orientale, et en particulier l'Eglise Russe, n'a jamais fait partie du patriarcat d'Occident, de sorte que la centralisation uniforme du pouvoir ecclésiastique, qui s'est développée dans les limites de l'Eglise Latine, ne peut équitablement nous être imposée dans toute sa force. La constitution actuelle de l'Eglise Catholique est déterminée jusqu'à un certain point par le fait déplorable du schisme oriental qui a limité pendant des siècles l'action catholique au seul patriarcat latin, où l'Eglise Universelle devait gagner en unité ce qu'elle a perdu en extension. *Scd peremte causa tollitur effectus*. L'unité ancienne une fois rétablie, l'Eglise Catholique, en restant *toujours Romaine* par le centre de l'Unité, ne sera plus dans sa totalité latine et occidentale, ce qu'elle est maintenant par l'uniformité de son organisation et de son administration (nonobstant la tolérance des rites différents qui n'occupe qu'une place tout à fait secondaire). *Romana*, c'est le nom du centre qui existe immuablement et également pour toute la circonférence; *Latina*, cela ne désigne qu'une moitié, une grande section du cercle, qui ne doit jamais absorber définitivement le tout. C'est l'Eglise de Rome et non l'Eglise Latine qui est *mater et magistra omnium ecclesiarum*; c'est l'Evêque Romain, et non le Patriarche de l'Occident, qui parle infailliblement *ex cathedra;* et il ne faut pas oublier qu'il y avait un temps où l'Evêque de Rome parlait grec.

Il y a chez nous nombre de gens qui voudraient l'unité, mais qui ont peur d'être latinisés. Il faut donc leur donner l'assurance que si l'Eglise Orientale revient à l'Unité Catholique, si elle reconnaît au St.-Siège le pouvoir voulu et institué par Notre-Seigneur dans

la personne de St.-Pierre pour sauvegarder l'unité, la solidarité, et le progrès légitime de toute la chrétienté, elle conservera non seulement son rite (ce qui va sans dire), mais aussi toute l'autonomie d'organisation et d'administration que possédait l'Orient avant la séparation des Eglises. Pour toucher un point particulier, la position supérieure qui appartenait toujours dans l'Eglise Orientale (et qui appartient maintenant en Russie) au pouvoir de l'Empereur orthodoxe, doit rester intacte.

En résumant ce qui a été dit plus haut, la base essentielle de la Réunion des Eglises est déterminée par deux distinctions:

1) La distinction entre les opinions particulières de nos théologiens, qui peuvent être erronées, anticatholiques et hérétiques, et la foi de l'Eglise Orientale dans sa totalité, qui reste orthodoxe et catholique.

2) La distinction entre l'autorité du Pape comme successeur de St.-Pierre, *pastor et magister infallibilis Ecclesiae universalis*, et son pouvoir administratif comme Patriarche de l'Occident, distinction garantissant l'autonomie de Eglise Orientale, sans quoi la Réunion serait, humainement parlant, impossible.

Je n'ai pas à insister sur ce dernier point. J'ai une confiance entière dans la sagesse traditionnelle (et divinement assistée) de l'Eglise Romaine et dans l'intelligence supérieure et les vertus particulières du Grand Pontife actuel. Il ne s'agit pas pour nous des droits à défendre, mais de l'amour paternel à accepter.

Du reste la Réunion des Eglises serait également profitable pour les deux parties. Rome gagnerait un peuple pieux et enthousiaste pour l'idée religieuse, elle gagnerait un défenseur fidèle et puissant. La Russie, qui par la volonté de Dieu a dans ses mains les destinées de l'Orient, non seulement se débarrasserait du péché involontaire de schisme, mais encore et *eo ipso* serait libre d'accomplir sa grande vocation universelle, de réunir autour de soi toutes les nations Slaves et de fonder une nouvelle civilisation réellement chrétienne, c'est-à-dire réunissant les caractères de la vérité une et de la liberté multiforme dans le principe suprême de la Charité, comprenant tout dans l'unité et distribuant à tous la plénitude du bien unique.

En soumettant à Votre Excellence ces quelques réflexions sur un sujet qui Vous est tellement à cœur, je Vous prie d'accepter

l'assurance de mes sentiments de vénération et d'admiration la plus profonde, avec lesquels je reste toujours,

Monseigneur,
Votre fils et serviteur très dévoué
Dr. Vladimir Soloviev.

Замѣтка о Соловьевѣ, напечатанная на хорватскомъ языкѣ тогдашнимъ секретаремъ епископа Штроссмайера Милько Цепеличемъ.

1) Владиміръ Соловьевъ писалъ епископу 21-го сентября 1886 г. и послалъ собственноручно написанную записку относительно соединенія церквей. Эта записка напечатана въ Дьяковѣ только въ 10 экземплярахъ. Одинъ посланъ нунцію въ Вѣнѣ (Серафиму Ванутелли), другой кардиналу-секретарю Рамполлѣ въ Римѣ, третій папѣ Льву XIII, три взялъ Коста Войновичъ для своихъ друзей, а четыре посланы были Соловьеву.

2) Получивъ это письмо Соловьева, епископъ пишетъ 12-го октября 1886 г. нунцію Ванутелли въ Вѣну прежде всего о томъ, что нельзя собрать провинціальнаго синода въ Хорватіи, на которомъ можно было бы поискать средствъ противъ язвъ, разъѣдающихъ католическую церковь въ Хорватіи; между прочимъ—противъ анти-христіанскаго направленія бана Кунъ-Гедервари. Такого синода не хочетъ и митрополитъ Михаловичъ, находящійся подъ вліяніемъ Куна и мадьяръ, а вмѣстѣ съ нимъ не хочетъ этого и сеньскій епископъ Посиловичъ.

Послѣ того, Штроссмайеръ переходитъ къ вопросу о соединеніи церквей и упоминаетъ о Соловьевѣ—и пишетъ дословно такъ:

Secunda causa, quam cum Excellentia Vestra communicandam habeo, est causa gravissima et divinissima unionis ecclesiae orthodoxae cum ecclesia romano-catholica. Notum forsitan jam erit Excellentiae Vestrae Dominum Soloviev ab aliquo tempore morari Zagrabiae, ubi typis excuditur diffusius opus trium voluminum de unitate Ecclesiae. D. Soloviev et Rohicii et hicce Diacovae me visitavit. Objectum nostrorum colloquiorum utique semper semperque fuit unio ecclesiarum. Recentissime mihi submisit litteras, quas ego in decem exemplaribus typis excudi curavi. Tria harum litterarum

exemplaria Excellentiae Vestrae submitto; duo forsitan Romam mitti poterunt. Soloviev anima candida, pia ac vere sancta est. Illius et multorum apud nos, quibus et ipse accedo, opinio est: consultum et unioni promovendae et propitium fore, si Sua Beatitudo, occasione sui gloriosi jubilaei de hacce unione proloqui dignaretur, eo potissimum scopo, ut inanem metum Orthodoxorum tollat, quasi, unione sancta, propria eorundem autonomia, aut quaecumque alia jura et privilegia saeculorum usu consecrata, periclitari quoquo demum modo possint, cum verissimum et indubium sit, unione sancta, hanc autonomiam, haecce jura et privilegia divinitus obsignari et nativae suae fertilitati redonari debere. Ego ipse forsitan decursu adhuc hujus anni, si vita et vires superstites fuerint, aliquid elucubrabor, quo probem: nationem slavicam, extra sinum sanctae matris ecclesiae constitutam, tunc nonnisi de providentia sua in Europa ac Asia praedestinatione certam et securam esse posse, si ceu ramus resectus ad priscam arborem suam, si ceu radius avulsus ad solem suum, si ceu rivus partim aridus ad fontem suum quo ocius reversusa fuerit, advehendo ea, quae praevie hunc in finem ceu prooemium quoddam evenire praepararique deberent. In hisce horrendis calamitatibus, quas quotidie fere subimus, quibusque graviores adhuc et funestiores toto fere mundo impendent, indubium est, animas candidas et vere pias divino quodam impulsu ad *unitatem* tendere, utpote unicum tantorum malorum remedium. Hujus rei vivum testimonium advecto fragmentum litterarum principissae Volkonski, quo evidens fit, in ipsa quoque ecclesia slavica orthodoxa pro unione promovenda et divinam victimam, aeternum omnis caritatis, concordiae et unitatis pretium et pignus, quotidie offerri, et preces assiduas hoc sancto fine ad Deum O. Maximum fundi.

Haec tantarum piarum et sanctarum animarum vota et desideria certe suo tempore exaudiet Deus. Ego ipse ceu peccator vix mereor, ut auroram adminus laetissimae hujusmodi diei conspiciam, ast Soloviev et principissa Volkonski et aliae animae piae et sanctae merebuntur certe, ut videant, si non lucem plenam, adminus stellam matutinam hujus laetissimae lucis, quam Pater aeternus in consolationem eorum, qui in pessimis adjunctis non desperabant, sed vires suas ad unionem promovendam impendebant, in sua tenet potestate.

Soloviev et ego condiximus, ut Romae tempore sacerdotalis jubilaei summi et gloriosissimi Pontificis nostri conveniamus,

utque pro consiliis et intentionibus nostris lumen et benedictionem papalem efflagitemus.

Ceterum cum summa veneratione etc.
Diakovae die 12. 8-bris 1886.
Josephus Georgius
Eppus.

3) Съ 10-го по 20-е апрѣля 1888 г. епископъ Штроссмайеръ былъ съ хорватскими паломниками въ Римѣ, и 14-го апрѣля онъ представилъ папѣ хорватскихъ паломниковъ, хотя австро-венгерская дипломатія хотѣла этому воспрепятствовать, такъ какъ желала, чтобы паломниковъ представилъ митрополитъ Михаловичъ, который, впрочемъ, не рѣшился поѣхать въ Римъ.

Во время этого папскаго юбилея (50-лѣтія священства) долженъ былъ встрѣтиться въ Римѣ съ епископомъ и уважаемый Соловьевъ, но онъ не пріѣхалъ, и долженъ былъ пріѣхать въ началѣ мая. Поэтому епископъ, до своего отправленія домой, написалъ въ Римѣ 9-го апрѣля 1888 г. большую записку св. Отцу и представилъ ее черезъ посредство кардинала-секретаря Рамполлу; въ ней онъ жалуется на нѣкоторыхъ далматинскихъ епископовъ, которые пре-слѣдуютъ старо-славянскую литургію (т. е. глаголиташей, служащихъ обѣдню по-славянски по глаголическимъ книгамъ), защищаетъ сплѣтскаго (т. е. города Spalato) епископа Марка Каложжера и проситъ, чтобы сплѣтская епископія была возведена въ архіепископію, каковой она нѣкогда и была. Въ самомъ началѣ этой записки онъ сообщаетъ Рамполлѣ, что этою весною прибудетъ въ Римъ Владиміръ Соловьевъ, человѣкъ настолько же ученый, насколько и благочестивый, который много хлопочетъ по дѣлу о соединеніи церквей. Онъ проситъ Рамполлу допустить его къ св. Отцу въ аудіенцію и чтобы св. Отецъ благословилъ его дѣятельность.

Въ Рождество 1888 г. Соловьевъ былъ второй и послѣдній разъ въ Дьяковѣ. (Первый разъ, думаю, въ 1885 или 1886 г. осенью, когда въ Дьяковѣ были и Войновичи, и Рачкій.) Онъ провелъ праздникъ Рождества съ нами и часто гулялъ по епископскому парку, въ которомъ была чудная зеленая трава. Онъ удивлялся, что у насъ такая мягкая зима. Онъ уже тогда сильно кашлялъ, и было замѣтно, что онъ слабѣетъ. Онъ и у насъ не хотѣлъ ни ѣсть

мяса, ни пить вина. Съ той поры не помню, чтобы онъ болѣе переписывался съ епископомъ. Онъ только поздравлялъ епископа съ праздникомъ Пасхи телеграммою: „Христосъ воскресе!“ и епископъ на его Пасху отвѣчалъ: „Во-истину воскресе“.

Въ 1889 г. въ Парижѣ напечатана его книга: „La Russie et l'Eglise universelle“ у Альберта Савина, 12, rue des Pyramides. Экземпляровъ двадцать получилъ епископъ. Въ книгѣ 336 страницъ въ малой четверткѣ.

Въ послѣдній разъ отозвался Соловьевъ, уже сильно больной, въ Рождество 1896 г. такою телеграммою:

Царское Село. 25. XII. 1896.

Monseigneur Strossmayer.

Félicitations, souhaits, prières. Souvenir de coeur, travaux, maladies, espoir en Dieu. Vladimir Soloviev.

Епископъ ему тотчасъ, какъ получилъ телеграмму, отвѣтилъ:

Merci pour les félicitations. Votre vie et santé précieuses pour l'église et la nation. Vivez donc, nous prions tous pour Vous. Moi je Vous bénis de tout mon coeur et souhaite que Votre santé soit bientôt parfaitement rétablie.

Strossmayer évêque.

Когда Соловьевъ проживалъ въ сентябрѣ 1886 г. въ Загребѣ, онъ часто бывалъ у Войновичей и нынѣ покойнаго Рачкаго, поэтому нѣтъ сомнѣній, что и у нихъ могли бы найтись его письма, хотя онъ и неохотно велъ переписку.

Письма къ В. Л. Величко.

1.

(Адресую Вамъ это письмо столь оффиціально, потому что колеблюсь между 34-ымъ и 38-ымъ № дома). [1])

Дорогой Василій Львовичъ!

Вчера я былъ такъ смущенъ любезнымъ вниманіемъ Маріи Георгіевны и Вашимъ, что не могъ, какъ слѣдуетъ, выразить своихъ чувствъ, о степени которыхъ свидѣтельствуетъ это посланіе— ибо я безъ сильныхъ побужденій писемъ не пишу. Итакъ, передайте, пожалуйста, Маріи Георгіевнѣ мою глубокую признательность и примите таковую же для себя.

Я доѣхалъ почти благополучно,— почти, потому что крушеніе товарнаго поѣзда передъ нашимъ заградило путь, и мы опоздали на 7 часовъ.

Я чувствую себя отлично во всѣхъ отношеніяхъ и собираюсь много работать.

До свиданья въ октябрѣ, дорогой Василій Львовичъ.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

Передайте Маріи Георгіевнѣ, какъ снисходительному судьѣ, нижеслѣдующее стихотвореніе, недавно написанное и еще не напечатанное:

Пусть тучи темныя грозящею толпою
Лазурь заволокли, —
Я вижу лунный блескъ: онъ ихъ тяжелой мглою
Не отнятъ у земли,

и т. д. [2]).

---

[1]) Письмо адресовано: „Министерство государственныхъ имуществъ. Г. чиновнику особыхъ порученій В. Л. Величко“. Штемпель: „23 авг. 1891 г. Крюково, Моск. губ.“

[2]) См. „Стихотворенія“ В. С. Соловьева, 3-е изд., стр. 55. *Прим. ред.*

2.

[1891.]

Вы меня извините, многоуважаемый Василій Львовичъ, передъ Маріей Георгіевной, если я немного опоздаю. Можетъ быть, меня задержатъ до $6^1/_2$ ч.

Если же пріѣду во-время, то придется къ 8-ми вернуться домой. Вотъ и свободный по видимости человѣкъ, а за нѣсколько часовъ не могу наканунѣ ручаться. До свиданія.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

3.

[1891.]

Многоуважаемый Василій Львовичъ!

Я остаюсь до вторника и могу воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ Вашей кузины, но, къ сожалѣнію, долженъ буду вечеромъ спѣшить домой для одного дѣлового свиданія.

Итакъ, до завтра.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

4.

[1891.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Меня задержали пріятели.

Если вы не очень рано уѣзжаете, то не можемъ-ли свидѣться завтра между 11 и 3 ч.?

Вашъ Влад. Соловьевъ

5.

[Письмо это помѣчено на коввертѣ: „Москва 12-го сентября 1892 г.“]

Очень былъ обрадованъ вѣстью отъ Васъ, дорогой Василій Львовичъ. Съ конца мая я жилъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ безвыѣздно. Имѣлъ дачу на Сходнѣ, и пользовался ею мало, вслѣдствіе разныхъ траги-комическихъ осложненій, которыми посмѣшу Васъ при свиданіи. Теперь окончательно утвердился въ Москвѣ. Въ Петербургъ раньше половины октября не попаду, а вѣрнѣе—въ концѣ. Листы для „Колумба“—сухіе или мокрые—все равно опоздали. Съ *эгоистической* точки зрѣнія я этому радъ, ибо одно изъ двухъ: или наше стихоблудіе осталось бы незамѣченнымъ и, слѣдовательно, мы теперь ничего не теряемъ, или же оно было бы замѣчено и въ такомъ случаѣ не скрылось бы и *безобразіе* моихъ виршей французскихъ, и я осрамился бы совершенно даромъ.

Чтобы не распространяться о себѣ, сообщу Вамъ одно свое предсмертное и другое посмертное стихотвореніе:

Не боюся я холеры,
Ибо приняты всѣ мѣры,
и т. д. [1])

Эпитафія.

Владиміръ Соловьевъ лежитъ на мѣстѣ этомъ;
Сперва былъ филозо́фъ, а нынѣ сталъ шкелетомъ.
Инымъ любезенъ бывъ, онъ многимъ былъ и врагъ;
Но, безъ ума любивъ, самъ ввергнулся въ оврагъ.
Онъ душу потерялъ, не говоря о тѣлѣ:
Её діаволъ взялъ, его-жъ собаки съѣли.
Прохожій! научись изъ этого примѣра,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вѣра [2]).

Будьте здоровы, дорогой Василій Львовичъ. Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ и сердечное привѣтствіе Маріи Георгіевнѣ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. стр. 107. *Прим. ред.*
[2]) Это стихотвореніе было уже напечатано въ „Новомъ Времени“. *Прим. ред.*

6.

[1892.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Завтра днемъ я заѣду къ Вамъ, чтобы засвидѣтельствовать мое почтеніе Маріи Георгіевнѣ и повидаться съ Вами, если только интересы русскаго земледѣлія или русской литературы не увлекутъ Васъ отъ домашняго очага на форумъ. Переселеніе мое въ Вашъ кабинетъ можетъ состояться только въ четвергъ—по причинамъ маловажнымъ sub specie aeternitatis, но настоятельнымъ sub specie svinitatis (species nova, non re scilicet, sed verbo, prius non audita, a me inventa et in latinitatem infimam introducta, de quibus scribere non oportet). А въ пятницу я буду свободенъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ Вашимъ и относительно обѣда. До скораго свиданія. Неизмѣнно Васъ любящій sub specibus omnibus.

Влад. Соловьевъ.

7.

[1892.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Почти уложился, пришлю съ комиссіонеромъ свою рухлядь, а нѣсколько позднѣе предстану и самъ. *Это навѣрно*, и въ доказательство обращаюсь къ Вамъ съ безцеремонной просьбой: сказать Вашей прислугѣ, чтобы приготовили мнѣ ванну часу къ 12-му вечера.

Примите это не за наглость, а за дружескую интимность.

Весь Вашъ

Влад. Соловьевъ.

8.

8 янв. 1893. Москва.

Тороплюсь кончать, чтобы письмо пошло сегодня же. Цѣлую ручки Маріи Георгіевны; очень былъ тронутъ Вашимъ письмомъ и телеграммами. Благодарю Фердинанда Георгіевича [1]) и всѣмъ сердечно кланяюсь.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Графа Ф. Г. де ла Барта, брата Маріи Георгіевны Муретовой. *Прим. ред.*

9.

[1893.

Здравствуйте, дорогой Василій Львовичъ! Волею судебъ я остаюсь въ Москвѣ еще на неопредѣленное время, раньше февраля—середины или конца—едва-ли попаду къ Вамъ. Зная Вашу всепревосходящую любезность ко мнѣ, по свойственному естеству человѣческому неблагородству, желаю злоупотребить оною. Соедините, прошу Васъ, прирожденное Вамъ поэтическое воображеніе съ обязательнымъ по службѣ чувствомъ формальной законности и войдите въ мое бѣдственное положеніе. Затронутъ казенный интересъ! Между моими книгами, оставленными въ квартирѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, есть одна, принадлежащая библіотекѣ императорскаго московскаго университета. Она мнѣ давно не нужна, послѣ того, какъ послужила для нанесенія смертельнаго удара Н. Н. Страхову, но по разсѣянности все забывалъ ее возвратить. Теперь она понадобилась одному приватъ-доценту, и начальство библіотеки съ меня ее спрашиваетъ. Я могъ бы обратиться прямо къ Владиміру Дмитріевичу, но смущаюсь мыслью о непрерывныхъ болѣзняхъ его жены и дѣтей; ему, можетъ быть, совсѣмъ не до того,—я не имѣю отъ него никакихъ извѣстій. Итакъ, наилюбезнѣйшій другъ, прошу Васъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней (но только не 10-го, ибо въ этотъ день предполагалось назначить свадьбу О. Д. Бушенъ) зайти со службы въ знакомыя Вамъ казармы и въ ящикѣ съ моими книгами, или въ шкапу съ таковыми же (въ ящикѣ вѣрнѣе), найти нѣмецкое сочиненіе „Lehrbuch der Culturgeschichte“ von Heinrich Rückert, въ двухъ томахъ, въ казенномъ зеленомъ переплетѣ и съ печатью московскаго университета. Найдя оную, для окончательнаго увѣнчанія Вашей любезности, растолкуйте тамошней Дунѣ, если она тамъ, что нужно послать эту книгу *цѣнною посылкою* мнѣ: Москва, Пречистенка, домъ Лихутина, съ доставленіемъ на домъ, съ застрахованіемъ и съ показаніемъ ея цѣнности въ 28 рублей, а

также снабдите упомянутую довольно толковую, хотя всегда беременную женщину, соотвѣтствующею суммою (не свыше 1 рубля кредитнаго)—сочтемся при свиданіи. Если же упомянутая Дуня окажется въ мукахъ родовъ, то замѣните ее по усмотрѣнію. Такъ какъ Вы пишете легче, чѣмъ я, то довершаю свою безцеремонность просьбою дать о себѣ вѣсть.

Отдавъ долгъ житейской дрязгѣ, спѣшу перейти къ болѣе благородному сюжету и сказать Вамъ, что всегда ношу Васъ и Вашихъ въ своемъ сердцѣ, часто вспоминаю съ особымъ удовольствіемъ о пріятныхъ дняхъ, проведенныхъ подъ Вашимъ милымъ и гостепріимнымъ кровомъ. Теперь я продолжаю быть удрученнымъ обязательнымъ работами, но къ марту мѣсяцу, надѣюсь, этотъ періодъ остраго, хотя и вынужденнаго, трудолюбія пройдетъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

10.

31 марта 1893 г. Москва.

Дорогой и безпредѣльно любезный Василій Львовичъ, Вы, конечно, догадываетесь, почему я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше милое письмо: я все былъ на отъѣздѣ въ Петербургъ. Наконецъ, рѣшился ѣхать завтра, въ четвергъ, но тронувшаяся Москва-рѣка навѣяла на меня такой гриппъ, что думаю немного переждать. Ваше письмо, конечно, склонило бы меня еще разъ злоупотребить вашею дружелюбною любезностью, если бы я не далъ еще прежде слова В. Д. Кузьмину-Караваеву остановиться у него по выходѣ замужъ его belle-soeur.

Голубчикъ Василій Львовичъ, пожалуйста, не обижайтесь и не сокрушайте меня дилеммою: котораго изъ двухъ друзей обидѣть?

Въ Москвѣ держала меня вовсе не дріада, а просто житейское колесо. Дріада же есть миѳъ: если не вѣрите мнѣ на-слово, то справьтесь въ любомъ руководствѣ по миѳологіи или реальномъ словарѣ. А если и этимъ не убѣдитесь, то вотъ Вамъ въ доказательство правды моихъ словъ (а также моей сердечной дружбы къ Вамъ) слѣдующая интимная стихо-проза:

Вы были для меня, прелестное созданье,
Что̀ для скульптора мрамора кусокъ;
Но сломанъ мой рѣзецъ въ усиленномъ стараньѣ,
А глыбы каменной онъ одолѣть не могъ.
Любить Васъ tout de même? Вотъ странная затѣя!
Когда же кто любилъ негодный матерьялъ?
О свѣтломъ божествѣ, любовью пламенѣя,
О свѣтломъ божествѣ надъ вами я мечталъ.
Теперь утѣшу Васъ. Пигмаліоны рѣдки,
Но есть каменотёсъ въ примѣтѣ у меня:
Изъ мрамора скамью онъ сдѣлаетъ въ бесѣдкѣ
И будетъ отдыхать отъ трудового дня.

Не пишу ничего болѣе въ увѣренности скораго свиданія. Цѣлую руки у Маріи Георгіевны и поздравляю ее съ праздникомъ. Сердечно кланяюсь Фердинанду Георгіевичу и всѣмъ вашимъ.

Искренно Васъ любящій
Владиміръ Соловьевъ.

11.

[1894.]

Спасибо за свѣдѣнія, дорогой Василій Львовичъ. По возвращеніи непремѣнно буду у Васъ. Въ стихахъ есть отличныя риѳмы, но совѣтъ Вашъ pèche par la base: N. не прогнанъ Любочкой. Васъ я за отказъ не считаю ни глупцомъ, ни трусомъ, а только человѣкомъ адской гордости, что̀ всего опаснѣе. Впрочемъ, я во всемъ этомъ никакого особеннаго интереса не имѣю и въ успѣхѣ дѣла далеко не увѣренъ.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Маріи Георгіевнѣ.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

[Сюда же приложена карточка Вл. С. слѣдующаго содержанія:—]

Очень жалѣю, что не засталъ Васъ, и прошу, если возможно, доставить мнѣ сегодня вечеромъ свѣдѣнія относительно Иматры, ибо я ѣду туда завтра утромъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ возвращаюсь и во вторникъ постараюсь быть у Васъ. До скораго свиданія во всякомъ случаѣ.

12.

Imatra, Rauha. 13—25 октября 1894.

„На берегу пустынныхъ“ водъ
Мнѣ муза финская явилась;
Я только вѣжливъ былъ—и вотъ
Она ужъ тройней разродилась.

Такъ начиналъ я посланіе дней десять тому назадъ, но съ тѣхъ поръ эта чухонка подарила мнѣ еще около десятка младенцевъ, изъ коихъ посылаю пока только одного, которому Вы по праву можете быть крестнымъ отцомъ, такъ какъ это—восточная басня. По формѣ она, кажется, удалась, но не ищите въ ней никакихъ аллегорій и намековъ—басня какъ басня.

Эѳіопы и бревно [1]).

Въ странѣ, гдѣ близъ воротъ потерянnаго рая
Лѣсъ дѣвственный растетъ,
Гдѣ пестрый леопардъ, зрачками глазъ сверкая,
Своей добычи ждетъ,
Гдѣ водится боа, гдѣ крокодилъ опасенъ
Среди широкихъ рѣкъ,
Гдѣ дерево, и звѣрь, и всякій гадъ прекрасенъ,
Но гадокъ человѣкъ,—
Ну, словомъ, гдѣ-то тамъ, межъ юга и востока,
Теперь, или давно,
На улицу села съ небесъ, по волѣ рока,
Упало вдругъ бревно...
Бревно то самое, что̀ возлѣ Мамадыша
Крестьянинъ Вахрамѣй
Въ пути отъ кабака, не видя и не слыша,
Съ телѣги стрясъ своей.
Лежитъ себѣ бревно. Народъ собрался кучей,
Дивится эѳіопъ,
И въ страхѣ отъ бѣды грозящей, неминучей
Трясетъ ужъ ихъ ознобъ!
Бревно межъ тѣмъ лежитъ. Вотъ, въ трепетѣ великомъ

---

[1]) Напечатано въ книгѣ В. Л. Величко: „Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія“ Спб., 1892 г., стр. 177—178. *Прим. ред.*

Ничкомъ къ нему ползутъ!
Бревно лежитъ бревномъ. И вотъ, въ восторгѣ дикомъ,
Ужъ гимнъ ему поютъ!
„Могучій кроткій богъ! Возлюбленный, желанный!“
Жрецы ужъ тутъ какъ тутъ:
Ужъ льютъ на край бревна елѳй благоуханный,
Коровьимъ каломъ трутъ [1])...
И скоро вѣсть прошла о новомъ чудномъ богѣ,
Окрестъ по всѣмъ странамъ.
Богослуженья чинъ установился строгій,
Воздвигнутъ пышный храмъ;
Изъ Явы, изъ Бурмы, Гоа, Джеллалабада
Несутъ къ нему дары.
Бревну такая жизнь, что помирать не надо,
Живетъ до сей поры!...
Урокъ изъ басни сей для всѣхъ народовъ равный.
Глупъ не одинъ дикарь:
Въ чести большой у насъ у всѣхъ бываютъ бревна
Сегодня, какъ и встарь.

Проза идетъ успѣшно по существу, но пока не такъ быстро, какъ хотѣлось бы—нѣсколько дней были поглощены поэзіей и природой. Вслѣдъ за этимъ письмомъ поѣду въ Петербургъ. Не обижайтесь, если не прямо къ Вамъ. Я не увѣренъ, устроилась-ли у Васъ спальня, и такъ какъ знаю, что изъ доброты ко мнѣ Вы готовы лишить себя самаго необходимаго удобства, то долженъ быть остороженъ, чтобы не допустить Васъ до этого. Но если у Васъ все въ порядкѣ, то поселюсь дня на четыре—кончать Канта, какъ два года тому назадъ—Гегеля.

Во всякомъ случаѣ до скораго свиданія, дорогой Василій Львовичъ. Усердно кланяюсь Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Искренно Васъ любящій
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Священный обычай у индусовъ. В. С.

13.

[1894.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Сегодня послѣдній понедѣльникъ у Стасюлевича, сегодня послѣдній срокъ *Идеала* и *Идеи* (не вообще, а для словаря), сегодня же, наконецъ, пріѣхалъ по пути за границу Трубецкой съ семействомъ. По всѣмъ симъ причинамъ единственный способъ мнѣ видѣться съ Вами сегодня—это заѣхать къ Вамъ на минуту поздно вечеромъ, часу въ 12-омъ. Предполагаю, что Вы останетесь до завтра. Итакъ, до полунощнаго свиданія.

Уважающій Васъ Влад. Соловьевъ.

14.

[1894.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Извѣстный Вамъ (кажется) Ф. проситъ 5 р. на свадьбу. Вы болѣе меня психологъ-наблюдатель. Поговорите съ нимъ, пожалуйста, чтобы узнать, есть-ли эта свадьба миѳъ, или дѣйствительность, и поступить согласно внутреннему убѣжденію. Если онъ внушитъ Вамъ какое-нибудь довѣріе, дайте ему, пожалуйства, (за мой счетъ) 5 р. Если же у Васъ таковыхъ свободныхъ не окажется, то по *моему* внутреннему убѣжденію не произойдетъ никакой бѣды, если Вы ему дадите меньше.

Будьте здоровы.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

До скораго свиданія.

15.

[1894.]

Дорогой Василій Львовичъ! Съ душевнымъ прискорбіемъ спѣшу извѣстить Васъ, что заболѣлъ горловою болью и сижу дома. Если бы еще другого рода болѣзнь, то я могъ бы, рискуя простудиться, пріѣхать къ Вамъ для чтенія, или же пригласить Васъ и гостей Вашихъ къ себѣ, но съ горловою болью я все равно ни у Васъ, ни у себя читать не способенъ. Итакъ, отложите „Магомета“ до будущей недѣли. Я не знаю, какой человѣкъ ахунъ,—если онъ дурно приметъ эту отсрочку, то, пожалуй, можно въ видѣ компенсаціи предложить ему читать у насъ. Впрочемъ, предоставляю это вполнѣ на Ваше усмотрѣніе. Прочелъ вчера рецензію Флексера [1]): явно-злобный шипящій тонъ, причины котораго не видны читателю, отнимаетъ, мнѣ кажется, всякое значеніе у этой выходки. Будьте здоровы Вы и Ваши.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. А. А. Волынскаго, „Борьба за идеализмъ“, Спб., 1900 г., стр. 417 и слѣд. *Прим. ред.*

16.

[1894.]

Дорогой Василій Львовичъ! Только-что я вчера заѣхалъ на минуту домой около полуночи, чтобы затѣмъ ѣхать къ Вамъ по обѣщанію, какъ вдругъ неожиданно явился пріѣхавшій изъ Москвы одинъ изъ тамошнихъ близкихъ моихъ друзей Преображенскій, сынъ моего стараго умершаго друга и литературнаго крестнаго отца (бывшаго редактора „Православнего Обозрѣнія“). Такъ какъ онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней по дѣламъ служебнымъ, то мнѣ никакъ нельзя было отсрочить свиданія съ нимъ или сократить оное. Комиссіонеровъ въ гостинницѣ по причинѣ поздняго часа не оказалось, а проводивъ своего гостя въ четвертомъ часу по полуночи, я не безъ основанія нашелъ, что ѣхать къ Вамъ уже поздно. Этимъ нарушеніемъ обѣщанія я былъ бы огорченъ еще болѣе, если бы не нарушилъ притомъ и своего намѣренія ѣхать сегодня въ Москву. Но мой отъѣздъ отлагается на неопредѣленное время, и потому я имѣю утѣшеніе и оправданіе въ томъ, что мы до онаго (т. е. отъѣзда) еще не разъ увидимся. Передайте, пожалуйста, Маріи Георгіевнѣ мои извиненія въ этой невольной неучтивости, и —до скораго свиданія.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

17.

Москва. Пречистенка, д. бывшій Лихутина. 8 мая 1894.

Экронскій богъ,
дражайшій Вельзевулъ! [1])

При многихъ высокихъ качествахъ (изъ коихъ высокій ростъ есть низшее) Вы имѣете одинъ важный недостатокъ — совершенное неумѣніе цѣлесообразно пользоваться прекраснымъ русскимъ выраженіемъ: „наплевать!“

Послѣ сего экивока перехожу къ „хвактамъ“. Получивши Ваше письмо, я отправился съ нимъ къ князю Сумбатову, который сказалъ, что сдѣлаетъ надлежащее заявленіе въ Обществѣ драматическихъ писателей, но печатать Ваше письмо рѣшительно не совѣтуетъ. Это (совпадшее съ моимъ) мнѣніе человѣка столь опытнаго въ сихъ дѣлахъ и несомнѣнно къ Вамъ хорошо расположеннаго должно, мнѣ кажется, быть для Васъ рѣшающимъ. Въ противномъ случаѣ я, конечно, могу, умывши руки, отправиться къ Соболевскому.

Письмо о религіи (въ которомъ я нашелъ нужнымъ только вычеркнуть двѣ строки) я передалъ Сумбатову, прося его по прочтеніи передать Хаханову. Но онъ сказалъ: какъ же это, когда я послѣ-завтра уѣзжаю изъ Москвы? На это я сказалъ: дѣлайте, какъ знаете. Онъ былъ со мною весьма любезенъ, но я засталъ его чѣмъ-то занимающимся съ какою-то молодою дамой или дѣвицей, а потому поспѣшилъ его оставить. Надѣюсь тѣмъ не менѣе, что въ ихъ занятіяхъ не было ничего противнаго истиннымъ правиламъ благоповеденія.

Что до меня надлежитъ, то я разсчитываю быть въ Петербургѣ около 20-го сего мая и былъ бы очень радъ, если бы еще засталъ Васъ тамъ. Будьте здоровы. Передайте мой сердечный привѣтъ Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ

---

[1]) „Вельзевулъ (Баллъ-зебубъ)“ значитъ „*господинъ мухъ*“ *); пользовался спеціальнымъ культомъ въ городѣ Экронѣ. В. С.

*) В. Л. Величко—авторъ комедіи „Муха“. *Прим. ред.*

18.

[1895.]

Дорогой Василій Львовичъ, напишите, что Ваша больная?— Посылаю Вамъ письмо, которое намѣренъ отправить сегодня Пыпину. Прочтите и возвратите съ моимъ посыльнымъ, а Вашими замѣчаніями,—согласіемъ или несогласіемъ. До четверга.

Влад. Соловьевъ.

Александру Николаевичу Пыпину.

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Я сижу безвыходно въ инфлуэнцѣ и даже лечусь у Боткина. При другихъ обстоятельствахъ заявленіе этого факта служило бы вступленіемъ къ просьбѣ навѣстить меня для дружескихъ и „иныхъ“ (чтый да разумѣетъ) разговоровъ. Но нынѣ, кромѣ инфлуэнцы, я одержимъ еще пророками [1]), о которыхъ неотложно и во что бы то ни стало долженъ читать въ еврейскомъ обществѣ въ среду вечеромъ. А посему не могу и мечтать ни о какихъ чувственныхъ и умно-чувственныхъ удовольствіяхъ [2]).

Пишу же Вамъ по слѣдующему поводу. Я передалъ Михаилу Матвѣевичу небольшую поэму моего друга Величко „Ангелъ Смерти“, въ которой точнѣйшимъ образомъ воспроизводится тюркская легенда (XIII или XIV в.) о богатырѣ Домрулѣ, родоначальникѣ Османовъ. Кромѣ прекрасныхъ стиховъ и яркихъ образовъ, поэма эта имѣетъ еще, на мой взглядъ, значительный историко-этнологическій интересъ,—но Михаилъ Матвѣевичъ возбудилъ возраженія главнымъ

---

[1]) Откуда не слѣдуетъ, чтобы я не былъ также одержимъ и пороками, но это не относится къ дѣлу. В. С.

[2]) Такъ какъ Вы склонны къ храненію письменной бумаги, то на всякій случай, для предупрежденія недоразумѣній со стороны будущаго читателя сего листка, поясню, что чувственныя удовольствія между мною и А. Н. Пыпинымъ ограничивались шахматной игрой. В. С.

образомъ внѣшняго свойства—длина (около 10 страницъ), отдаленность сюжета и т. п.

Послѣ жестокой при постановлено въ виду вышеуказаннаго характера этого стихотворенія перенести дѣло на Ваше разсмотрѣніе и рѣшеніе. При семъ я прошу Васъ не давать не только рѣшающаго, но и совѣщательнаго голоса нашему другу, юному мечтателю и кичливому петиціонеру Л. З. Слонимскому, яко подозрѣваемому въ уклоненіи отъ безпристрастія. До скораго, надѣюсь, свиданія.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

На письмѣ помѣтка:

Это письмо, конечно, не послано вслѣдствіи моего запрещенія.
В. Величко.

19.

[На штемпелѣ конверта: „Иматра, 12 (новаго стиля), I, 1895“.]

Отъ души поздравляю Марію Георгіевну и Васъ, дорогой Василій Львовичъ, съ новымъ 1895 (?) годомъ отъ Р. Х. и съ памятью иже во святыхъ отца нашего, вселенскаго учителя и святителя Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія, и желаю Вамъ уподобиться ему, не по характеру, ибо Вашъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, а по невозмутимости духа rebus in arduis, по постоянству и успѣшности трудовъ.

Въ день Вашего отъѣзда я написалъ еще стихотвореніе (см. на оборотѣ), а „Ночь на Рождество“ въ указанномъ Вами мѣстѣ исправилъ такъ:

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнутъ тьмою,
Но свѣтитъ онъ средь тьмы, гдѣ грань добра и зла.

Такимъ образомъ entre chien et loup исчезло.

Такъ какъ это стихотвореніо Вамъ нравится, то позвольте посвятить Вамъ его въ приготовляемомъ новомъ изданіи моихъ стиховъ (у Стасюлевича нельзя—онъ противникъ всякихъ посвященій). Справедливость требовала бы посвятить Вамъ весь сборникъ, но это вышло бы слишкомъ симметрично и вызвало бы навѣрно недоброжелательныя замѣчанія.

Будьте здоровы, голубчикъ, и бодры духомъ („Бди!“).

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Приложено стихотвореніе—*Сумерки.*

Шумъ далекій водопада

и т. д. [1]).

---

[1]) См. „Стихотворенія“, 3-е изд., стр. 87.

20.

[1985.]

Спасибо, дорогой Василій Львовичъ, за милое письмо. Замѣчанія Ваши о второмъ куплетѣ моего послѣдняго стихотвореньица совершенно справедливы, я Вамъ за нихъ очень признателенъ и непремѣнно постараюсь ими воспользоваться.

Не такъ справедливо основаніе, приводимое Вами для Вашей подписи на бумагѣ М. Просительное обращеніе къ извѣстной особѣ вовсе не есть заявленіе принциповъ. Принципіально защищать свободу печати и критиковать стѣсняющіе ее законы не возбраняется и въ самой печати; такую защиту и такую критику я еще недавно производилъ по болѣе щекотливому и болѣе важному предмету—свободы религіозной. Обращеніе же, о которомъ идетъ рѣчь, не есть принципіальное заявленіе, а практическій шагъ для достиженія положительнаго результата (въ смыслѣ внѣшней, легальной реализаціи даннаго принципа). Значитъ, суть дѣла здѣсь въ цѣлесообразности извѣстнаго средства, въ его пригодности для этой *практической* цѣли. Разумѣется, успѣхъ предпріятія, можетъ быть, и не во власти предпринимающихъ, но добросовѣстно сослаться на это соображеніе можно только тогда, когда сдѣлано все отъ насъ зависящее для обезпеченія успѣха. Въ настоящемъ же случаѣ не только не принято никакихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ, но сдѣлано, напротивъ, весьма многое, чтобы заранѣе обезпечить неуспѣхъ. Достаточно того, что дѣло явно поставлено подъ флагъ одного лица (М.), почтеннаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но или вовсе неизвѣстнаго „въ подлежащихъ сферахъ“, или извѣстнаго только съ худой стороны. Это обстоятельство въ связи съ нѣкоторыми другими, о которыхъ сообщу при свиданіи, отнимаетъ у всей этой затѣи сколько-нибудь серьезное значеніе и дѣлаетъ изъ нея какую-то штуку, невѣдомо зачѣмъ выкидываемую, что̀ можетъ принести настоящему дѣлу только вредъ. Вредъ, конечно, не важный, такъ что если Вы уже подписали означенную бумагу, то очень за Васъ огорчаться я не буду. Если же еще не подписали, то примите, пожалуйста, къ свѣдѣнію мои указанія и подумайте, могутъ-ли какіе-нибудь принципы обязывать Васъ къ участію въ завѣдомо безполезномъ и безсмысленномъ вздорѣ. Признаться сказать, эта затѣя производитъ на мое внутреннее обоняніе такое впечатлѣніе, что М. въ данномъ случаѣ есть только псевдонимъ нашего друга N. Впрочемъ,

для очищенія совѣсти замѣчу, что все выше сказанное основано на томъ, что мнѣ извѣстно объ этомъ дѣлѣ, но возможно, что я существеннаго не знаю, и что за явнымъ мальчишествомъ скрывается тайная дипломатическая мудрость, имѣющая свои невѣдомые мнѣ пути и ходы. Вы на мѣстѣ можете лучше узнать всѣ обстоятельства и вывести свое заключеніе. Во всякомъ случаѣ Вы можете сослаться въ объясненіе своей подписи на примѣръ такого несомнѣнно солиднаго и безупречнаго лица, какъ А. Мой же рѣшительный совѣтъ Вамъ все-таки не подписывать. Самъ я ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ поддерживать ни явнаго мальчишества, ни тайной дипломатіи чужой: довольно и своей.

Теперь о другомъ маленькомъ дѣлѣ--о „Недѣлѣ“ (плохой, повѣрьте, каламбуръ). Во избѣжаніе всякой возможности какихъ-нибудь недоразумѣній, я долженъ объяснить слѣдующее: имѣя всегда для своихъ статей два журнала—„Вѣстникъ Европы“ и „Вопросы Философіи“ и въ резервѣ третій—„Русскую Мысль“ (у которой я къ тому же въ маленькомъ долгу), мнѣ нѣтъ никакого резона искать еще органа. Я не искалъ, какъ Вамъ извѣстно. Я согласился только на переданную Вами просьбу редакціи (такъ я это понялъ). Не заставила-ли Васъ дружба ко мнѣ невольно преувеличить желаніе Гайдебурова имѣть меня своимъ сотрудникомъ? Итакъ, я дамъ статью лишь въ томъ случаѣ, если Вы можете рѣшительно поручиться, что она будетъ напечатана. Полагаю, Вы не считаете меня способнымъ дать статью нецензурную, или неудобочитаемую.

Вотъ Вамъ еще новое стихотвореніе [1]). Въ минуту досуга напишите свои замѣчанія.

Обнимаю Васъ отъ души и сердечно кланяюсь Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ вашимъ.

Неизмѣнно преданный
Влад. Соловьевъ.

P. S. Если придавать бумагѣ en question принципіальное значеніе, то простая учтивость требовала бы освѣдомиться предварительно, интересуется-ли извѣстная особа знать, какихъ принциповъ держатся гг. A, B, C, X, У, Z?

---

[1]) См. „Стихотворенія“, 3-е изданіе, стр. 88: „Отшедшимъ“. *Прим. ред.*

21.

Помѣтка на конвертѣ: „20 янв. 1895. Рауха“.

Дорогой Василій Львовичъ!

Альмъ торопитъ отправить Вамъ прилагаемую квитанцію, по которой Вы имѣете получить заказанный Вами столъ, — поэтому не пишу ничего сегодня.

На-дняхъ отправлю Вамъ отвѣтъ Гайдебурову (спасибо Вамъ за любезныя хлопоты) и новое стихотвореніе для Васъ.

Сердечный поклонъ Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

—26 градусовъ по Цельзію.

22.

Иматра. 3 февр. (23 янв.) 1895.

Дорогой Василій Львовичъ!

Спасибо Вамъ за безпокойство о моемъ здоровьѣ. Пока, слава Богу, я только мерзну отчасти, но не болѣю; думаю, что привыкъ къ этому перемежающемуся замерзанію и оттаиванію. Впрочемъ, черезъ недѣлю необходимо быть въ Петербургѣ. Надѣюсь, что тѣ обстоятельства, которыя задержали меня тотъ разъ въ туманномъ Петроградѣ, не повторятся, и что, посвятивъ нѣсколько дней дружбѣ, я скорѣе вернусь въ объятія своей послѣдней любви.

Прилагаю письмо Гайдебурову.

All right.

Вы, конечно, догадались, что если я не отвѣчалъ Вамъ немедленно на Вашъ вопросъ о Милютинѣ, то это потому, что Вамъ наврали. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и уѣхалъ обратно еще въ декабрѣ минувшаго года, до Рождества. Оставлять свою газету онъ намѣренъ только по окончаніи контрактнаго срока, именно въ концѣ 1896 г. Я продолжаю думать, что и для Васъ, и для дѣла было бы очень недурно, если бы вы приняли наслѣдіе Милютина, хотя бы лишь на такой же пятилѣтній срокъ (оставаясь причисленнымъ къ министерству). Это и службѣ не повредитъ: напротивъ! Я полагаю, что Милютинъ не обмѣняетъ своего редакторства иначе, какъ на генеральское мѣсто, и такимъ образомъ установитъ прецедентъ, которымъ и Вы потомъ воспользуетесь. Образуется новая категорія кавказскихъ генераловъ, за литературное отличіе на Кавказѣ,—и чтобы эти новые генералы имѣли, подобно старымъ, своего Ермолова, необходимо, по моему мнѣнію, чтобы Вашъ министръ Васъ усыновилъ и передалъ свою фамилію.

Но это все въ будущемъ, а пока, какъ видите, Вамъ нѣтъ никакого резона вступать съ Милютинымъ въ какія нибудь сношенія. Впрочемъ, зовутъ его Юрій Николаевичъ, а адресъ: Тифлисъ, редакція „Кавказъ“.

Поправки Ваши къ стихотворенію „Отшедшимъ“ приняты къ исполненію, и оно появится въ исправленномъ видѣ, а исправленія въ стихотвореніи „Сумерки“, сдѣланныя по Вашему указанію („Шумъ далекій водопада“), къ сожалѣнію, опоздали, въ доказательство чего Стасюлевичъ прислалъ мнѣ напечатанный листокъ, присовокупивъ свое мнѣніе, что прежняя редакція лучше, но я согласенъ съ Вами.

Будьте здоровы. До скораго свиданія, усердно кланяюсь Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Душевно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

При семъ письмѣ приложены стихотворенія: *Иматра* (см. „Стихотворенія“, 3-е изд., стр. 90); *Сонъ на лугу* (стр. 91); *Мигъ*: „Опять надвинулись“ (стр. 93).

Къ концу „Иматры“ Соловьевъ приписалъ слова:—

„Примѣчаніе Мефистофеля: „Когда человѣкъ войдетъ въ настоящія лѣта“...

23.

[Февр. 1895 г.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Вечеръ тютчевскій отложенъ на *четвергъ*, и надѣюсь, что Ваше дурное расположеніе духа и тѣла не протянется такъ долго. Эту записку передастъ Вамъ мой добрый знакомый Левъ Павловичъ Никифоровъ, который Васъ знаетъ по имени и съ которымъ, я увѣренъ, Вамъ будетъ интересно познакомиться. Прошу Васъ показать ему книгу, которую я совѣтую ему перевести. Если въ эту минуту она Вамъ не нужна, то дайте ее ему на нѣсколько дней, а я Вамъ ручаюсь за аккуратное возвращеніе.

Я простудился на похоронахъ Лѣскова и стараюсь меньше выѣзжать.

Если здоровы, то зайдите какъ нибудь, а то на-дняхъ заѣду къ Вамъ. Сердечно кланяюсь Маріи Георгіевнѣ.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

24.

[1895.]

Христосъ воскресе!

Милый другъ Василій Львовичъ! Я благополучно пріѣхалъ, но не совсѣмъ благополучно водворился въ Раухѣ. Она полна гостей, комната моя оказалась занятою, и мнѣ дали другую внизу, съ ходящими надъ моей головой индивидуями обоего пола и разнаго возраста. Зима здѣсь въ полной силѣ, и это начинаетъ быть скучнымъ. Нѣкоторая компенсація всего этого — сосѣдство семьи N., — воспоминанія о Неаполѣ и Сорренто, гдѣ я 19 лѣтъ тому назадъ слегка увлекался m-me N.,—теперь она наполовину оглохла и съ нею 3 взрослыхъ дочери. Сейчасъ Альмъ принесъ мнѣ съ десятокъ писемъ,—между прочимъ, просьбу о переводѣ на шведскій и на французскій языки моего „Принципъ наказанія“. Но, чтобы я не возгордился, тутъ же письмо отъ одного изъ братьевъ Перцовыхъ такого содержанія: хотя Вы въ сущности—*canoгъ*, но такъ какъ Вы все-таки стали „нѣсколько извѣстны“ послѣ Вашей рецензіи о русскихъ символистахъ, то мы просимъ Васъ написать намъ рекламу.

Какъ посовѣтуете: написать или нѣтъ?

Примите, дорогой Василій Львовичъ, и передайте сердечно уважаемой Маріи Георгіевнѣ мою глубокую признательность за безпредѣльное гостепріимство и любезность. До свиданія черезъ мѣсяцъ, а пока не оставляйте письмами.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

25.

[На конвертѣ помѣтка: „20. IV. 1895“.]

Дорогой Василій Львовичъ!

Надѣюсь, что Ваше молчаніе послѣ моего письма не означаетъ, что Вы нездоровы, или на меня сердитесь, а имѣетъ случайныя причины; поэтому, не считаясь съ Вами письмами, пишу вторично, такъ какъ у меня на совѣсти нашъ неоконченный разговоръ по поводу одной горы во Фригіи (а также на островѣ Критѣ). Вотъ нѣкоторыя соображенія, которыя пришли мнѣ въ голову послѣ того, какъ мы разстались.

Во-1-хъ, для меня ясно, что вопросъ о православіи и его истинѣ, преимущественно передъ протестантствомъ, не имѣетъ пряmого отношенія къ дѣлу. Поясню это притчей:—

Въ нѣкоемъ городѣ было двѣ школы. Одна изъ нихъ отличалась превосходною программою учебною и воспитательною,— программа эта не оставляла ничего желать въ смыслѣ правильности и полноты, такъ что, судя по одной программѣ, всякій долженъ былъ сказать: какая это, право, чудная школа! Однако, при всемъ томъ, начальство и учителя этой образцовой школы частію ничего не дѣлали для обученія и воспитанія юношества, частію же предавались содомскому грѣху и растлѣвали ввѣренныхъ имъ питомцевъ. Вторая школа имѣла программу, хотя въ основѣ правильную, но весьма неполную и скудную; однако, учителя въ ней, вообще говоря, добросовѣстно исполняли свои обязанности и отъ содоміи и другихъ неправильностей воздерживались. Резонъ-ли взять младенца изъ этой второй школы и помѣстить въ первую ради великолѣпія ея программы?

Далѣе: пока Ваша принадлежность къ греко-россійской синагогѣ есть только внѣшній фактъ, происшедшій не по Вашей волѣ, Вы ни за что не отвѣчаете; но когда Вы, по собственной волѣ, сознательно, намѣренно и безъ всякаго принужденія присоединяете

къ названному учрежденію малолѣтнее и потому безотвѣтственное существо, то Вы торжественно заявляете свою солидарность съ этимъ учрежденіемъ, и всѣ его грѣхи переходятъ на Васъ: тогда уже Вы лично виноваты и въ сожженіи протопопа Аввакума, и въ избіеніи крожскихъ крестьянъ, и въ запрещеніи молитвенныхъ собраній штундистамъ, и въ тысячахъ другихъ фактовъ того же вкуса.

Наконецъ, Ваше личное положеніе измѣнилось бы еще съ иной стороны.

Теперь, напримѣръ, я прожилъ у Васъ нѣсколько недѣль великаго поста, и мы съ Вами правилъ поста не соблюдали и въ церковь не ходили и ничего въ этомъ дурного не было, такъ какъ все это не для насъ писано, и всякій это понимаетъ; но, когда Вы торжественно себя заявите *ревнителемъ* господствующей церкви, то уже нельзя будетъ сказать, что ея правила и уставы не для Васъ писаны, и тогда одно изъ двухъ: или Вамъ придется радикально измѣнить свою жизнь (не относительно только поста и хожденія въ церковь, но и въ другихъ, болѣе существенныхъ отношеніяхъ), или Вы очутитесь въ такомъ фальшивомъ положеніи, какого я не только своему другу, но и врагу не пожелалъ бы. Dixi: какъ сказалъ бы генералъ Кирѣевъ.

Передайте мой усердный поклонъ сердечно уважаемой Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Будьте здоровы и не забывайте

искренно Васъ любящаго

Влад. Соловьева.

26.

Иматра. 1895, 23 апрѣля (7 мая).

Любезный сердцу и уму
Василій Львовичъ!

Стихи Ваши на Шевченко прекрасны. Мое малое знакомство съ этимъ поэтомъ не позволяетъ мнѣ рѣшить, достаточно-ли силенъ у него христіанскій элементъ, чтобы послѣдняя строчка не имѣла вида нѣкоторой неожиданности. Но это во всякомъ случаѣ не бѣда.

Чухонка родила двойню на разстояніи недѣли. Посылаю. Второе („Лишь только тѣнь живыхъ“) кажется мнѣ недурно. А относительно перваго („Воскресшему“) имѣю опасенія: не было-ли какого нибудь совпаденія, что-то очень знакомо звучитъ.

Было бы ужасно, если бы братья Тузовы получили основаніе утверждать мою зависимость не отъ Аполлона Музагета и даже не отъ Аполлона Майкова, а отъ Аполлона Коринфскаго или другого столь же орѳографическаго представителя „новой поэзіи“.

Если Вамъ то же покажется, то напишите по совѣсти, и не поможете-ли отыскать настоящаго отца сего подкидыша.

Онъ мнѣ и такъ не нравится, и, вообразивъ себя Буренинымъ, я написалъ слѣдующую пародію:

Нескладныхъ виршей полкъ за полкомъ
Намъ шлетъ Владиміръ Соловьевъ
И зашибаетъ тихомолкомъ
Онъ гонораръ наборомъ словъ.
Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть, какъ свинья, будь плодовитъ.
Торгуй, несчастный, *сапогами* (sic!)
И не мечтай, что ты піитъ.
Намъ все равно,—зима иль лѣто,
Но ты стыдись сѣдыхъ волосъ:
Не жди отъ старости расцвѣта
И пѣть не смѣй, коль безголосъ!

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ приходитъ въ голову: философично-ли я поступаю, предлагая публикѣ свои стихотворныя бусы, когда существуютъ у нея: алмазы Пушкина, жемчугъ Тютчева, изумруды и рубины Фета, аметисты и гранаты А. Толстого, мраморъ Майкова, бирюза Голенищева-Кутузова, кораллы, яшма и малахиты Величко?

Не уподобляюсь-ли я въ своихъ стихотворныхъ упражненіяхъ бѣдному Ахшарумову, который придетъ или пришлетъ къ Вамъ за своими тетрадями.

Пожалуйста, отыщите ихъ въ моемъ мусорѣ и отдайте,—если онъ придетъ не самъ, то возьмите съ посыльнаго росписку.

До скораго свиданія, дорогой мой Василій Львовичъ. Дѣлаю безменъ сердечно уважаемой Маріи Георгіевнѣ и всѣхъ привѣтствую. Надѣюсь, что съ Мартыномъ [1]) не случится того, что случилось съ бѣднымъ Илло: онъ взялъ да и пропалъ безъ вѣсти.

Влад. Соловьевъ.

39 рублей приберегите до личнаго востребованія, никакихъ дурныхъ финансовыхъ операцій не предпринимайте. Всякое дѣйствіе нужно откладывать до послѣдней возможности. Довлѣетъ дневи злоба его.

---

[1]) Мартынъ—имя собаки, принадлежавшей В. Л. Величко.
Прим. ред.

27.

Штемпель на конвертѣ: „Иматра 25. IV. 1895.“

Дорогой Василій Львовичъ!

Оба Ваши письма оставили во мнѣ нѣкоторое безпокойство. Въ первомъ Вы сначала выражаете намѣреніе излить Ваше горе въ мой дружескій жилетъ, но затѣмъ ни слова объ этомъ горѣ не говорите, а во второмъ письмѣ упоминаете—очевидно, въ связи съ тѣмъ же горемъ — даже о желаніи смерти, но опять-таки я не знаю, въ чемъ дѣло. Хоть я заранѣе и рѣшительно отрицаю смертельный характеръ у Вашего огорченія, но все-таки желалъ бы получить хотя бы нѣкоторые намеки на то, въ чемъ оно состоитъ.

Очень благодарю Васъ за присылку „Недѣли“. Я тотчасъ же подѣлился Вашимъ милымъ стихотвореніемъ съ М-me Ауэръ и ея дочерью; но Жемчужникова стиховъ изъ уваженія къ старцу не прочелъ, они очень слабы.

Мое здоровье и занятія — славу Богу. Только чухонка куда-то провалилась— „ни слова, другъ милый, ни звука“.—Что касается до вопроса о Вашей живой чухоночкѣ, то изъ Вашихъ возраженій я усматриваю, что мнѣ не удалось съ достаточною ясностью изложить Вамъ то, что я хотѣлъ сказать,—можетъ быть, удастся лучше при устномъ разговорѣ, если Вы пожелаете вернуться къ этому сюжету.

Здѣсь не получаются газеты.

Будьте такъ добры, напишите, подтвердилось-ли извѣстіе о заключеніи союза между Японіей и Китаемъ; это очень важно.

Будьте здоровы и не торопите понапрасну смерть; она придетъ своевременно — лѣтъ черезъ сорокъ.

Усердно кланяюсь сердечно уважаемой Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ вашимъ. Жму лапку Мартыну.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

28.

[На штемпелѣ конверта: „12 іюнь 1895.“]

Милый другъ!

Я до сихъ поръ въ казармахъ и только въ среду, 14-го, могу выбраться изъ города въ ближайшія мѣста.—Развѣ я не говорилъ тебѣ много разъ, что я не настолько безуменъ, чтобы въ житейскихъ дѣлахъ принимать *рѣшеніе*, особенно на долгій срокъ, и что всякія мои обѣщанія въ этой области выражаютъ только мои желанія и предположенія?

Если бы мнѣ можно было уѣхать въ Финляндію въ концѣ мая, какъ я предполагалъ, то во второй половинѣ іюня я могъ бы быть у васъ. Но теперь все это разстроилось.

Тѣмъ не менѣе я желаю и предполагаю праздновать съ вами твое рожденіе.

За послѣднее время я былъ боленъ, а главное удрученъ скопленіемъ срочной работы.

Сегодня первый сравнительно свободный день. Что касается болѣзни, то привезенный моими пріятелями докторъ, кромѣ многаго другого, нашелъ увеличеніе печени и раздраженіе внутренней оболочки сердца и предписалъ, между прочимъ, воздержаніе отъ вина и ликера (по версіи типографскаго корректора)[1]), куда онъ включилъ также пиво и даже кофе.

Я слѣдую съ успѣхомъ этому предписанію. Чтобы ты не безпокоился, прибавляю, что этотъ самый докторъ, хотя нашелъ у меня артеріосклерозъ второстепенныхъ сосудовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „констатировалъ“, что аорта эластична какъ у 17-лѣтняго, на основаніи чего предрекъ мнѣ долгую жизнь, чего и вамъ отъ души желая, остаюсь, милые друзья, неизмѣнно васъ любящій

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Намекъ на выраженіе: „Вина и сикера не піите“ (Лев., X, 9). *Прим. ред.*

29.

[1896.]

Милый другъ, отправляясь въ Царское, заѣхалъ на минуту съ слѣдующею просьбою. Былъ у меня больной А. П. и просилъ 100 р. взаймы. Не имѣя этихъ денегъ въ карманѣ, я вспомнилъ о магазинѣ „Новаго Времени“, но самъ не успѣлъ туда заѣхать. Дѣло вотъ въ чемъ: магазину было дано изъ типографіи Стасюлевича по 200 экз. обоихъ выпусковъ „Національнаго Вопроса“ (400). Квитанція послѣ покрытія типографскихъ расходовъ перешла ко мнѣ, и я по ней получилъ за 100 экз. (200) еще въ 1892 г. и затѣмъ потерялъ квитанцію. На слѣдующій годъ ты былъ такъ добръ, что справлялся тамъ, и тебѣ соврали, что ничего не продано. Съ тѣхъ поръ прошло два года, въ которые у Стасюлевича продано на 400 р.—несомнѣнно въ „Новомъ Времени“ продано хоть на 100. Не будешь-ли опять такъ милъ зайти къ нимъ и заставить ихъ заплатить, что должно?

Въ субботу вечеромъ я у тебя не буду, но въ среду пріѣду. До свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

Прилагаю довѣренность.

30.

[1896.

Милый другъ Василій Львовичъ!

Къ сожалѣнію, не могу пріѣхать на вокзалъ, ибо уже давно условился съ Луговымъ, который въ 6 часовъ долженъ позвать меня къ себѣ. Итакъ, до свиданія въ Ассернѣ. Пришли мнѣ мантію съ подателемъ. На-дняхъ я встрѣтился съ В. Д. Смирновымъ, спеціалистомъ по турецкой части, который говорилъ, что легенда о Домрулѣ въ высшей степени интересна и поэтична.

Не премину поздравить Ст и К°.

Здравствуй и бодрствуй. Привѣтствую сердечно Марію Георгіевну и всѣхъ твоихъ.

Bon voyage.

31.

[1896.]

Милый другъ!

Уѣзжая въ Москву, желаю провести ночь подъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ. Если это не кстати—самъ виноватъ—столь часто упрекавшій за мое стремленіе къ собственному моему ночлегу.

Я пріѣду къ тебѣ сегодня, часовъ около 9, и чтобы явить тебѣ мою безцеремонность во всемъ блескѣ, прошу, нельзя-ли часовъ около 11 приготовить ванну. Я охотно избавилъ бы тебя, или точнѣе, твою прислугу, отъ этого усложненія, еслибы могъ имѣть какую-нибудь надежду на то, что въ московскомъ моемъ пристанищѣ найду какую-нибудь купель, но въ Москвѣ это полагается только въ совершенно барскихъ домахъ, тысячъ въ 5.

До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

Если дѣла (ужасныя, о которыхъ сообщу) задержатъ немножко сегодня вечеромъ,—не сердись.

32.

[Въ Тифлисъ, въ редакцію газеты «Кавказъ»].

3 іюня 1897.

Серьезно соскучился по тебѣ, милый другъ, и по домѣ твоемъ. Посылаю стихи,—какіе написались. Слабовато, но во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ тѣ, которые посылалъ въ прежній „Кавказъ“, пять лѣтъ тому назадъ. Но я на тебя надѣюсь, что напечатаешь безъ ошибокъ, лишающихъ заразъ смысла и размѣра.—Ну, что, голубчикъ? Вотъ все, что могу сказать на толикомъ разстояніи времени и мѣста. Говорить о всемъ происходящемъ послѣ нашей разлуки—лучше и не пробовать. Ничего крупнаго, но:

Есть безтолковица,
Сонъ ужъ не тотъ,
Что-то готовится,
Кто-то идетъ.

Ты догадываешься, что подъ „кто-то“ я разумѣю самого антихриста. Наступающій конецъ міра вѣетъ мнѣ въ лицо какимъ-то явственнымъ, хоть неуловимымъ дуновеніемъ,—какъ путникъ, приближающійся къ морю, чувствуетъ морской воздухъ прежде, чѣмъ увидитъ море. Mais c'est une mer à boire. Сердечно кланяюсь Маріи Георгіевнѣ и всѣмъ вашимъ до странника Мартына включительно.

Пишу тебѣ изъ Пустыньки, гдѣ нанимаю дачу у Рюрика. Старшій братъ его, морякъ, женится на своей троюродной сестрѣ, княжнѣ Г. У сестры ихъ, Веты, родился сынъ, Михаилъ Юрьевичъ, новое и, надѣюсь, исправленное изданіе Лермонтова.

Крѣпко тебя обнимаю и желаю извѣстій. Пиши: *Саблино*, Николаевская жел. дор.,—а если хочешь заказнымъ, то по адресу „Вѣстника Европы“—пожалуй, это вѣрнѣй.

Твой Влад. Соловьевъ.

NB. Высылай, пожалуйста „Кавказъ“ С. П.—на *Саблино*.

33.

Дорогой Михалъ Альбертычъ! [1])
Одержимъ я страшнымъ грипомъ;
Хоть ножомъ въ меня теперь тычь,
Не явлюсь я съ этимъ хрипомъ.
А затѣмъ, любезный Кавосъ,
Ѣхать мнѣ въ Москву пора же...
Я схватилъ бы за бока васъ
И умчалъ бы въ тѣ паражи,
Гдѣ въ рубахахъ Ганимеды
Угощаютъ всѣмъ, что надо,
Гдѣ сроднили ужъ обѣды
Съ радикаломъ ретрограда.
Но увы! трактиры тѣ же,
Да года то ужъ иные,
Аппетитъ приходитъ рѣже,
Чаще снятся сны дурные.
Скрылись дни Аранхуэца,
Консулъ Планкъ давно ужъ померъ.
Не успѣешь оглядѣться:
Трахъ! въ тиражъ попалъ твой номеръ.
Къ Ганимедамъ бородатымъ
Ѣхать вовсе не охота.
Не кутить теперь—куда тамъ,
Лишь кончалась бы работа.
Не оставивши потомка,
Я хочу въ потомствѣ славы,
Объявляю это громко,
Чуждый гордости лукавой.
Но стянула жизнь у славы
Десять лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Такъ теперь я долженъ, право,
Наверстать сію потерю.
Мысль о пьянствѣ, о цыганахъ
Навсегда я оставляю
И о *внутреннихъ* органахъ,—
Не трактирныхъ—помышляю.

---

[1]) Это письмо къ М. А. Кавосу находится въ бумагахъ В. А. Величко. *Прим. ред.*

34 [1]).

Метемпсихоза.

(Сочинено во время холерныхъ судорогъ.)

Подсолнечникъ жолтый
Цвѣтетъ въ огородѣ,
А сердце открыто
Любви и природѣ.

Въ холерное время,—
Недавно здоровый,—
Лежу безъ движенья,
Зелено-лиловый.

Подсолнечникъ желтый
Поблекъ въ огородѣ;
. . . . . .
. . . . . .

Въ тревогѣ родные,
Печальна прислуга,
Пришли издалека
Два старые друга.

Одинъ пьетъ какъ губка,
Другой сумасшедшій,
Но вспомнили оба
О дружбѣ прошедшей.

Подсолнечникъ желтый
Увялъ въ огородѣ
И сердце закрылось
Любви и природѣ.

И въ гробъ положили!
Снесли на кладбище!..
Довольны-ль вы, черви,
Присвоенной пищей?

---

[1]) Напечатано въ книгѣ В. Л. Величко о Соловьевѣ, стр. 178—179. *Прим. ред.*

Подсолнечникъ желтый
Погибъ въ огородѣ.

. . . . . .

. . . . . .

Изъ праха и тлѣна
Цвѣтокъ выростаетъ,
Къ забытой могилѣ
Пчела прилетаетъ....

Сидитъ на балконѣ
Прелестная дѣва;
Сіяетъ красою
И справа, и слѣва.

Подсолнечникъ желтый
Расцвѣлъ въ огородѣ.

. . . . . .

. . . . . .

На блюдечкѣ меду
Приносятъ той дѣвѣ.
И вдругъ я очнулся
Въ прелестнѣйшемъ зѣвѣ.

Но будь онъ стократно
Прелестенъ, а все же
Мое помѣщенье
Съ могилою схоже.

И мрачно, и сыро,
И скользко!—О горе!..
Но съ крошечкой воска
Я выплюнутъ вскорѣ!

Подсолнечникъ желтый
Цвѣтетъ въ огородѣ,
О, счастье, о радость!
Я вновь на свободѣ.

Вновь сердце открылось
Любви и природѣ!
Подсолнечникъ желтый
Цвѣтетъ въ огородѣ...

Письма къ В. П. Преображенскому.

1.

Любезный другъ
Василій Петровичъ!

Не жди меня сегодня у себя, а жди меня завтра въ Думѣ [1]). между $2^1/_2$ и $3^1/_2$ ч.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) В. П. Преображенскій послѣ смерти Н. Я. Г ота редактировалъ вмѣстѣ съ Л. М. Лопатинымъ „Вопросы Философіи и Психологіи“ и „Труды Московскаго Психологическаго общества“, а также былъ секретаремъ Московской городской Думы. *Прим. ред.*

2.

Милый другъ
Василій Петровичъ!

Я сегодня еще не уѣзжаю, а уѣзжаю завтра. Прошу тебя завтра, въ четвергъ, 15-го, къ себѣ обѣдать въ 5 или $5^1/_2$ ч. (когда тебѣ удобнѣе послѣ Думы).

Твой Влад. Соловьевъ.

3.

Телеграмма.

1893 г.

Нездоровъ, запрещено выѣзжать, по крайне нужному дѣлу прошу пріѣхать ко мнѣ: Пречистенка, домъ Лихутина, около 10 вечера. Петровскій тоже будетъ.

Соловьевъ.

---

4 [1]).

Любезный другъ!

Мнѣ непремѣнно нужно тебя видѣть сегодня вечеромъ. Заѣду въ 11-омъ часу.

Если не застану, оставлю записку.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Вл. С. Соловьевъ заѣзжалъ ко мнѣ для того, чтобы привезти меня къ Софьѣ Петровнѣ Хитрово, которая непремѣнно хотѣла со мной познакомиться. Знакомство это состоялось въ день моего отъѣзда изъ Петербурга, 16-го февраля 1894 г. *Прим. В. П. Преображенскаго.*

5.

Городская Дума, В. П. Преображенскому.

Дорогой Василій Петровичъ!

У меня сидитъ рѣдкій гость изъ Одессы, съ которымъ не видался 16 лѣтъ. Не можешь-ли зайти (№ 7) до 3 ч. 50 м.? На всякій случай посылаю книгу Трубецкого, а рукопись сдать Юлію Исаевичу [1]).

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Т. е. Ю. И. Айхенвальду, секретарю редакціи „Вопросы Философіи и Психологіи.“

Прим. ред.

6.

[1899].

Любезный другъ
Василій Петровичъ!

Я пріѣхалъ съ тремя практическими цѣлями: 1) разрѣшиться отъ бремени первымъ томомъ Платона; 2) сейчасъ же типографически зачать второй; 3) получить по условію съ Солдатенкова 2.000 рублей. Къ этимъ практическимъ цѣлямъ присоединяется сентиментальное: повидаться съ друзьями, пока мы еще не всѣ перемерли.

Но первый собрался помирать источникъ живота Солдатенковъ, и хотя это не помѣшаетъ мнѣ, конечно, получить, что слѣдуетъ, но сейчасъ же приставать къ нему, умирающему, или къ его наслѣдникамъ съ такимъ мизернымъ по ихъ капиталу требованіемъ было бы неблагородно. Между тѣмъ всѣ мои цѣли, какъ практическія, такъ и сентиментальныя, требуютъ разъѣздовъ и, слѣдовательно, денегъ, которыхъ у меня совершенно нѣтъ.

Если тебѣ невозможно ни въ качествѣ редактора, ни въ качествѣ частнаго лица ссудить мнѣ на краткое время сумму въ 50 рублей, то въ качествѣ городского секретаря ты во всякомъ случаѣ можешь указать мнѣ точный адресъ того городского учрежденія, которое можетъ выдать мнѣ эту сумму подъ залогъ золотыхъ часовъ съ таковой же цѣпочкой [1]). Сейчасъ же мнѣ необходимо нужно 7 рублей.

Посыльнаго посылаю вмѣсто себя, потому что сижу надъ послѣднею корректурою предисловія.

Увѣренъ, что ты скажешь: non ignarus mali miseris succurrere disco [2]) и протянешь мнѣ быструю руку помощи.

Главное—быстрота.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) В. Соловьевъ хотя и былъ безсребренникомъ въ полномъ значеніи этого слова, но этимъ часамъ и цѣпочкѣ придавалъ нѣкоторое значеніе, ибо часы раньше принадлежали гр. А. К. Толстому, а цѣпочка—А. А. Фету, и Соловьевъ получилъ эти вещи на память объ усопшихъ поэтахъ.
Прим. ред.

[2]) Стихъ изъ Энеиды (I, 630): «Non ignara mali miseris sucurrere disco». говоритъ Дидона Энею. *Прим. ред.*

7.

[1899.]

Милый другъ
Василій Петровичъ!

Здравствуй!

Уѣзжая изъ Москвы, я забылъ уложить въ Славянскомъ Базарѣ *краснаго* цвѣта рукописную книжку, гдѣ, между прочимъ, начало второго діалога. Не будешь-ли такъ добръ, по сосѣдству Базара съ Думой, поискать этой книжки черезъ важнаго швейцара и прочую прислугу. Въ случаѣ успѣха прошу довершить благодѣяніе и выслать мнѣ найденное *заказною* бандеролью въ Петербургъ, редакція „Вѣстника Европы“, Галерная, 20. Въ случаѣ же неуспѣха, прошу все-таки написать мнѣ по тому же адресу, во-1-ыхъ, чтобы я имѣлъ вѣсть о тебѣ, а во-2-ыхъ, чтобы зналъ, что книжка моя съ возу упала. Кончаю „Протагора“ въ своей пустынской комнатѣ, а въ лѣсу, который посѣщаю трижды въ день, передумываю 3-ю главу теоретической философіи. Надѣюсь на-дняхъ приступить къ писанію ея въ окончательной формѣ.

Вообще пишу „много, быстро и хорошо“, какъ говорилъ про себя Боборыкинъ.

Будь здоровъ, милый другъ. Цѣлую всѣхъ, кого слѣдуетъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

Письмо къ Н. А. Котляревскому.

Такъ какъ Вы, милостивый государь мой, погнушались принять изъ моихъ, отца Парѳенсона, рукъ слѣдуемое Вамъ отъ меня, то препровождаю оное въ кувертѣ. Причемъ въ залогъ взаимной пріязни соглашаюсь принять одну шампанею отъ Васъ въ даръ, но за двѣ другія долгъ мой непререкаемъ и съ точки зрѣнія товарищескаго испитія, ибо Вѣра Васильевна, во-1-ыхъ, дама, во-2-ыхъ, въ Московскомъ университетѣ не была и, въ-3-ихъ въ упомянутомъ испитіи принимала участіе, незаслуживающее просвѣщеннаго вниманія.

При семъ прилагаю выпавшій изъ Гоголя листъ.

До пріятнаго свиданія, завтра.

Душевно Вашъ
Парѳенсонъ [1]).

---

[1]) Объясненіе этого имени читатель найдетъ въ книгѣ В. Величко о Соловьевѣ на стр. 143. *Прим. ред.*

Изъ писемъ къ Э. Л. Радлову.

1.

3 апр. 1890. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Милый мой другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Во-первыхъ, привѣтствую тебя, Вѣру Александровну и всѣхъ твоихъ съ праздникомъ; во-вторыхъ, извѣщаю, что я слава Богу боленъ, какъ разъ настолько, чтобы сидѣть дома и заниматься, а, въ-третьихъ, прошу тебя сообщить Крамажу (его карточка съ адресомъ куда-то запропастилась), что я рекомендую ему остановиться въ номерахъ *Louvre* на Тверской, близъ дома генералъ-губернатора, а если сверхъ ожиданія тамъ несвободно, то въ гостинницѣ *Дрезденъ*, въ томъ же самомъ мѣстѣ. Онъ хотѣлъ уѣхать въ четвергъ, слѣдовательно, ты успѣешь его извѣстить. Благородный Гротъ самъ предложилъ мнѣ отложить до осенней книжки мою эстетику. Спрашивалъ о тебѣ. Бѣдный Трубецкой все еще ждетъ младенца и откладываетъ диспутъ. Надѣюсь, что и N отложитъ свою свадьбу, или избавитъ меня отъ шаферства. Но въ маѣ во всякомъ случаѣ думаю въ Петербургъ. Итакъ, до свиданія, милый другъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

2.

Grand Hôtel, Kharkoff, le 19/V 1892.

Дорогой другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Уѣзжая изъ Петербурга, едва поспѣлъ на поѣздъ, а потому и не заѣхалъ къ тебѣ. Думаю о тебѣ часто и не безъ огорченія. Причинъ къ сему послѣднему имѣю двѣ: 1) слышу, что ты все хвораешь, 2) огорчаюсь мыслію о моей эгоистической неделикатности, или неделикатномъ эгоизмѣ, каковые я проявилъ въ дѣлѣ, которое устроилъ для меня „царь пѣсенъ и евреевъ“.

Относительно 1-го пункта: ежели ты не можешь получить командировку въ Карлсбадъ для изученія на мѣстѣ гусиной, чтобы не сказать гуситской философіи, то не можешь ли ты на этотъ случай par exception взять примѣръ съ меня и занять для путешествія? Я знаю, что ты предпочитаешь давать взаймы, а не брать. Это очень благородно, но когда дѣло идетъ о здоровьѣ отца семейства, то не только можно, но и должно отступать отъ обычаевъ зловредныхъ, хотя бы и благородныхъ. А чтобы ободрить тебя на новомъ для тебя поприщѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшить себя по 2-му пункту, сообщаю тебѣ слѣдующее: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ непродолжительномъ времени я получу 10.000 р. за новое изданіе „Исторіи Россіи“ и 1.000 за свои три сочиненія (новое изданіе „Кризиса западной философіи“, „Критики отвлеченныхъ началъ“ и „Религіозныя основы жизни“). Такимъ образомъ я не только „изглажу рукописаніе грѣхъ своихъ“, но еще получу возможность „самъ бывъ искушенъ и искушаемымъ помощи“. Объ этомъ долженъ былъ тебя извѣстить „кавказскій демонъ“ alias „внукъ иверскихъ царей“ (чтобы не сказать больше), но, вѣроятно, забылъ. Если ты удивишься, что пишу тебѣ изъ Харькова, то подумай, что бываютъ вещи гораздо болѣе удивительныя.

Будь здоровъ. Цѣлую въ руку Вѣру Александровну и въ уста Наташу и Колю.

Твой Влад. Соловьевъ.

3.

5-го іюня 1892.

Получилъ-ли мое письмо изъ Харькова, милый другъ? Я ужъ давно вернулся съ юга, но въ Петербургъ не знаю, когда соберусь. Если, какъ я полагаю, ты тамъ время отъ времени бываешь, то не можешь-ли узнать у кого нибудь и мнѣ сообщить (*Сходня*, Николаевской жел. дор.—для простого письма, а для заказного: Москва, Пречистенка, д. Лихутина), находится-ли въ Петербургѣ попечитель учебнаго округа М. Н. Капустинъ, и если нѣтъ, то когда будетъ. Это мнѣ нужно знать для моего бѣдствующаго брата.

Какъ ты поживаешь, милый другъ, а я—никакъ, ибо умеръ, о чемъ неоспоримо свидѣтельствуетъ эпитафія, высѣченная (бѣдная!) на моемъ надгробномъ камнѣ:

Владиміръ Соловьевъ лежитъ на мѣстѣ этомъ и т. д. [1]).

Очень хотѣлъ бы пріѣхать въ Петербургъ теперь, но пока не имѣю свободы движенія.

Усердно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ и дѣтямъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. стр. 198. *Прим. ред.*

4.

Вторникъ, 6 авг.

[1892.]

Милый другъ Эрнестъ Львовичъ, я нездоровъ и объятъ разными дѣлами со всѣхъ сторонъ, а потому завтра не пріѣду. Въ воскресенье собираюсь въ Павловскъ (къ Г.), а затѣмъ выберу какой-нибудь день на Сиверскую. Подожди принимать окончательное рѣшеніе относительно Правовѣдѣнія. А пока на досугъ напиши-ка статейку о Ванини для словаря. Странички четыре можешь написать въ два-три дня и получишь 60 р. Я уже говорилъ Арсеньеву, который весьма согласенъ.

А потомъ тебѣ предстоятъ: Вольтеръ, Гогоцкій, Вольфъ, Вундтъ, Гербартъ, Гоббсъ, Гуго Гроцій и множество другихъ, о которыхъ я писать не желаю. Не упрямься и не лѣнись, милый другъ. До скораго, надѣюсь, свиданія.

Сердечно кланяюсь твоимъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Я нашелъ архіерея!

Я послалъ бы телеграмму, чтобы ты меня завтра не ждалъ, но не знаю, какъ у васъ устроено съ телеграфомъ.

5.

[1892.]

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Въ удручающихъ и (вѣроятно) безплодныхъ хлопотахъ по устройству здѣсь общественной помощи голоднымъ, не имѣлъ свободной минуты написать тебѣ. Опредѣленнаго отвѣта на твой вопросъ дать пока не могу. Если твоя тетушка не успѣетъ перевести *всего* обозначеннаго въ I-омъ томѣ къ 1-му ноября, то прошу ее подѣлиться съ Ольгой Александровной; что же касается до II-го тома, то мнѣ передъ отъѣздомъ навязали переводчика. Если онъ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ не представитъ всего перевода, то я передамъ Ольгѣ Александровнѣ. Ѣду къ вамъ въ концѣ этого мѣсяца. Я здоровъ, но больше прежняго страдаю отъ недостаточности времени для всего, что нужно сдѣлать. Читаю, между прочимъ, коранъ—вотъ скуки-то натащилъ этотъ арапъ! Зато твои статьи въ „Русскомъ Обозрѣнія“ прочелъ съ веселостью. А вотъ опредѣленіе времени, которое далъ одинъ доцентъ на лекціи: „Время есть смѣна представленій, проходящихъ черезъ сознаніе въ теченіе опредѣленнаго времени“. Это получше опредѣленія пространства, какъ разстоянія между двумя пейсами.

О вещахъ серьезныхъ, милый другъ, отлагаю разговоръ до свиданія.

Сердечный поклонъ твоимъ.

Преданный тебѣ
Влад. Соловьевъ.

6.

[1893.]

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Я хотѣлъ къ тебѣ заѣхать сегодня и заблаговременно телеграфировалъ, чтобы не разъѣхаться, но получилъ отъ начальника станціи телеграмму, что моя за неизвѣстностью мѣстопребыванія адресата не доставлена. 14-го іюля я буду здѣсь, въ Петербургѣ, обратно и непремѣнно желаю тебя видѣть.

Издатель словаря оказался такимъ джентльменомъ (или по N. жолтмѣномъ), что мнѣ не пришлось даже упоминать о тебѣ—все предоставлено въ мое распоряженіе, и, слѣдовательно, ты получишь редакторскій гонораръ сполна за три (или четыре) мѣсяца моего отсутствія.

При свиданіи сообщу, въ чемъ твои обязанности—очень несложныя.

Надѣюсь, что все у тебя благополучно.

До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

7.

[1893.]

Другъ мой милый!

Очень огорчило меня извѣстіе о твоемъ нездоровьѣ. Надѣюсь, оно не важно. Если можешь писать, то напиши мнѣ: Hôtel Vouillemont, 15, rue Boissy d'Anglas.

Не писалъ тебѣ по лѣни, но думалъ о тебѣ часто съ любовью. Къ 15-му декабря буду въ Петербургѣ. Не знаю твоего нынѣшняго адреса и посылаю черезъ Арсеньева.

Самъ я хвораю и старѣю, но не унываю; чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, аминь. А въ семъ вѣкѣ чаю скораго свиданія съ друзьями петербургскими, отъ нихъ же первый еси ты (по крайней мѣрѣ, въ мужскомъ родѣ). Что Вѣра Александровна и дѣти?

Кланяюсь очень всѣмъ вамъ.

До свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

8.

24 дек. 1893.

Милый другъ!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я получилъ сильный гриппъ, чтобы не сказать инфлуэнцу, и потому лишенъ полной свободы движенія: на-дняхъ пришлось по необходимости нанимать для себя карету, — первый разъ въ жизни! Поэтому заочно привѣтствую тебя и твоихъ. Но въ началѣ января надѣюсь пріѣхать къ вамъ въ Царское Село. Имѣю передать тебѣ нѣчто тебѣ принадлежащее.

Слышалъ, что ты поправляешься. Но все-таки къ лѣту тебѣ нужно будетъ устроить Карлсбадъ. Это вовсе не такъ трудно и дорого. До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

Сердечно кланяюсь и цѣлую. Вѣроятно, я и мой крестникъ не узнаемъ другъ друга.

9.

[1894.]

Дорогой
Эрнестъ Львовичъ!

Уѣзжаю безъ прощанья, чтобы только уѣхать.

Поздравляю васъ съ наступающими праздниками и посылаю крестнику негритенка во вниманіе къ вкусу папаши. Будь совсѣмъ здоровъ къ моему возвращенію.

Твой Влад. Соловьевъ.

10.

[1895.]

Gruss aus Köln.

Милый другъ!

Очень соскучился безъ извѣстій отъ тебя, и хотя ѣду въ Петербургъ, но все-таки предпосылаю нѣсколько словъ. Изъ Россіи приходили только извѣстія смертей: кромѣ общеизвѣстныхъ двухъ, еще пять или шесть личныхъ моихъ. А со мною во время путешествія произошло такое множество маленькихъ приключеній, что ни въ какомъ письмѣ не опишешь. Вотъ совершенно общее схематическое изображеніе: [1])

Durch den Sturm, im leichten Nachen,
Protegiert von dem Planet,
Zu entflieh'n dem alten Drachen
Rudert er so fein und nett.

Усерднѣйше кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ и всѣмъ твоимъ. До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Въ письмѣ находится рисунокъ, изображающій В. Соловьева какъ онъ плыветъ въ челнокѣ черезъ рѣку. *Прим. ред.*

11.

1895.

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Сегодня день моего рожденія, который я не могу провести въ Петербургѣ безъ тебя. А потому приходи въ 7 ч. обѣдать. А если это тебѣ слишкомъ поздно, то приходи хоть послѣ своего обѣда, но только не иначе, какъ между 7 и 9, ибо только эти два часа я навѣрное у себя.

Я привѣтствовалъ самъ себя сегодня слѣдующимъ правдивымъ и безыскусственнымъ четверостишіемъ:

Въ лѣсу болото,
А также мохъ.
Родился кто-то,
Потомъ издохъ.

До свиданія, мой другъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

12.

[1895 г.]

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

По неотложному дѣлу я долженъ былъ торопиться въ Москву и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не повидавшись. Чтобы ты не думалъ, что я продолжаю на тебя сердиться [1]), прошу, тебя исполнить слѣдующее мое порученіе.

Возьми за пуговицу Маѳусаила Б—а и спроси его, когда будетъ печататься моя рецензія на Случевскаго. Буде время для сего уже пришло, то сообщи ему сейчасный адресъ: Москва, Старо-Конюшенный переулокъ, домъ Еремѣева, Влад. Серг. Соловьевъ,—объяснивши впрочемъ, что я пробуду въ Москвѣ недолго и по возвращеніи немедленно заѣду къ нему, Маѳусаилу.

Такъ что посылать мнѣ сюда корректуру, я думаю, не стоитъ; если же почему нибудь дѣло къ спѣху, то прошу прислать заказною бандеролью въ гранкахъ, такъ какъ я, по его и моему собственному желанію, намѣренъ смягчить свои радловскія выходки въ этой рецензіи.

Думаю, что мое порученіе столь же удобопонятно, сколько и и удобоисполнимо.

Кончились-ли у васъ наконецъ всѣ болѣзни? Усердно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ и Ольгѣ Александровнѣ и цѣлую младенцевъ, которые, вѣроятно, успѣли меня радикально забыть, вслѣдствіе чего я буду имѣть для нихъ прелесть новизны. Кланяюсь также Флексеру, Л. и прочимъ твоимъ ближайшимъ друзьямъ.

Будь здоровъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

Пишу некрологъ Николая Николаевича Страхова. Воображаю—какъ онъ теперь удивленъ и сконфуженъ. Вотъ бранить-то его буду, когда увижусь—не отхихикается.

---

[1]) Соловьевъ сердился на меня за то, что я отдалъ „Сѣверному Вѣстнику“ свою статью о направленіяхъ въ эстетикѣ. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ въ это время помѣщались рѣзкія статьи противъ Соловьева,—обстоятельство, которое мнѣ не было извѣстно. *Э. Р.*

13.

1895 г.

Милый другъ!

Я теку, но остаюсь на мѣстѣ. Посылаю къ Б—у негра съ рукописью.

Зная твое пристрастіе, поручаю тому же негру повидать тебя. А ты, если увидишь Б—а, скажи ему, что я боленъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

14.

1895.

Милый другъ!

Кишка моя не проходитъ, но дѣла заставляютъ выѣзжать изъ дому и оставаться въ Петербургѣ до будущей недѣли. Завтра я не свободенъ, но въ понедѣльникъ непремѣнно буду у тебя обѣдать, если только сохраню способность движенія. Въ противномъ случаѣ извѣщу своевременно, дабы ты воздалъ послѣдній долгъ праху почившаго.

Надѣюсь, впрочемъ, увидаться до понедѣльника.

Твой Влад. Соловьевъ.

15.

[1895].

Царское село.

Милый другъ!

Я нездоровъ, меня рветъ не только утромъ, но и вечеромъ. Въ этомъ состояніи я написалъ „Любовь“ и „Люллій“.—Во вторникъ все таки надѣюсь заѣхать къ тебѣ и взять статью, а если нѣтъ, то препроводи ее прямо въ „Вѣстникъ Европы“, я тамъ уже говорилъ.

Будь здоровъ.
Усердно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

16.

[1896].

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Мое одиночное заключеніе (суррогатъ Выборга) было сегодня нарушено разными лицами, между прочимъ В. Л. Величко, отъ котораго я узналъ о болѣзни твоихъ дѣтей. Надѣюсь, что она не опасна, но прошу тебя дать мнѣ извѣстіе съ посланнымъ.

Сегодня я еще не выхожу.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

*

17.

[1896].

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Я начинаю уподобляться N. по разсѣянности, хотя и не имѣю извиненія ни въ княжескомъ, ни въ редакторскомъ званіи. Я совершенно забылъ, что 1) долженъ быть на Николаевскомъ вокзалѣ въ 3 ч. и 2) долженъ обѣдать у одного своего свойственника въ 6 ч. Но между тѣмъ и другимъ я буду совершенно дома, и если ты зайдешь ко мнѣ въ $3^1/_2$ часа, то буду радъ до чрезвычайности, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно кое-что тебѣ сообщить наединѣ.

Заходи же.

Твой Влад. Соловьевъ.

18.

[1896].

Милый другъ!

Самая элементарная справедливость требуетъ, чтобы я принялъ въ сегодняшнемъ обѣдѣ не одно только рецептивное, но также и депансивное участіе, которое я, не будучи ни педантомъ, ни точнымъ экономистомъ, согласенъ ограничить одною только поставкою шампанскаго, коего три бутылки при семъ препровождаю.

До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

19.

[1897.]

Милый другъ

Эрнестъ Львовичъ!

Должно быть, предвареніе роковыхъ послѣдствій свадебнаго пира заранѣе затмило мой умъ и вышибло изъ моей памяти *Новокантіанство*, *Новопивагорейство*, *Новоплатонизмъ*. Избавь ты меня ради всего священнаго отъ этихъ трехъ новостей, будь другъ и благодѣтель!

А меня свадьба такъ сокрушила, что я на другой день даже Сева не могъ видѣть. Хотѣлъ заѣхать къ тебѣ самъ съ московской книжкой, но боялся опоздать къ послѣднему поѣзду и упо-добиться нѣмецкому мужику въ „Fliegende Blätter“, который славно надулъ начальство: обратный билетъ получилъ, а ѣхать назадъ и не подумалъ.

Прилагаемое оффиціозное письмо, если ничего не имѣешь противъ, подпиши самъ и попроси подписать Колубовскаго [1]) (нужны, кажется, три подписи), а по подписаніи, будь добръ, отправь Гроту заказнымъ (Москва, Новиковскій бульваръ, домъ Котлярева).

Прилагаю не оффиціозное посланіе къ N., которое также покажи Колубовскому, но въ Москву не посылай.

Будь здоровъ. До скораго свиданія.

Твой искренно Влад. Соловьевъ.

Только что дописалъ это письмо, какъ получаю телеграмму отъ Грота изъ Петербурга, но безъ обозначенія его петербургскаго адреса. Ты, конечно, его увидишь, передай ему прилагаемое письмо

---

[1]) Предложеніе о выборѣ М. И. Каринскаго въ почетные члены Московскаго Психологическаго Общества. *Прим. ред.*

и скажи, что въ среду вечеромъ я пріѣзжаю и хочу непремѣнно съ нимъ увидѣться. А мнѣ (Выборгъ, гост. Бельведеръ) напиши, пожалуйста, его точный адресъ въ Петербургѣ.

N. N—у.

Степанъ! ты феноменъ. Россійскому акцизу
Феноменальный ты даешь доходъ.
Взгляну-ли на тебя я сверху, или снизу—
Ты феномѐнъ. Но феномéнъ и Гротъ.
Мы всѣ фенòмены, всѣмъ тварямъ по закону
Субстанціями быть запрещено,—
Куда-бъ ни мѣтилъ ты: въ корову, иль въ ворону,—
Субстанцію минуешь все равно.
Итакъ, Степанъ, будь твердъ, и царскому акцизу
Потщись доходъ являемый платить.
Не прыгай слишкомъ вверхъ, и не спускайся къ низу,—
Фенòмену субстанціей не быть!

20.

[1897.]

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Посылаю 2 экз. книги съ прошеніемъ. Я уже давно забылъ всѣ формы, но я думаю,—сойдетъ. Марку же, пожалуйста, налѣпи [1]).

До скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

N. B. Прошеніе въ одной изъ книгъ.

---

[1]) Соловьевъ представилъ „Оправданіе добра“ въ Ученый Комитетъ М. Н. П. На экземплярахъ „Оправданія добра“, которые В. Соловьевъ дарилъ друзьямъ, онъ дѣлалъ, обыкновенно, слѣдующую надпись:

Родился я подъ знакомъ водолея,
Читатель не страшись и смѣло воду пей!
Она не изъ меня, ее нашелъ въ скалѣ я,
Изъ камня истины выходитъ сей ручей.

Прим. ред.

21.

[1898.]

Милый другъ!

Г-жа Гофманъ [1]) лежитъ больная и проситъ рекомендовать ей врача, я никакихъ не знаю.

Пожалуйста, навѣсти ее. Куда это ты ходилъ ночью?

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Авторъ книги о Достоевскомъ („A. Dostojewsky". Berlin, 1890) и переводчица „Духовныхъ основъ жизни" В. Соловьева („Die religiösen Grundlagen des Lebens". Leipzig 1907).

22.

31 янв. 1898.

Дорогой Эрнестъ Львовичъ!

По неопытности въ драматургіи, я не разсчиталъ какъ слѣдуетъ размѣровъ моей платонической драмы [1]), и вышло нѣчто не эллинское, а индусское, что̀ для полнаго прочтенія потребовало бы цѣлаго засѣданія, а прочесть половину значитъ представить кусокъ чего-то неизвѣстнаго—*X*, дѣленное на 2. Очень извиняюсь передъ Обществомъ и публикой. Не были бы вы такъ добры назначить моего Платона въ ближайшее собраніе, хотя бы въ слѣдующую субботу? Сегодня я къ тому же ощущаю сильную простуду. Очень жалѣю, что не услышу интересной рѣчи Александра Ивановича Введенскаго.

Еще разъ извиняюсь и надѣюсь заслужить извиненіе.

Твой Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Соловьевъ здѣсь говоритъ о своей рѣчи „Жизненная драма Платона", прочитанной въ публичномъ засѣданіи Философскаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. *Прим. ред.*

23.

[1898.]

Милый другъ
Эрнестъ Львовичъ!

Я хотѣлъ бы съ тобою еще поговорить по поводу сообщеннаго тобою сейчасъ. Теперь тороплюсь на поѣздъ. Всего удобнѣе было бы мнѣ зайти къ тебѣ въ пятницу, между 11 и 12, ночью. Если не застану, то прошу тебя зайти ко мнѣ въ субботу утромъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

NB. *Понятіе* о правильномъ выходѣ текущей книги словаря содержитъ въ себѣ *постулатъ* скорѣйшаго доставленія тобою двухъ тѣмъ самымъ обозначенныхъ статей.

24.

[1899.]

Спасибо за извѣстіе, милый другъ. Я думаю, что если нѣкоторые солидные люди мнѣ гадаютъ, то другіе дѣлаютъ то же, но безъ буквы *а*, превращая гадательный характеръ результата въ гадятельный; для меня же, хотя и не *жида*, остается только посильное вы-*жиданіе*. Я думаю, что, по нынѣшнимъ временамъ, когда въ модѣ буры, годятся и такіе калам-буры.

Усмотрѣвъ изъ твоего письма, что ты не усматриваешь *настоятельной* нужды въ моемъ пріѣздѣ къ 22-му, я рѣшилъ остаться здѣсь еще на нѣкоторое время по слѣдующимъ благословнымъ винамъ:.

1) Моя офталмія, хотя, надѣюсь, не важная, порядкомъ меня расшатала, а я знаю по опыту, что ничто такъ меня не утомляетъ, какъ публичныя лекціи, особенно не написанныя. Еслибы я и хорошо произнесъ свое причитаніе, то уставать все-таки было бы неблагоразумнымъ, тѣмъ болѣе, что мой правый глазъ еще продолжаетъ подносить мнѣ силуэты госпожи Елизаветы (Бемъ). А если бы я прочелъ дурно и произвелъ впечатлѣніе ослабѣвшаго человѣка, то ко вреду присоединилось бы и неудовольствіе.

2) Уѣзжая сейчасъ изъ Москвы, я долженъ бросить неоконченными нужныя нѣкія дѣла, а ѣхать въ Петербургъ, чтобы немедленно опять возвращаться сюда на нѣсколько дней и опять въ Петербургъ, было бы накладно и нескладно и утомительно. Итакъ, черезъ твое любезное посредство, прошу Философское Общество назначить мнѣ сообщеніе о трехъ русскихъ философахъ на одно изъ первыхъ чиселъ декабря. Вернусь я, конечно, гораздо раньше, но чтеніе всего лучше отнести къ началу декабря — самое это удобное время во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣлую двухъ молодцовъ и усердно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ, Ольгѣ Александровнѣ и огромной Наташѣ.

До свиданія, милый другъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

25.

[1899].

Милый другъ!

Я думаю, что лучше отложить мою поминальную рѣчь до декабря, но еще не рѣшилъ окончательно. Напиши мнѣ что-нибудь на-счетъ этого. Здѣшній окулистъ проф. Крюковъ внушилъ мнѣ довѣріе и разрѣшилъ понемногу возвращаться къ обычнымъ занятіямъ и при дневномъ, и при ночномъ освѣщеніи. Я ему не сообщалъ своей собственной діагнозы, но онъ proprio motu сдѣлалъ тожественную: всю бѣду надѣлалъ Протей-геморрой. Такъ какъ Крюковъ принадлежитъ вообще къ врачамъ-пессимистамъ, то его успокоительный взглядъ на мой casus, дѣйствительно, можетъ ободрить.

Имѣю къ тебѣ порученіе отъ проф. Ѳ. Е. Корша. Черезъ В. К. Эрнштета получена у васъ въ редакціи статья одного лингвиста (имя забылъ) о книгѣ педагогической одного господина (имя также забылъ). Къ статьѣ есть приписка Корша, и онъ проситъ печатать ее въ томъ видѣ, какъ она прислана имъ Эрнштету. И еще проситъ онъ извинить его молчаніе, происшедшее отъ того, что онъ до послѣдняго времени былъ на Кавказѣ.

Буду ждать письма отъ тебя, милый другъ, и если ты будешь настаивать на моемъ участіи въ годичномъ собраніи, то поспѣшу въ Петербургъ къ 22-му (а можетъ быть у васъ отложено?).

Сердечный поклонъ Вѣрѣ Александровнѣ и Ольгѣ Александровнѣ и всѣмъ Эрнестидамъ.

Твой Влад. Соловьевъ.

Москва, Успенье на Могильцахъ, Малый Успенскій переулокъ, домъ Скородумова.

26.

Hôtel d'Angleterre. Петербургъ.

[Получено 23-го декабря 1900 г., 3 мѣсяца послѣ смерти автора].

Здравствуй,
милый другъ!

Я пріѣхалъ сегодня и стремлюсь къ тебѣ, а вотъ пока ходатайство: прими, пожалуйста, Аркадія Германовича Пресса, который хочетъ печатать составленную имъ маленькую популярную энциклопедію по исторіи философіи. Возможный издатель уже имѣется въ виду, но нуженъ компетентный *редакторъ*. Если ты не можешь взять этого на себя, то не поможетъ-ли тутъ Философское Общество? Вообще будь добръ, подумай и посовѣтуй.

До свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Н. Г. Чернышевскій.

I.

Ясно выступаетъ въ моихъ отроческихъ воспоминаніяхъ одинъ лѣтній вечеръ. Мы жили недалеко отъ Москвы на дачѣ въ селѣ Покровскомъ-Глѣбовѣ. Отецъ, работавшій лѣтомъ не меньше, чѣмъ зимою, удѣлялъ только воскресенья своимъ друзьямъ и знакомымъ, пріѣзжавшимъ на цѣлый день изъ Москвы и изъ ея окрестностей. Но вечеръ, о которомъ я вспоминаю, былъ не воскресный; невзначай послѣ обѣда пріѣхали Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ [1]) и Николай Христофоровичъ Кетчеръ [2]). Я, по своимъ годамъ, еще не былъ въ состояніи какъ слѣдуетъ цѣнить Корша съ его высокимъ образованіемъ и тонкимъ остроуміемъ, котораго впечатлѣніе (на взрослыхъ) усиливалось его обычнымъ заиканіемъ. Но я отъ ранняго дѣтства любилъ Кетчера съ его наружностью полу-дикаго плантатора, съ остриженными (тогда) подъ гребенку волосами, его необъятную соломенную шляпу, широчайшіе и слишкомъ короткіе парусинные панталоны, которые онъ, кажется, носилъ и зимою, свирѣпо-добродушное выраженіе лица, громкій бодрящій голосъ и безцеремонныя шутки со всѣми, сопровождаемыя громкимъ хохотомъ:

Dulce ridentem Lalagen amabam,
Dulce loquentem.

---

[1]) Библіотекарь Румянцевскаго музея, одно время редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (до Каткова) и „Атенея“, переводчикъ многихъ важныхъ ученыхъ книгъ, изданныхъ К. Т. Солдатенковымъ.

[2]) Московскій „штабъ-физикъ“, извѣстный переводчикъ Шекспира.

Гости что-то разсказали отцу и собрались съ нимъ въ его обычную вечернюю прогулку. Я попросился идти вмѣстѣ съ ними, и отецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился. Но мои надежды на веселое собесѣдованіе Кетчера не сбылись. Онъ былъ мраченъ и совсѣмъ не хохоталъ. Оказалось, что онъ съ Коршемъ пріѣхали передать отцу только что полученное изъ Петербурга извѣстіе о состоявшемся приговорѣ особаго сенатскаго суда, по которому извѣстный писатель Чернышевскій, обвиненный въ политическомъ преступленіи, былъ осужденъ на каторжныя работы въ Сибири. Оба гостя имѣли удрученный видъ, а отецъ, взволнованный, съ покраснѣвшимъ лицомъ, говорилъ какимъ то напряженнымъ, негодующимъ шопотомъ, время отъ времени переходившимъ въ крикъ.

II.

Все это не требовало бы никакого объясненія, если-бы эти люди принадлежали къ одной партіи, группѣ или направленію съ осужденнымъ. Но если въ первые годы царствованія Александра II, когда освободительныя реформы еще только подготовлялись, всѣ люди, искренно желавшіе этихъ реформъ, составляли одну большую партію, гдѣ различія въ образѣ мыслей, насколько они уже успѣли опредѣлиться, намѣренно да и невольно сглаживались въ виду общей цѣли, то въ то время, которое я теперь вспоминаю, дѣло стояло уже иначе. Главная насущная цѣль была достигнута, люди разныхъ принциповъ и идеаловъ враждебно столкнулись на дальнѣйшемъ пути и, независимо отъ старинной противоположности „славянофиловъ и западниковъ“, рѣзко обозначилось въ самомъ „западничествѣ“ существенное несогласіе между идеалистами-либералами „сороковыхъ годовъ“ и реалистами-радикалами „шестидесятыхъ годовъ“.

Коршъ и Кетчеръ были чистѣйшими правовѣрнѣйшими „людьми сороковыхъ годовъ“, живыми памятниками знаменитыхъ „кружковъ in der Stadt Moskau“. Нѣмецкая философія и Шекспиръ продолжали быть для нихъ высшими откровеніями всемірнаго смысла; къ движенію шестидесятыхъ годовъ они могли относиться только враждебно и нисколько не старались смягчать этой вражды. Особенно Коршъ всячески изощрялся въ болѣе или менѣе язвительныхъ насмѣшкахъ надъ новѣйшими идеями и „послѣдними словами“ радикальной мудрости. Могло, правда,

представляться какъ будто нѣкоторое связующее звено между направленіемъ „отцовъ“ и стремленіями „дѣтей“, именно въ лицѣ Герцена. Но, во-первыхъ, онъ былъ далеко, внѣ Россіи, и, во-вторыхъ, та умственная подвижность, благодаря которой Герценъ самолично пережилъ всю тридцатилѣтнюю эволюцію идей отъ гегельянства до соціалъ-демократіи—эта умственная подвижность Герцена не была удѣломъ его московскихъ друзей; ихъ „эволюція“ теоретически остановилась на сороковыхъ годахъ, а практически завершилась 1861-ымъ годомъ, когда они, сочтя главное сдѣланнымъ, рѣшительно разошлись съ своимъ заграничнымъ другомъ. А съ петербургскими дѣятелями новаго направленія они не имѣли никакихъ личныхъ связей, которыя бы смягчали противорѣчія въ образѣ мыслей.

Что касается до моего отца, то, какъ человѣкъ съ самыми положительными вѣрованіями въ области религіи и какъ убѣжденный „государственникъ“, онъ, конечно, былъ еще дальше отъ господствующаго направленія 60-ыхъ годовъ.

Почему же печальная судьба Чернышевскаго — самой значительной головы въ этомъ враждебномъ и, во всякомъ случаѣ, чуждомъ и не сочувственномъ имъ лагерѣ,—такъ поразила и взволновала этихъ людей? Конечно, они были слишкомъ благородны, чтобы радоваться чьему-бы то ни было несчастью. Но, если бы они считали это несчастіе заслуженнымъ, они могли бы „по человѣчеству“ пожалѣть о пострадавшемъ, указать на какія-нибудь „смягчающія обстоятельства“—и успокоиться. Но откуда это необычайное волненіе, почему эти люди выведены изъ себя?

Отчасти я могу понять причину изъ тогдашняго разговора, особенно изъ словъ отца, который говорилъ больше своихъ собесѣдниковъ. Впослѣдствіи дѣло выяснилось для меня вполнѣ.

III.

— Что же это такое?—говорилъ отецъ,—берутъ изъ общества одного изъ самыхъ видныхъ людей, писателя, который десять лѣтъ проповѣдывалъ на всю Россію извѣстные взгляды съ разрѣшенія цензуры, имѣлъ огромное вліяніе, велъ за собою чуть не все молодое поколѣніе,—такого человѣка въ одинъ прекрасный день безъ всякаго яснаго повода берутъ, сажаютъ въ тюрьму, держатъ года, — никому ничего неизвѣстно, — судятъ какимъ-то

секретнымъ судомъ, совершенно некомпетентнымъ, къ которому ни одинъ человѣкъ въ Россіи довѣрія и уваженія имѣть не можетъ и который само правительство объявило никуда негоднымъ [1]),— и вотъ, наконецъ, общество извѣщается, что этотъ Чернышевскій, котораго оно знаетъ только какъ писателя, ссылается на каторгу, за политическое преступленіе, — а о какомъ-нибудь доказательствѣ его преступности, о какомъ-нибудь опредѣленномъ фактѣ, нѣтъ и помину.

— Какъ вы странно разсуждаете,—заговорилъ Е. Ѳ. Коршъ,— ну, какія тутъ доказательства? На какой планетѣ вы живете? Мы—дѣти, они—отцы, вотъ и все. И какая у васъ черная неблагодарность. Васъ избавили отъ зловреднаго человѣка, который чуть-чуть не заперъ васъ въ какую-то фаланстерію, а вы требуете какихъ-то доказательствъ. Ну, кому-же и вѣрить на слово, какъ не правительству?

— А вотъ именно потому, — продолжалъ отецъ прежнимъ тономъ,—что я вѣрю правительству, я и не могу довѣрять тому суду, который само правительство признало никуда негоднымъ и обреченнымъ на уничтоженіе. Всѣмъ извѣстно, что это за судьи и что имъ не только судьбы человѣка, а послѣдней кошки довѣрить нельзя.

— Ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, — мрачно пробурчалъ Кетчеръ,—что ничего фактическаго не было?

— Не думаю, а совершенно увѣренъ. Вѣдь каковы бы ни были эти судьи, не въ сумасшедшемъ же домѣ они сидятъ. Сообрази самъ, допустимъ, что въ политическомъ процессѣ для успѣшнаго разслѣдованія можетъ требоваться строгая тайна. Но, когда дѣло кончено, виновность доказана, и приговоръ состоялся, то тутъ изъ-за чего же секретничать? Я готовъ даже допустить и такую нелѣпость, чтобы прятали и самого Чернышевскаго, боясь, какъ бы его не освободили. Но вину-то его, вину фактическую, доказанную, зачѣмъ прятать? Единственное объясненіе,—что этой вины нѣтъ и что объявлять имъ нечего.

IV.

Собесѣдники не спорили; разговоръ продолжался на ту же тему, но я запомнилъ изъ него ясно только то, что сейчасъ передалъ. Впослѣдствіи, въ разныхъ возрастахъ, мнѣ случалось разговаривать о

[1]) Судебная реформа была уже въ это время дѣломъ рѣшеннымъ.

Чернышевскомъ съ моимъ отцомъ, который всегда подтверждалъ свою увѣренность въ томъ, что никакого политическаго преступленія Чернышевскій не совершалъ, а былъ сосланъ за то, что его писательская (подцензурная) дѣятельность найдена была опасною для существующаго порядка.

Отецъ имѣлъ, хотя и не близкое, личное знакомство съ Чернышевскимъ: имъ пришлось видѣться и разговаривать всего два раза съ промежутками въ нѣсколько лѣтъ. Въ первое свиданіе (если не ошибаюсь, въ концѣ 1859 г.) Чернышевскій очень понравился отцу, во второе (должно быть, въ началѣ 1862 г.) онъ нашелъ въ немъ большую перемѣну, которую объяснялъ установившимся идолопоклонническимъ отношеніемъ къ Чернышевскому окружавшей его литературной и общественной среды. „Я помнилъ, говорилъ отецъ, замѣчательно умнаго и толковаго собесѣдника, скромнаго и любезнаго,—и вдругъ непогрѣшимый оракулъ, котораго можно только почтительно слушать. Совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался—узнать было нельзя“. Фактъ перемѣны въ Чернышевскомъ оставилъ свои слѣды и въ печатныхъ его произведеніяхъ; но онъ допускалъ, можетъ быть, другое объясненіе. Впрочемъ, и слова отца, помню, были сказаны не столько въ упрекъ Чернышевскому, сколько въ обличеніе незрѣлости, несерьезности и холопскаго духа въ русскомъ обществѣ. „Ну, какой тутъ можетъ быть правильный ростъ образованности? Третьяго дня ты принялся за серьезное дѣло въ наукѣ и въ литературѣ, вчера тебя потащили на дельфійскій треножникъ: не нужно, молъ, намъ твоего умственнаго труда, давай намъ только прорицанія; а сегодня, еще не прочхавшись отъ ѳиміама, ты ужь на каторгѣ: зачѣмъ прорицательствовалъ съ разрѣшенія предварительной цензуры.“

Отецъ съ своей точки зрѣнія полагалъ, что Чернышевскій, возмужавъ, сумѣлъ бы отдѣлаться отъ вреднаго дѣйствія общественныхъ поклоненій; ѳиміамъ передовыхъ кружковъ испарился бы у него вмѣстѣ съ невинными соціалистическими утопіями, и онъ сталъ бы настоящимъ умственнымъ дѣятелемъ на пользу Россіи. Тѣмъ сильнѣе было негодованіе отца на виновниковъ катастрофы: „одни испортили, а другіе совсѣмъ погубили.“ Подлинныя выраженія, которыя я хорошо помню, были гораздо рѣзче [1]).

---

[1]) Перемѣна, замѣченная отцомъ въ Чернышевскомъ, фактически несомнѣнно произошла, такъ какъ можно указать ея прямыя проявленія и въ литературѣ (напр., въ полемическомъ отвѣтѣ Юркевичу). Но имѣла-ли

V.

Отъ этихъ разговоровъ съ отцомъ у меня осталось ясное представленіе о Чернышевскомъ, какъ о человѣкѣ, гражданскн убитомъ не за какое-нибудь политическое преступленіе, а лишь за свои мысли и убѣжденія. Конечно, обнародованіе своихъ мыслей и убѣжденій въ печати есть уже поступокъ, но если этотъ поступокъ совершается съ предварительнаго разрѣшенія правительственной цензуры, казалось бы ясно, что онъ не можетъ быть преступленіемъ.

Впослѣдствіи мнѣ случилось ближе познакомиться (по нѣкоторымъ документамъ) съ дѣломъ Чернышевскаго, и мое прежнее впечатлѣніе не только подтвердилось, но стало несомнѣнною и непоколебимою увѣренностью. Я укажу здѣсь въ краткихъ чертахъ на главныя основанія этой увѣренности.

Чернышевскій былъ обвиняемъ, главнымъ образомъ, на трехъ основаніяхъ: 1) преступныя сношенія его съ эмигрантомъ Герценомъ, 2) участіе въ составленіи и напечатаніи прокламаціи къ крестьянамъ, и 3) письмо къ поэту Плещееву преступнаго содержанія.

По первому пункту выяснилось, что, когда въ 1861 г. журналъ „Современникъ“ былъ подвергнутъ непродолжительной пріостановкѣ, Герценъ обратился черезъ одного общаго знакомаго къ Чернышевскому съ предложеніемъ перенести изданіе за границу, на что̀ получилъ рѣшительный отказъ. При этомъ оказалось, что вообще къ замысламъ Герцена относительно революціонной агитаціи Чернышевскій относился отрицательно, и поддерживать обвиненіе по этому пункту найдено было совершенно невозможнымъ.

Относительно второго основанія обвиненія обнаружилось одно обстоятельство, на которое странный судъ, разбиравшій дѣло, не обратилъ вниманія, хотя при судѣ сколько-нибудь правильномъ этотъ фактъ, конечно, рѣшилъ бы дѣло въ пользу подсудимаго. Случайнымъ образомъ оказалось, что единственный его обвинитель, выгораживавшій этимъ обвиненіемъ себя самого, —и, дѣйствительно, сейчасъ-же освобожденный отъ наказанія, къ которому онъ уже

она указанную причину, или же совсѣмъ другія,—это остается спорнымъ. Она могла происходить не отъ самомнѣнія, а отъ раздраженія, вслѣдствіе оказавшейся непрочности освободительнаго движенія и появившихся уже въ 1861 г. признаковъ начинающейся реакціи.

былъ приговоренъ,—этотъ единственный обвинитель и доносчикъ на Чернышевскаго подкупалъ, какъ свидѣтеля, одного пьянаго мѣщанина, который затѣмъ оказался лицомъ столь неблагонадежнымъ, что его пришлось административно выслать въ Архангельскую губернію.

Что касается до третьяго основанія обвиненія, мнимаго письма Чернышевскаго къ Плещееву, то въ виду рѣшительнаго заявленія подсудимаго, что онъ такого письма никогда не писалъ, и что почеркъ предъявленнаго ему документа—не его, хотя въ началѣ старательно поддѣланъ подъ его руку,—были спрошены въ качествѣ *экспертовъ*... сенатскіе секретари! Какимъ образомъ эта должность и ступень служебной іерархіи является вдругъ въ видѣ особой профессіи—это есть тайна нашей дореформенной юстиціи. Между моими хорошими знакомыми есть нѣсколько лицъ, бывшихъ сенатскими секретарями (одинъ изъ нихъ еще до судебнаго преобразованія), но они рѣшительно отрицаютъ какую-нибудь свою прикосновенность къ искусству распознаванія почерковъ и различенія поддѣльнаго сходства отъ дѣйствительнаго тожества. Секретари могли говорить только о явномъ сходствѣ почерковъ, которое необходимо существуетъ и въ поддѣлкѣ. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, болѣе внимательно разсматривавшіе письмо по отдѣльнымъ буквамъ, заявили, что только нѣкоторыя буквы схожи съ способомъ писанія ихъ въ признанномъ письмѣ Чернышевскаго, другія же не похожи. Такая экспертиза была сочтена достаточною для признанія подлинности письма и для осужденія Чернышевскаго!

А между тѣмъ, помимо такого страннаго рѣшенія вопроса о почеркахъ, принадлежность Чернышевскому этого письма опровергается и по существу—и неправдоподобнымъ содержаніемъ письма, и выборомъ адресата, и выборомъ посредника. Поэтъ тихой грусти, А. Н. Плещеевъ, былъ въ жизни совершеннымъ младенцемъ. Въ ранней молодости онъ какъ-то участвовалъ въ знаменитомъ дѣлѣ Петрашевскаго, когда нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Ѳ. М. Достоевскій и Н. Я. Данилевскій (авторъ ультра-націоналистической книги „Россія и Европа“), оказались виновными въ тяжкомъ политическомъ преступленіи: въ домашнихъ разговорахъ о крѣпостномъ правѣ и въ потаенномъ чтеніи сочиненій Фурье. Приговоренные за это къ смертной казни, они были уже по прочтеніи приговора помилованы, т. е. смертная казнь замѣнена другими наказаніями: отъ каторги до высылки въ

отдаленные города на обязательную государственную службу. Послѣ этого Плещеевъ никакою политикою не занимался. И ему-то Чернышевскій, очень мало съ нимъ знакомый, написалъ будтобы письмо о какомъ-то ихъ общемъ революціонномъ предпріятіи и отправилъ этотъ документъ съ юнымъ литераторомъ, съ которымъ также вовсе не былъ близокъ, и который вмѣсто адресата доставилъ письмо въ III-е отдѣленіе. Очевидно, надъ изобрѣтеніемъ правдоподобныхъ уликъ не очень трудились: не считали нужнымъ церемониться. Что улика была завѣдомо ложная, явствуетъ изъ слѣдующаго соображенія. Вѣдь, при предположеніи подлинности письма, оно было уликою противъ Плещеева столько же, сколько противъ Чернышевскаго. Между тѣмъ Плещеевъ никакой отвѣтственности не подвергся. Ясно, что ни въ III-емъ отдѣленіи, ни въ Сенатѣ подлинности этого письма не вѣрили.

VI.

Ясно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что къ подобнымъ доказательствамъ политической преступности Чернышевскаго никто не сталъ бы прибѣгать, если бы были какія нибудь лучшія. Но ни передъ арестомъ Чернышевскаго, ни въ два года его сидѣнія въ крѣпости, никакихъ доказательствъ его преступности не удалось найти. Да и чѣмъ объяснить это долговременное предварительное заключеніе при крайней скудости обвинительнаго матеріала, какъ не надеждою судей отыскать какія нибудь улики, хоть немного болѣе приличныя. Но эта надежда оставалась тщетною, никакихъ правдоподобныхъ уликъ не являлось, и пришлось наконецъ осудить его на основаніи однихъ вымысловъ и подлоговъ.

Дѣйствительною причиною дѣла были, разумѣется, печатныя произведенія Чернышевскаго, которыя были упомянуты и въ опубликованномъ приговорѣ. Всѣ они появлялись, какъ я уже говорилъ, съ разрѣшенія предварительной цензуры. Никакихъ запрещенныхъ книгъ или брошюръ Чернышевскій никогда не издавалъ. Но вотъ одно обстоятельство, которое кажется мнѣ очень характернымъ и любопытнымъ. Изо всѣхъ сочиненій Чернышевскаго есть только одно, единственное, гдѣ можно было бы найти, если не основаніе, то нѣкоторый поводъ къ политической инкриминаціи,—именно знаменитый романъ „Что дѣлать?“. Въ концѣ его попадаются какіе то, правда, очень темные и загадочные, но все-таки будто намеки на

желательность и возможность какихъ то важныхъ перемѣнъ въ общественной жизни Россіи. Читатель, знакомый съ содержаніемъ сочиненій Чернышевскаго, но не знающій ихъ точной хронологіи и особыхъ обстоятельствъ ихъ появленія, можетъ подумать такъ: „Допустимъ, что цензоръ оплошалъ, пропустивъ эти страницы, и что формально виноватъ только онъ; но по существу дѣла, разъ эти страницы появились, онѣ могли вызвать въ „подлежащемъ вѣдомствѣ“ искреннія опасенія какихъ то политическихъ замысловъ со стороны Чернышевскаго,—подозрѣнія, которыми если не оправдывался, то извинялся и объяснялся его арестъ и осужденіе. — Но такое предположеніе возможно именно при незнаніи обстоятельствъ и уничтожается тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что романъ „Что дѣлать?“, во время ареста и преданія суду Чернышевскаго, еще вовсе не существовалъ, такъ какъ авторъ и началъ, и кончилъ его въ крѣпости, въ заключеніи, причемъ въ редакцію „Современника“ рукопись, по мѣрѣ написанія, передавалась черезъ посредство чиновъ III-го Отдѣленія. Значитъ, не только нельзя говорить объ этомъ романѣ, какъ объ основаніи для возбужденія политическаго преслѣдованія, но и послѣ своего появленія онъ могъ служить не къ подтвержденію, а только къ опроверженію предполагаемой политической преступности своего автора, такъ какъ даже его судьи должны были сообразить, что человѣкъ, рѣшительно отрицающій взведенную на него вину, не станетъ нарочно создавать и класть въ руки своимъ обвинителямъ улику противъ себя. Слѣдовательно, помянутыя туманныя мѣста въ романѣ, которыя сами по себѣ могли бы быть, но могли бы и *не* быть поняты въ смыслѣ ожиданія какого то государственнаго переворота, необходимо должны быть относимы лишь къ фаланстеріанской утопіи, которой посвященъ и остальной романъ безо всякаго политическаго значенія.

VII.

Неужели, однако, высшій трибуналъ Имперіи могъ совершить такую вопіющую неправду—предать гражданской смерти завѣдомо невиннаго человѣка? — Кто предложилъ бы такой вопросъ съ серьезнымъ недоумѣніемъ, обнаружилъ бы только то свойство, въ которомъ незадолго до своей смерти И. Аксаковъ упрекалъ русское общество. Когда съ конца 70-ыхъ и особенно съ начала

80-ыхъ годовъ часть русской печати стала усиленно нападать на судебную реформу 1864 г., причемъ подразумѣвалась желательность болѣе или менѣе прямого возврата къ старому суду, Аксаковъ, хорошо знавшій этотъ судъ по личному опыту, собралъ всю силу нравственнаго негодованія и патріотическаго чувства, чтобы отогнать этотъ вызываемый призракъ „черной неправды“ [1]). „*Поразительно коротка память у нашего русскаго общества*... Старый судъ! при одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. „Мы имѣемъ право такъ говорить“, — замѣчаетъ Аксаковъ и ссылается на первые, лучшіе годы своей молодости, посвященные служебной дѣятельности въ старомъ судѣ. Воспитанникъ училища правовѣдѣнія, обязательно вступившій на службу по вѣдомству министерства юстиціи еще въ сороковыхъ годахъ, онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее уголовное правосудіе, въ провинціи и въ столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда... Это была во истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ... Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по воспитанію въ неравную борьбу съ судебною неправдою, — и точно такъ же, какъ иногда и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: вольнодумцы, бунтовщики, революціонеры!

„Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь“ (разумѣется, самъ Аксаковъ, служившій оберъ-секретаремъ въ шестомъ департаментѣ сената) — „молодой оберъ-секретарь, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ, — и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе...“ „Передъ нами, — продолжаетъ Аксаковъ, — невольно встаютъ воспоминанія одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести

---

[1]) Повторяемыя Аксаковымъ слова изъ извѣстныхъ стиховъ, обращенныхъ Хомяковымъ къ до-реформенной Россіи:

Въ сосудахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Постыдной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна

правду сквозь путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства."

Приводя возмутительный во всѣхъ отношеніяхъ примѣръ судебной неправды и жестокости, Аксаковъ продолжаетъ: „Мы не можемъ отдаться здѣсь нашимъ воспоминаніямъ; но дѣлъ, подобныхъ расказанному, въ теченіе нашего недолголѣтняго судебнаго поприща, было множество. Не всегда неправда была послѣдствіемъ грубо-корыстныхъ побужденій, но очень часто происходила отъ преступно-небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, отношенія, взлелѣяннаго замкнутостью судилища, гдѣ всѣ были *свои*, гдѣ все было по-домашнему, куда не проникалъ глазъ посторонняго наблюдателя, гдѣ все, даже по закону, ограждалось „канцелярскою тайной" и не опасалось проклятой „гласности"."

На этой почвѣ узаконеннаго неправосудія сложилось отношеніе народа къ суду. „Судъ и неправда въ глазахъ народа были синонимами; въ заговорахъ отъ всякой напасти — изобрѣтались колдовскія слова, оберегавшія будто бы даже праваго отъ столкновенія съ судомъ... Неправосудіе представлялось какимъ то неизбѣжнымъ элементомъ жизни, чуть не основою русскаго общежитія... Что значатъ всѣ дѣйствительные недостатки новыхъ судовъ въ сравненіи съ тою сплошною мерзостью, которую мы терпѣли такъ долго, даже и не обнаруживая, къ стыду нашему, никакой особенной щекотливости и раздражительности?"

Главное общее условіе этой мерзости Аксаковъ указываетъ въ томъ, что интересъ правосудія не понимался какъ самостоятельный и безусловный, уступая или грубо-корыстнымъ побужденіямъ (преимущественно на низшихъ инстанціяхъ), или сторонним внушеніямъ и усмотрѣніямъ (на высшихъ инстанціяхъ). Въ обоихъ случаяхъ судъ не былъ независимымъ. А „судъ зависимый,—говоритъ Аксаковъ, есть безсмыслица, contradictio in adjecto, или же чудовищная аномалія: зависимый *судъ* не есть судъ" (Сочиненія И. С. Аксакова, Москва, 1886, томъ IV, стр. 652 и слѣд.).

Послѣднимъ въ Россіи яркимъ проявленіемъ этой, по словамъ Аксакова, „неправды черной", этой „мерзости запустѣнія", этой „чудовищной аномаліи" было дѣло Чернышевскаго. Назвать его „судебною ошибкою" было бы совсѣмъ не точно, такъ какъ для судебной ошибки необходимо, чтобы были двѣ вещи: во-первыхъ, судъ и, во-вторыхъ, ошибка, т. е. невольное заблужденіе. Но въ дѣлѣ Чернышевскаго не было ни суда, ни ошибки, а было только

завѣдомо неправое и насильственное дѣяніе, съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ. Было рѣшено изъять человѣка изъ среды живыхъ,—и рѣшеніе исполнено. Искали поводовъ, поводовъ не нашли, обошлись и безъ поводовъ.

Я надѣюсь, что мнѣ еще представится возможность болѣе подробно поговорить о Чернышевскомъ и его дѣлѣ, а пока я хотѣлъ только напомнить объ этомъ дѣлѣ, которое до сихъ поръ остается тайнымъ. Если Чернышевскій былъ осужденъ справедливо, то что же мѣшаетъ открыть основанія его осужденія, а если его осудили несправедливо, то пора русскому обществу снять съ себя обвиненіе Аксакова, что оно терпитъ „мерзости, даже и не обнаруживая, къ стыду своему, никакой особенной щекотливости и раздражительности“.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что всѣ сообщенія печатныя, письменныя и устныя, которыя мнѣ случилось имѣть объ отношеніи самого Чернышевскаго къ постигшей его бѣдѣ, согласно представляютъ его характеръ въ наилучшемъ свѣтѣ. Никакой позы, напряженности и трагичности; ничего мелкаго и злобнаго; чрезвычайная простота и достоинство. Въ теоретическихъ взглядахъ Чернышевскаго (до катастрофы) я вижу важныя заблужденія; насколько онъ ихъ сохранилъ или покинулъ впослѣдствіи, я не знаю. Но нравственное качество его души было испытано великимъ испытаніемъ и оказалось полновѣснымъ. Надъ развалинами безпощадно разбитаго существованія встаетъ тихій, грустный и благородный образъ мудраго и справедливаго человѣка [1]).

Влад. Соловьевъ.

14 декабря 1898 г.
Москва.

---

[1]) Эта статья сообщена М. Н. Чернышевскимъ; она предполагалась къ помѣщенію въ асхабадской газетѣ „Закаспійское Обозрѣніе“, редакторъ которой, К. М. Ѳедоровъ, нѣсколько лѣтъ жилъ у Н. Г. Чернышевскаго въ Астрахани въ качествѣ переписчика. По цензурнымъ условіямъ статья, однако, не могла быть напечатана; по смерти Соловьева г. Ѳедоровъ воспользовался ею для своей книжки „Н. Г. Чернышевскій“.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	III—V
Письма къ Н. Н. Страхову	1—60
Письма къ Н. Я. Гроту	61—10[illegible]
Письма къ М. М. Стасюлевичу	103—145
Письма къ А. Н. Пыпину	145—149
Письма къ С. М. Лукьянову	150—154
Письмо къ И. А. Шляпкину	155
Письмо къ N. N	156
Письмо къ И. О. Лапшину	157
Письмо къ С. Д. Лапшиной	158—159
Письма къ Л. А. Севу	160—161
Письмо къ Н. П. Бахметевой	16[illegible]
Письмо къ А. К. Грефе	163
Письма къ Фр. Рачкому	164—179
Письма къ еписк. Штроссмайеру	180—193
Письма къ В. Л. Величко	194—235
Письма къ В. М. Преображенскому	236—242
Письмо къ Н. А. Котляревскому	243
Изъ писемъ къ Э. Л. Радлову	244—270

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ литературныхъ воспоминаній. Н. Г. Чернышевскій . . . . . 271—[illegible]8